

Дмитрий Алексеевич Савочкин
Тростниковые волки

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599677
«Тростниковые волки / Дмитрий Савочкин»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47139-3

Аннотация

Новый роман автора «Марка Шейдера» Дмитрия Савочкина – пожалуй, самый психологически точно выверенный конспирологический триллер в отечественной литературе за последние несколько лет. Лихо закрученный сюжет – лишь начало. Чем глубже в него погружаешься, тем лучше понимаешь, что перед тобой – приключенческая и одновременно очень философская книга, очень необычное и оригинальное размышление о множественности миров нашей вселенной и о роли человеческой инициативы в глобальной предопределенности.

Герой романа – «черный» археолог, специализирующийся на армейских жетонах Третьего рейха. Однажды – за баснословное вознаграждение – он берется выполнить странную работу: найти покончившую самоубийством девушку. Найти ее живой. И на пути у него встанут не только люди...

Поклонники знаменитых сериалов с многомиллионной аудиторией по всему миру – «Секретные материалы», «Скользкие» и «Грань», – несомненно, полюбят этот роман и найдут в нем много интересных идей и соображений. Роман держит в напряжении до последней страницы, но и после не отпускает, раз и навсегда меняя традиционный взгляд на привычные вещи и явления.

Дмитрий Алексеевич Савочкин

Тростниковые волки

Моей жене и моему сыну

Пролог

Дождь был страшный. Ключко, кажется, и представить себе не мог раньше, что бывают такие дожди. Вода не лилась – она стояла плотной стеной, дрожащей, вибрирующей, будто живой, разбивалась о землю, упруго подскакивая, и тут же увлекалась струями, потоками, реками, затопившими всё вокруг. Кромешную тьму время от времени прорезали яркие вспышки молний, где-то совсем рядом, а секунду спустя однотонный грохот дождя нарушался взрывом чудовищного грома. Затем ещё одна вспышка – и ещё один взрыв. И казалось, не будет этому конца. Дождь лил уже несколько часов, с вечера, и даже не собирался утихомириться.

Машина с трудом плыла по дороге, свет фар выхватывал ближайшую пару метров и дальше таял без следа. Таксист нервничал, время от времени закуривал, Ключко напоминал ему, что не выносит дыма и что окна закрыты, и таксист, матерясь, тушил очередную сигарету, давя её в пепельнице. Их там собралась уже целая коллекция, а в машине стоял сигаретный смрад, несмотря на то что таксист так ни одной сигареты и не выкурил. У Ключко уже побаливала голова. Он посмотрел на часы. Скоро должно было светать, но он не был уверен, что рассвет сумеет пробиться сквозь этот фантастический ливень. «Господи, это похоже на сон, – подумал он, – дурной сон».

Наконец машина заехала в ворота, и Ключко застегнул свой плащ. Открывать зонт не имело смысла: во-первых, до входа в приемный покой всего несколько метров, а во-вторых, Ключко уже был мокрым до нитки, ведь тех нескольких секунд, что он бежал от двери подъезда к машине, оказалось достаточно, чтобы на его одежде не осталось сухого пятнышка. Машина остановилась. Ключко расплатился, вдохнул, выдохнул, снова набрал полную грудь воздуха, распахнул дверь и выскочил под дождь. На него тут же обрушился водопад, сильный и злой, не позволяя собраться с мыслями, ничего толком увидеть или понять, и Ключко в ужасе мчался что было сил к дверям, на непослушных ногах с прилипшими штанинами и полами плаща, хлюпая промокшими насквозь ногами, выставив руки куда-то в стороны и вверх, будто пытаясь защититься от неведомой силы. В конце концов он забежал под козырёк, и стена дождя осталась у него за спиной. Он восстановил дыхание и открыл двери.

Ему навстречу выбежала медсестра.

–□ Николай Сергеевич, Николай Сергеевич, – лепетала она с южным акцентом, – слава богу, а мы вас тут ждём. Я уж и не знала, что думать. Вы сказали «еду», а я и не знаю...

–□ Ну что, – грозно выдавил из себя Ключко, отряхиваясь, – где он, этот ваш пациент? Что за срочность-то? Господи, что ж там такого, что до утра не могло подождать?..

–□ Так вы ведь сами сказали – если что, сразу вам звонить. Я и позвонила. – она помогла Ключко снять плащ, – а до утра, я так побоялась, что он и не дотянет...

–□ В смысле, не дотянет?.. Он что, ранен, что ли?

–□ Нет, он... да вы пройдите, посмотрите сами.

–□ Ну да, верно. А где дежурный врач? Кто там, Андрей сегодня?

–□ Ну да, ну да, Андрей Владимирович. Он в шестом корпусе.

–□Что он там делает? Да ещё в такой дождь? Он был, когда этого вашего гостя доставили?

–□Нет-нет, он был в шестом корпусе.

«С этими его блядками Андрей доиграется когда-нибудь», – зло подумал Ключко, но вслух ничего не сказал. Он разделся до рубашки и отдал верхнюю одежду медсестре. Сам он уверенно прошёл в уборную, где попытался кое-как подсушиться, вылил воду из туфель, отжал носки, затем помыл руки и умылся. Он приложил руки к лицу и постоял так несколько секунд, успокаиваясь. Затем отнял руки и посмотрел на себя в зеркало. «Ну что? – подумал он. – Сам сказал, чтоб тебя будили посреди ночи, рвёшься в заоблачные дали, хочешь научной работы, хочешь защитить диссертацию, много всего хочешь и сразу. Выгребай теперь».

–□Давай посмотрим на него, – сказал он вслух, закрутил воду и вышел.

Вслед за медсестрой он прохлюпал по ярко освещённому коридору до лестницы, затем на второй этаж, затем до одиночных палат. Возле третьей палаты на табуретке, прижавшись спиной к стене, сидел санитар и читал газету. Увидев Ключко и медсестру, он аккуратно сложил газету и встал. Из-за двери доносилось глухое мычание, оно было похоже на работу некоего прибора – с перебоями, но уверенно пыхтящего над какой-то своей, приборовой, задачей.

–□Когда его доставили? – спросил Ключко и сел на другую табуретку. Санитар тоже сел и не спеша пожал плечами.

–□Да часа три назад.

–□И что, он всё время вот так мычит?

–□Ну что вы... это он уже успокоился. Он тут такие концерты закатывал: то орал, то пел как-то...

–□Пел?..

–□Ну, не знаю даже... такие звуки издавал, я таких и не слышал даже никогда. – Санитар попробовал повторить звуки, у него получился набор голосовых модуляций, определенно напоминающих крик Тарзана.

Ключко опер локти о колени и погрузил лицо в ладони на несколько секунд. Затем опять посмотрел на санитаря:

–□Опознали?

–□Я ж вам по телефону сказала, что нет, – вставила медсестра. – Они говорят: будем опознавать, а до установления личности, говорят, путь у вас тут побудет.

–□Чего они его посреди ночи привезли-то? – спросил Ключко. – Что у них, КПЗ переполнено совсем? И не поленились же в такой дождь...

–□Я так думаю, – осторожно сказал санитар, – они перепугались.

–□Перепугались?..

–□Да! Я когда его увидел, тоже, признаться, вздрогнул, а я тут, сами знаете, много разного видел, меня удивить чем-то трудно. Ну вот они и решили от греха подальше к нам его привезти, чтоб если что – сказать, что это не их забота. Ну и не их ответственность, ясное дело.

Из-за двери доносилось всё то же мычание – на мгновение прекращалось и продолжалось снова.

–□Он что-нибудь говорил? – спросил Ключко.

–□Я не слышал ничего, хотя по разговорам ментов я так понял, что он им что-то там в отделении выдал членораздельное. А спрашивать я не стал...

Ключко посмотрел на медсестру.

–□Они не сказали... – растерялась та, – я не знаю...

–□Завтра созвонитесь с ними и уточните каждое слово, которое он сказал в отделении, каждое действие его. Ясно?

Медсестра перепуганно кивнула.

–□Вы если так будете собирать анамнез, – сказал Ключко, – даже больного гриппом не

вылечите никогда.

Клочко посмотрел на санитар и вздохнул:

–□ Он в рубашке?

–□ А то!

–□ Открывай, глянем на этот ночной кошмар.

Шутка повисла в воздухе, не разрядив обстановку, а, наоборот, сгустив общее напряжение. Санитар нехотя встал с табуретки, достал ключи, собрался с духом и открыл дверь.

Косой луч света от лампы из коридора упал на пол палаты, высветив согнувшегося в три погибели человека. Клочко сделал шаг внутрь, поднял руку и включил свет. Под потолком зажглась лампочка без абажура, моментально окрасив всё происходящее в желтоватый цвет. Желтоватыми стали подбитые войлоком стены, клетчатый линолеум на полу, прикрученная к полу кровать с подбитой войлоком доской. Желтоватыми стали человек на полу, Клочко, санитар и осторожно заглядывающая в дверь медсестра.

Человек на полу был высок – метр восемьдесят или метр девяносто, худощав, с длинными, почти до плеч, иссиня-чёрными волосами. Он стоял на коленях, наклонившись всем корпусом вниз и уткнувшись лбом в пол. Волосы были размётаны по щекам, полностью скрывая его лицо. Руки, скованные рукавами смиренной рубашки, были зажаты между животом и ногами. Он ритмично покачивался вперёд-назад, непрерывно мыча.

Клочко сразу почувствовал, что с ним что-то не то. Поза, в которой этот человек сидел, раскоряченные ноги в больничных штанах, под странным углом вывернутые плечи – всё это было неуловимо неестественно, но требовалось время, чтобы уловить каждую конкретную деталь. Правое плечо было отведено назад, а левое прижато и поднято; на левой ноге босые пальцы, причём только три, дёргались то вперёд, то назад, в то время как два других упирались в пол. Шея при раскачивании человека подворачивалась под таким сильным углом, что больно было смотреть – на правой ягодице, просматривавшейся под натянувшейся штаниной, пульсировала мышца, как будто её то сводило судорогой, то отпускало.

Несколько секунд вошедшие стояли молча, затем Клочко сказал:

–□ Добрый день!

Человек никак не отреагировал.

–□ Меня зовут Николай Сергеевич, я врач, – продолжал Клочко. – Я пришёл сюда, чтобы вам помочь.

Человек не реагировал.

Клочко обратился к санитару:

–□ Можно попытаться его поднять?

–□ Ну... если осторожно. Вы не забывайте о том, что он в ментовском «бобике» решётку высадил. Это он кажется хилым, а там дури немерено.

–□ Ну ладно... давай потихоньку...

Клочко зашёл справа, санитар – слева. Они аккуратно, выставив вперёд руки, приблизились к человеку и медленно взяли его под мышки. Тот не сопротивлялся. Врач с санитаром подняли человека и медленно подтащили его к кровати, затем так же аккуратно посадили его, оперев спиной о стену. Клочко осторожным, но уверенным движением отбросил волосы с лица пациента и обомлел.

Сухое обветренное лицо было изъедено глубокими морщинами, рот был скривлён, верхняя губа слегка заходила сверху на нижнюю, но всё это подмечалось после. Первое, что приковало внимание Клочко, – это глаза человека, один из которых, правый, смотрел прямо на доктора, а второй был повернут влево и вверх и заметно вздрагивал, описывая короткие дуги.

–□ Вы меня слышите? – спросил Клочко.

Человек никак не отреагировал.

–□ Вы понимаете, кто вы и где находитесь?

Левый глаз плавно поехал вниз и постепенно описал полную окружность, в то время как правый по-прежнему смотрел строго на Ключко. Доктор отступил на шаг назад и ещё раз внимательно осмотрел больного. Тот по-прежнему сохранял неестественную позу, теперь уже сидя на кровати, – его плечи и пальцы на ногах были в таком же положении, и левый глаз медленно пошёл на второй круг. Ключко повернулся к санитару, чтобы дать распоряжение, и тут человек заговорил.

–□Крхрхххр... – Он закашлялся, потом прочистил горло, затем наклонился всем корпусом вперёд и снова выпрямился, опершись о стену. – Ты... я... я...

–□Вы меня слышите? – спросил Ключко.

–□А... а...

–□Вы слышите, что я вам говорю?

–□А... – Человек стих, потом вздрогнул. – Я... да, я вас слышу... Я слышу то, что вы говорите...

Человек говорил глубоким грудным голосом на чистом русском языке. Ключко глубоко вздохнул.

–□Меня зовут Николай Сергеевич. Я врач. Вы понимаете, кто вы, где вы находитесь и как вы здесь оказались?

–□Вы... я... оказался.

Человек замолчал. Ключко молчал. Санитар и медсестра, осторожно заглядывающая в дверь, тоже молчали.

–□Меня потеряли, – вдруг сказал человек, – я оказался здесь. Меня потеряли.

–□Кто вас потерял?

–□Меня потеряли. Я оказался здесь потому, что они меня потеряли. Меня потеряли.

–□Хорошо, давайте начнём сначала. – Ключко встал прямо напротив пациента. – Вы можете сказать, кто вы?

–□Я... я... – Человек начал странно раскачиваться из стороны в сторону, елозя спиной по стене. Его поза не изменилась. Один глаз по-прежнему смотрел на Ключко, а второй по-прежнему бегал, только траектория его теперь стала гораздо сложнее. – Я не могу. Я не могу сказать. Нет слов. Чтобы сказать, кто я, нет слов.

–□Нет слов, чтобы сказать, кто вы? – недоумённо переспросил Ключко.

–□Нет слов. Я... меня потеряли...

–□А есть слова для того, чтобы сказать, кто вас потерял?

Человек начал трястись.

–□Крхррхрххрр... крхрхххрхххрхрхр...

–□Послушайте, успокойтесь, пожалуйста, – сказал Ключко. – Что бы с вами ни произошло, это уже позади. Вы находитесь в безопасном месте. Я здесь, чтобы помочь вам. Я...

–□Меня потеряли, – вдруг перебил его человек, – вы не понимаете. Они меня потеряли. Вы не понимаете.

–□Чего, чего именно я не понимаю? – спросил Ключко.

Человек повернулся вправо, затем провёл головой справа налево, будто осмотрев всё вокруг, и сказал:

–□Они придут за мной. Они меня потеряли. Они никогда ничего не бросают. Вы просто не понимаете. – Человек посмотрел прямо в глаза Ключко, помолчал несколько секунд и снова повторил: – Они придут.

Одесса

–□По-о-одъезжаем. Одесса. По-о-одъезжаем. Вставайте, подъезжаем. – Голос приближался из дальнего угла вагона, постепенно врываясь в сон, становясь всё более и более навязчивым. И в конце концов полностью разрушил сновидение, когда проводник широким жестом распахнул дверь купе и сказал мне прямо в ухо:

– ВСТАВАЙТЕ, ПОДЪЕЗЖАЕМ.

–□ Угу, – промычал я.

Он закрыл дверь и пошёл дальше. Его голос становился всё тише и тише, пока окончательно не исчез после посещения им последнего купе. Я нехотя приоткрыл глаза и посмотрел на часы. Ещё нет шести. Дурилка ты картонная, я могу ещё сорок минут спать. Это уж не говоря о том, что Одесса – конечная остановка, мимо проехать всё равно невозможно. Ну что за садизм такой изысканный, будить людей в середине ночи, чтоб сказать, что через час приедем? Надо посоветовать проводникам каждый час всех будить и сообщать, сколько осталось до Одессы.

Заснуть уже не получалось, я поворочался немного, затем развернулся и стал глядеть в окно, не вставая со своей верхней полки. Кроме меня, в купе уже никто не спал, все шумно и активно собирались, что-то обсуждали друг с другом, пили чай, гремя ложечками, ходили сдавать бельё, пересчитывая простыни вслух, и громко смеялись. Сова никогда не поймёт, над чем смеются жаворонки в шесть часов утра. Сове вообще невдомёк, над чем в принципе можно смеяться в шесть утра.

Вскоре за окном начались одесские пригороды, перемежаемые солончаками. Все мои соседи по купе уже сидели одетые, при полном параде, держась за свои баулы, как будто собрались прыгать из вагона на ходу и не были уверены в том, где именно придётся прыгать. Пригороды плавно перешли в промзону, затем как-то сразу, неожиданно возник перрон. Мои соседи по купе зашевелились и один за другим, попрощавшись, вышли в коридор. Оставшись один, я спрыгнул на пол, быстро, но спокойно оделся, взял свою сумку, оглянулся, чтоб проверить, что ничего не забыл, и вышел.

Одесса встречала меня холодным промозглым ветром, ворохами опавших листьев. «Откуда они взялись на перроне?» – Я огляделся по сторонам. Деревьев не было. С одной стороны перрона был вокзал (сколько раз приезжал в Одессу, но никак не привыкну к тупиковой ветке), с другой – бесконечно уходящие вдаль железнодорожные пути, плавно поворачивающие направо. Казалось, что эти листья специально кто-то сюда принёс и рассыпал, чтобы создать осеннее настроение. Я глубоко вздохнул и пошёл к выходу с вокзала.

В шесть сорок утра в чужом городе совершенно нечего делать. Первая встреча у меня в девять. Гостиница у меня с двенадцати, и переться туда сейчас не имело смысла – это было далеко от места встречи, а сумка у меня нетяжёлая. Все кафе и рестораны ещё закрыты. Даже, блин, «Макдоналдс» – не люблю эти вездесущие кафе – ещё закрыт. Я вышел из здания вокзала и повернул налево – к Привозу.

Тут жизнь била ключом. Кто-то разворачивал торговлю, кто-то уже сворачивал, кто-то что-то обсуждал по телефону, какие-то оптовики на удивление тихо переругивались с продавцами, словно боясь спугнуть предрассветную меланхолию. Я прошёлся вдоль рядов и замер у здорового рыбного прилавка. Заготовив пустые ящики, грузчик вытаскивал из грузовика живую рыбу. Рыба отчаянно билась и вырывалась, не в силах сообразить, как далеко она находится от дома. Грузчик вытягивал рыбу из цистерны и выкладывал в ящики, которые ставил тут же, один на другой. Некоторым рыбам всё же удавалось вырваться, и они начинали скакать по асфальту. Грузчик подбирал их и снова бросал в ящики. Одной из рыбин удалось спрятаться, она упрыгала за колесо грузовика, и грузчик её не увидел. Когда всё закончилось и грузовик отъехал, она так и осталась лежать на асфальте посреди улицы.

В конце концов меня кто-то толкнул, у меня спросили, не повылазило ли мне, и я побрел дальше.

Обойдя весь базар по кругу, я вернулся на вокзал и снова посмотрел на часы. Почти семь. Я подошёл к «Макдоналдсу», и прямо перед моим носом мальчик в форме распахнул дверь, словно они только меня и ждали. Я остановился возле прилавка, и девочка за кассой мне улыбнулась.

Одесса здесь тоже начиналась сразу, без раскочки:

–□ Добрый день, заказывайте.

–□ Дайте, пожалуйста, макнагетс, девять кусочков, соусы – два карри, картошку по-сельски, самую маленькую, какая у вас есть, и колу. Тоже самую маленькую.

–□ На десерт што жилаете?

–□ А что у вас есть?

–□ Марожинайе, макфлури и пирашки с разными начинками.

–□ А вы что посоветуете?

Она задумалась, но лишь на секунду:

–□ Ну, если ви любите марожинайе, то возьмите тогда марожинайе или макфлури, а если ви любите всякие пирашки, то возьмите пиражок.

Спасибо, родная, ты мне очень помогла.

–□ Пирожок давайте. С вишней. И давайте лучше чай вместо колы.

–□ Есть ищё кофе, ни жылаите?

–□ Нет, спасибо. Чай.

Я расплатился, взял свой заказ и поставил его на столик. В кафе больше никого не было, поэтому я не стал осторожничать: просто поставил сумку на стул и пошёл в туалет. Рассмотрел себя в зеркале, вымыл руки, умылся, сполоснул рот, причёсался пальцами, затем высушил руки в сушилке и вернулся в зал. Я выудил из сумки учебник Лахтина, раскрыл его на новых сплавах и начал есть.

Время тянулось утомительно медленно, но у меня был богатый опыт его убийства. Дважды делая дозаказ и изучив основные закономерности усадки бронзы, я закончил завтракать к восьми. Можно было посидеть ещё, а потом поймать такси, но, во-первых, сидеть больше не хотелось, а во-вторых, я ненавижу таксистов. Поэтому я решил прогуляться пешком.

До Соборной площади от вокзала в общем-то недалеко, поэтому я сделал крюк и прошёлся по центру города. Одесса была всё та же. Она по-прежнему напоминала красивую, но порядком потёртую проститутку из разряда самых дорогих. Что-то разрушалось, что-то строилось. Огромные жилые новостройки в центре в целом выдерживали архитектурный стиль, но убогие советские коробки и полуразрушенные екатерининки навевали лёгкую грусть. Барокко, перемежаемое конструктивизмом, ампиризм и мавританским стилями, обилие идиотских вывесок, объявлений и непереносимые растяжки через всю улицу создавали цветастое визуальное безобразие, дразнящее и чем-то симпатичное. Город уже проснулся, и теперь туда-сюда по всему центру сновали люди, на каждом перекрёстке стояли пробки, и гигантские джипы неуклюже парковались на тротуарах, почти наезжая толстыми задками на пешеходов, с криками отскакивающих, матерящихся и идущих дальше по своим делам.

Я останавливался на каждом перекрёстке перед пешеходным переходом и оглядывался по сторонам в ожидании зелёного света. Глубокое синее небо было наполовину затянуто тучами, и солнечные блики то появлялись, то исчезали из окон, зеркал, хромированных деталей автомобилей и металлических выносных реклам.

Я свернул на Дерибасовской, прошёлся до сквера и уселся на лавочку. Люди сновали туда-сюда, по тротуару ходили прикормленные голуби, солнечные лучи появлялись и исчезали. Я посмотрел на часы. Ну что, пожалуй, пора.

Начинался новый день.

Дверь открыли после третьего звонка. Недовольная секретарша долго искала в каких-то своих бумажках записи обо мне, потом кому-то перезванивала, потом искала опять. В конце концов она подняла на меня злые глаза и сквозь зубы проговорила:

–□ Идите, пожалуйста, за мной.

Она провела меня в переговорную и тем же злым голосом предложила кофе, от которого я с облегчением отказался. Минут через пятнадцать появился заместитель главы фонда. Многословно извиняясь за опоздание, он спросил, как я доехал, разузнал всё о моей жизни, здоровье и настроении, как мне Одесса, какие планы и когда обратно. Затем резко перешёл к делу, спросив, удобно ли мне работать с материалами в этой комнате и сколько времени мне понадобится.

–□ Да я, в общем-то, хорошо себе представляю, что там, – пожал я плечами, – я даже черновик заключения уже написал. Думаю, пары-тройки часов мне будет достаточно.

–□ Вы без ноутбука? – задумчиво спросил заместитель.

–□ Без. А зачем он мне? Я заключения от руки пишу, а с ноутом таскаться нужно.

–□ Хм... ну хорошо. Мне хотелось всё красивенько оформить.

–□ У меня хороший почерк, – сердито сказал я, – а вы бы лучше думали о хорошем колоколе, а не о красивеньком оформлении. У вас в тендерном задании нечеловеческая каша. Я ж вам всё объяснял: литьё в ХТС не брать даже в тендер, лом не использовать, размеры определять по согласованию со звонарями, чтобы тон выбрать правильный. Вы всё проигнорировали. Вы мне платите, в общем-то, приличные деньги – зачем, если вы всё равно меня не слушаете?

–□ Что поделатъ, что поделатъ, – покачал головой заместитель, так что его толстые щёки затряслись, – мы ограничены в средствах, поэтому должны рассматривать все возможности. Ничего нельзя отбрасывать. Каждая возможность может таить в себе окончательный вариант.

«Взятку она для тебя может таить», – подумал я, но вслух ничего не сказал: в этот момент зашла секретарша с толстыми папками тендерных предложений и разложила их на столе передо мной. Заместитель сказал, что не будет меня отвлекать, и испарился.

Я погрузился в чтение.

За всю свою жизнь – а у меня есть кое-какой опыт, поверьте – я не видел ещё ни одного коммерческого предложения, которое бы содержало ясную суть того, что тебе предлагают. С колоколами это достаточно просто: состав бронзы (откуда металл, пропорции, примеси), профиль, размер, три строчки о технологии литья и ожидаемая высота основного тона. Дальше приписка о том, какой опыт литья у предприятия и где можно услышать их колокола вживую. Все. Полстраницы.

Но нет, целые фолианты заполняются мусорной информацией о древних традициях, рисунках на поверхности колокола, православной православноности и офигенной музыкальности, как будто тебе не благовест предлагают, а целый карийон.

Я по диагонали просмотрел все предложения, останавливаясь на действительно важных моментах, время от времени выписывая некоторые детали на отдельный листок. Работа шла быстро, но слишком уж много было бумаги, чтоб легко её пролистать. Когда я закончил с последней папкой, было начало одиннадцатого. Я вышел в коридор и попросил секретаршу принести мне воды, если можно – сразу графин. Графина не было, но можно было набрать воды в кофейник. Ну, если он вам пока не нужен, то можно и кофейник.

Я вернулся за стол и сел работать над заключением. По большому счёту, от меня требовалось три строчки – этих берём, этих не берём, но врождённая обязательность требовала отработать деньги. Я начал издали, изложил предысторию, свой взгляд на принципы оценки, затем подробно разобрал каждое предложение по параметрам, по очереди подбивая итоговые оценки. Выводы были пространными, но чертовски точными – сродни утреннему «если вы любите мороженое, берите мороженое, а если любите пирожки, то берите пирожок». Я посмотрел на итог своей работы несколько минут и добавил своё личное мнение, указав производителя и параметры колокола, которые бы выбрал я. За время работы я два раза выходил в туалет и выпил почти весь принесённый секретаршей кофейник. В начале первого часа дня заключение было готово. Я откинулся на спинку стула, потянулся, и в этот момент у меня зазвонил телефон.

–□ Привет-привет, ну что, ты в Одессе? – протараторил Клуня.

–□ Привет, Клуня. Да, с шести утра. Я как раз заканчиваю заключение по тендеру для фонда.

–□ А, ну вот и хорошо, славненько. Ну что, мы на два, как договаривались?

–□ Да, если я найду это твоё кафе.

–□ Найдёшь-найдешь, его тут все таксисты знают. Ну до встречи. Пока-пока. Пока-пока.

Клуня был, в общем, в своём репертуаре, но что-то в его голосе не давало мне покоя. Размышляя об этом, я вышел в коридор и сказал секретарше, что закончил. Из-под земли вырос заместитель, который, рассыпая многословные благодарности за проделанную работу, проводил меня к выходу и с видимым удовольствием попрощался.

«Колокола, – подумал я, рассматривая его щёки, – я б ему булки к завтраку выбирать не доверил».

На улице я взял такси – теперь уже нечего выделяться! – и поехал в гостиницу.

–□Одна ночь... С возможностью продления, – сказала девушка за стойкой рецепции и посмотрела на меня сияющими глазами.

–□Я думаю, мне одной ночи хватит, – уверенно сказал я. Не знаю, что там у Клуни за дело, но больше двух дней я тут задерживаться не намерен. Однажды я уже приехал в Одессу на три дня, взяв с собой одну смену носков и одну смену трусов, и застрял здесь больше чем на месяц. Нет уж. Хватит.

–□Возьмите ваш паспорт. А вот ключи от вашего люкса. Сюда, пожалуйста. – Она сделала жест рукой, показывая мне путь к лифту.

–□Люкса? – переспросил я.

–□Да, номер люкс. Оплачен наперёд. И кредитный резерв на случай, если вы задержитесь.

Я кивнул. Хм, кажется, этот мифический заказчик во мне заинтересован. Он что, колокольную мастерскую собрался открывать? Я никогда ещё не жил в номере люкс. Что ж, всё когда-нибудь надо делать в первый раз.

–□Вызовите мне, пожалуйста, такси на половину второго, – попросил я и пошёл к лифту.

В фойе возле низкого стеклянного столика, утопая в огромных креслах, сидели две девушки в вызывающих, не по сезону коротких юбках и листали журналы. Одна из них проводила меня долгим умоляющим взглядом. «Господи, кого ж они тут ловят в обед буднего дня?» – мелькнула у меня мысль.

Я поднялся на свой этаж, нашёл номер и открыл дверь. Номер и правда был шикарный. Однокомнатный, но чертовски длинный, с огромным окном в одну стену и огромным зеркалом напротив. Если отдернуть шторы и стать посередине, казалось, что с обеих сторон тебя окружают небо и город. Ещё большая прихожая со шкафом-купе, огромная ванная комната с джакузи и шикарный LCD-телевизор напротив кровати. Да, в такой комнате хотелось остаться ещё на денёк. Или на два. Где ж он был, этот номер люкс, когда я в промозглом феврале торчал месяц в этом сумасшедшем городе без всяких бытовых удобств и ясных перспектив вырваться на свободу?

Я разложил все вещи, разделся, побросав одежду на кровать, и залез под душ. Плескался я минут двадцать – сначала под горячей водой, затем под холодной, затем опять под горячей и снова под холодной. Я выбрался оттуда посвежевший, порядком проголодавшийся и готовый к любым встречам, даже с полными безумных идей, вечно торопящимися и слушающими тебя вполуха Клунями.

Таксист и вправду знал этот ресторан. Безвкусно обставленный убогими декорациями какой-то морской тематики, он был вполне в духе Клуни – во всяком случае, насколько я знал Клуню. Мы познакомились с ним несколько лет назад, когда мне надо было кое-что продать, а у него как раз на примете были покупатели. Клуня всегда что-то кому-то продавал, или, вернее сказать, впаривал. Даже если он действительно продавал тебе стоящую вещь по плёвой цене, ты всё равно не мог отделаться от ощущения, что он пытается тебя надуть. Весь вид Клуни, каждое его слово и каждое движение выдавали в нём пройдоху. Именно поэтому я никогда ничего у него не покупал, зато привлекать его на свою сторону как посредника в продаже бывало очень полезно. Поэтому я поддерживал с ним контакты. Пару дней назад он вдруг позвонил мне и каким-то холодным голосом поинтересовался, еду ли я к ним в Одессу, как обещал. Я подумал, что ничего ему не обещал, а вслух сказал, что да, еду, и спросил, чего это он вдруг об этом вспомнил. Пива хочет вместе выпить?

–□Нет, не пива, – сказал он и тут же осёкся, – то есть, конечно, и пивка тоже, конечно, с удовольствием с тобой выпью, но после дела.

–□Какого дела? – спросил я.

–□Понимаешь... – Клуня замаялся. Это было такой редкостью, что я слегка опешил и даже не слушал его дальнейшие объяснения. К чему, если я могу спросить у него всё то же самое, сидя лицом к лицу?

Теперь, спустя два дня, я сидел в кичевом морском ресторанчике, пялился в меню невидящими глазами и ждал Клуню в предвкушении злого, прямо-таки чудовищного допроса, который я ему сейчас устрою.

Клуня появился без опоздания, без одной минуты два, одетый в безупречный серый костюм с галстуком и идущий какой-то очень степенной, полной самоуважения походкой. Все это – и отсутствие привычного опоздания на двадцать минут, и костюм, и походка – было так не похоже на него, что я поначалу даже не знал, что сказать. Поэтому начал Клуня.

–□Привет, привет. Привет, друже. – Он горячо и как-то чересчур долго тряс мою руку, затем сел напротив и стал демонстративно громко спрашивать, что вкусного сегодня дают и что я заказал выпить. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

–□Гостиницу было необязательно заказывать, – в конце концов сказал я, – мне и фонд бы её оплатил.

–□Он настоял, он сказал, что ты его гость и он обязательно должен тебе оплатить пребывание в Одессе, – привычной скороговоркой затараторил Клуня, – он и билеты рвался тебе купить, всё самолёт хотел тебе предложить какой-то, и я его отговорил с большим трудом. Сказал, что ты летать боишься и что всё купил уже, в оба конца. На поезд. В оба конца.

–□Клуня, – недоумённо спросил я, – что-то случилось?

–□Да нет, а что, нет, а что-то должно было случиться?

–□Что с тобой такое? Я тебя не узнаю сегодня!

Клуня тряхнул головой, глубоко вздохнул и посмотрел на меня. Теперь я опять говорил со старым, привычным мне пройдохой, правда, как мне показалось, очень напуганным.

–□Да мне просто очень не по себе от всей этой истории. От этого заказчика и от твоего этого дела...

–□Погоди! Никакого «моего дела» нет ещё и в помине. Ты мне сказал: он очень хочет меня видеть, что-то хочет мне предложить и готов заплатить деньги просто за одну встречу и разговор, так?

Клуня молча залез в карман пиджака и выудил оттуда пачку новеньких банкнот, которые небрежным движением бросил на стол. Я взял пачку. Ну, не так много, чтоб я мог больше не работать до конца жизни, но за одну встречу – чертовски много денег.

–□Это только за разговор? – на всякий случай ещё раз спросил я.

–□Да, точно, – он кивнул, – можешь быть уверен, я сам два раза переспросил. И это один из моментов, от которых мне не по себе. Он кажется одержимым, понимаешь... – Клуня вдруг запнулся, затем, видимо, так и не нашёл, что сказать, и уткнулся носом в меню.

–□Кто он такой вообще? Давай колись, рассказывай всё, что знаешь.

Подошла официантка, мы сделали заказ, и Клуня, путаясь и запинаясь, рассказал мне предысторию. С ним связались буквально за час до того, как он позвонил мне, – по словам Клуни, «знакомый друга одного бывшего клиента его партнёра», в общем, близкий родственник. У Клуни спросили разрешения связать его с этим заказчиком, и тут же, не дожидаясь ответа, дали кому-то чей-то телефон, и Клуня уже говорил с Самим.

Кто таков этот Сам – я так и не понял, хотя Клуня, должно быть, был уверен, что подробно мне всё объяснил. Клуня называл его Караимом, и, судя по всему, он и сам себя так называл – хотя не думаю, чтобы он был караимом по национальности или вероисповеданию. Если собрать из беспорядочной речи Клуни всю полезную информацию, выходила приблизительно следующая картина.

Караим – невероятно богатый (ну это я сразу понял) и влиятельный человек, который

тем не менее предпочитает в любой ситуации оставаться в тени. Его имя известно очень немногим, а его настоящего имени, вполне возможно, не знает никто. Он прямо или косвенно оказывает влияние на множество политических и экономических процессов в стране – точных механизмов я не уловил, но пара имён «карманных политиков Караима» произвела на меня впечатление. Вероятно, у него талант легко договариваться с людьми и легко покупать то, что ему нужно, даже если это не продаётся. Караим живёт очень тихо, ведя затворнический образ жизни, – впрочем, когда тебе принадлежат два верхних этажа в огромной высотке в центре города, это не так уж трудно. Однако самым удивительным в Караиме было его происхождение – никто не мог толком сказать, коренной ли он одессит, и если нет, то откуда он приехал. Никто не знал, сколько ему лет, никто не знал происхождения его гигантского капитала.

Клуня никогда никаких дел с Караимом не вёл, но пару раз косвенно пересекался, потому уже раньше был о нём наслышан. И тут вдруг Караим рвётся с ним поговорить и требует познакомиться со мной. Ну, Клуня насторожился, хотя тот предлагал реальные деньги и отказываться было не с руки.

Я не стал спрашивать, сколько в этой истории за посредничество получил Клуня.

Короче говоря, он перезвонил мне, убедился, что я приезжаю, и договорился, что я встречу с Караимом сегодня во второй половине дня. И всё.

–□ На какое время он назначил встречу?

–□ Он сказал, чтоб ты приезжал, когда тебе будет удобно. Он целый день сегодня дома.

–□ Что, прямо так и сказал? Может, перезвонить предварительно надо? Может, он в душ пойдёт как раз, когда я приеду?

–□ Он сказал, чтобы ты приезжал, когда тебе удобно. Он дома, – нетерпеливо повторил Клуня и огляделся по сторонам.

–□ Клуня, ты чего-то недоговариваешь. Давай, что там ещё?

–□ Ну, в общем... – Клуня снова замялся. Все эти его паузы и неловкости были настолько нетипичны, что доставляли мне огромное наслаждение.

В этот момент подошла официантка и принесла наш заказ. Пока она выставляла на стол тарелки, Клуня с видимым облегчением помогал ей, что-то переставлял на столе, затем вцепился в бокал пива, как в спасительную соломинку.

–□ За встречу, – сказал он, когда официантка отошла, и мы чокнулись бокалами.

Пиво было свежим и очень холодным. Это выдавало в нашем неказистом ресторанчике «правильное место», одним из обязательных атрибутов которого является ледяное пиво – в любую погоду, даже снежной зимой. Я с удовольствием сделал несколько больших глотков, поставил бокал на стол и посмотрел на Клуню:

–□ Так что «в общем»?..

–□ В общем, – Клуня понизил голос почти до шёпота, – у Караима была дочь. Взрослая уже. Это его единственный ребёнок и, в общем, вся его семья. Я об этом давно знал...

–□ Была? – переспросил я.

–□ Да. Была. Я только вчера узнал, что она погибла. Вернее, покончила с собой. Она выбросилась из окна, прямо из этого его пентхауса, причём буквально накануне его звонка. То есть у Караима из окна выбрасывается дочь, и он тут же звонит мне и ищет встречи с тобой. Короче, мне что-то подсказывает, что тут есть взаимосвязь. Не улавливаешь?

Я не нашёлся что ответить. Откуда я знаю? Возможно, взаимосвязь действительно имеется. Может быть, Караим решил в память о дочери построить храм и повесить под его куполом фантастический колокол? Но к чему тогда эта спешка? И в конце концов, даже я с моим самомнением не мог не признать, что Караим, обладающий бездонным кошельком, мог нанять человека и пограмотнее. В России или в Голландии есть спецы с таким опытом, что я по сравнению с ними – просто дилетант. Да ведь колокола никогда и не были по-настоящему моей страстью.

Клуня налегал на еду, видимо, пытаясь отвлечься от неприятной темы. Я задумчиво сжал в кулаке свой бокал и сделал несколько глотков.

–□Короче, – продолжил Клуня с набитым ртом, – мне всё это просто ужасно не нравится. Я, в общем, взял там свой процент, и до свидания. Я тебе сейчас дам его адрес, а ты уж иди выясняй, чего ему от тебя нужно, работай с ним или не работай с ним – это уж тебе решать.

–□Погоди. Ты что, со мной к нему не пойдёшь?

–□Нет. И не собираюсь. Чего это мне к нему идти?

–□А зачем же ты так вырядился? – Я показал рукой ему на грудь.

Он перестал жевать и задумчиво оглядел свою одежду, будто только что впервые её увидел.

–□Ну, не знаю, – сказал он, – на всякий случай. Мало ли что? Но я с тобой к нему не пойду. Ты не обижайся, но это просто бизнес. Мавр сделал своё дело – мавр может отойти в сторонку.

Я взял в руки пачку банкнот, которую мне передал Клуня, и задумчиво проворочил ее пальцами. Это самая большая сумма, заплаченная за одну встречу, про какую я когда-либо знал. Сейчас меня как никогда разбирало любопытство: что ему было от меня нужно? Из-за чего человек может выложить такие деньги? Просто чтобы увидеть другого человека и поговорить с ним – даже безо всяких гарантий?

Я кивнул и приступил в обеду. Мы продолжали о чём-то трепаться, обсуждали старые дела и общих знакомых и ни словом больше не обмолвились о загадочном заказчике и его дочери. Только в конце нашего разговора, когда мы уже расплатились по счёту, Клуня неувловимым движением фокусника выхватил откуда-то страницу из записной книжки с чётко записанным на ней адресом – Одесса, улица, дом, этаж, номер квартиры – и, ни слова не говоря, передал её мне.

Затем с удовольствием пожал мне руку. Он выглядел теперь совсем обычно – тот самый торгаш, с которым я расстался последний раз на одесском вокзале. У него словно гора с плеч свалилась.

Я прошёлся пару кварталов, чтоб выветрить алкоголь, а затем поймал такси. Никакого смысла выжидать я не видел.

Таксист задумчиво посмотрел на протянутую ему бумажку в адресом. Затем перевёл взгляд на меня.

–□Вам по этому адресу? – осторожно осведомился он. Видимо, когда Клуня говорил, что широкой публике Караим неизвестен, он в чём-то ошибался или чего-то недоговаривал.

–□Да, именно сюда, – сказал я и удобно развалился на сиденье.

Дом Караима и правда оказался в самом центре. Его громада возвышалась над екатерининскими дворами-колодцами, даже не пытаясь сделать вид, что ей среди них уютно. Я подошёл к подъезду и нажал на кнопку звонка. Консьерж спросил у меня, к кому я, и я назвал ему номер квартиры. Дверь открылась.

–□Я вам сейчас подключу, – говорил консьерж, пока я шёл по коридору, – обычно, если не подключено, лифт на верхние этажи не едет, а я вам сейчас подключу. Мне хозяин даёт указание, когда подключать, а когда не подключать. Я вам сейчас подключу, он сказал, вы придёте и сразу подключить вам, чтобы вы к нему ехали.

Я зашёл в лифт, и консьерж наклонился ко мне из коридора, чтоб показать, на какую кнопку мне надо будет нажать, когда он подключит. Затем спешно куда-то ретировался, и я услышал приглушённый коридором голос:

–□Нажимайте.

Я нажал на кнопку этажа. Двери лифта закрылись. Лифт поехал. Я набрал в грудь побольше воздуха и шумно выдохнул. «Знаешь, когда-то один парень упал с крыши небоскрёба. Падать было далеко. Вот летел он и думал: пока вроде всё идёт хорошо. Вот и у тебя пока вроде всё идёт хорошо», – говорил я себе. Лифт жалостно скрипнул и остановился. Двери открылись.

Я оказался на просторной, хорошо освещённой площадке правильной прямоугольной формы. С площадки можно было выйти в одну из двух дверей: в лифт или в квартиру

напротив. «Интересно, – подумал я, – а разве по правилам пожарной безопасности тут не должно быть ещё лестницы?» Впрочем, лестница могла вести из квартиры в другую сторону, ей необязательно было проходить через лифтовую площадку.

Я подошёл к двери квартиры, решительным движением поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка, и дверь отворилась за секунду до того, как я успел это сделать.

–□ Я ждал вас, – сказал Караим.

Это был высокий мужчина с совершенно седой головой и лоснящейся красной кожей. У него были серые глаза, которые в зависимости от освещения меняли цвет – то они казались мне зеленоватыми, то голубыми. Он был одет в дорогой полосатый костюм-двойку поверх тонкого свитера. У него были осторожные, но очень правильные, отточенные движения, а его острые глаза будто всё время ощупывали собеседника. На вид ему было... совершенно непонятно сколько лет. Бывают такие люди. Наверное, больше сорока. И это единственное, что можно было сказать наверное.

Он отступил, пропуская меня, и я вошёл в квартиру.

Прихожей не было – только вешалка сбоку возле входной двери и полка для обуви (я снял куртку и разулся). Уверен, я никогда раньше не видел таких больших квартир – комнаты переходили одна в другую, иногда даже без дверей, и эта анфилада уходила куда-то вдаль, как в Эрмитаже, постепенно заворачивая вбок. Весь интерьер выдержан в английском классическом стиле, добротном и тяжеловесном. В комнатах оказалось очень много вещей, но располагались они каким-то магическим образом и совершенно на меня не давили. Тяжёлые кресла, дубовый стол со стульями и разнообразная мелочь на полках и всех горизонтальных поверхностях: кактусы в горшках, деревянные шкатулки, подсвечники изысканной ковки (один меня сильно заинтересовал, но не было времени рассматривать), какие-то астролябии и маленький, но очень красивый деревянный глобус. Хозяин вёл меня через свой дом, давая мне возможность рассмотреть всё, что стояло и висело в комнатах на стенах: скрещённые палаши, голову оленя, зеркало, голову кабана, картины с лесными видами. Во второй комнате полстены занимал камин. Мы остановились в третьей по счёту комнате, и Караим залез в стенной бар, чтоб налить себе выпить. Я рассмотрел батарею коньяков в баре и с неудовольствием отметил, что скотчей там нет. Очень по-украински.

–□ Что будете пить? – спросил Караим.

–□ Ничего, спасибо. Я выпил пива за обедом, не люблю смешивать.

Пока Караим наливал себе коньяк, я рассмотрел комнату. Огромные окна за тяжёлыми тёмными шторами, длинная напольная ваза с цветами между окнами, полки с книгами на стенах, дубовые часы-витрина с тяжёлыми гириями, кресло-качалка и деревянный столик со стеклянной крышкой перед креслом. Большая настенная лампа, освещающая всю комнату. На одной стене – массивная картина, изображающая боттичеллиевскую Венеру, одетую в норковую шубу и с плёткой в руках. На другой – карта звёздного неба. На полу – гигантская медвежья шкура.

–□ Как вас называют друзья? – без обиняков начал Караим.

–□ Клёст. Хотя странно, что вы этого не знаете, – улыбнулся я.

–□ Я знаю. Но неловко называть Клёстом человека, который тебе ещё не представился.

–□ Мне тоже неловко называть вас Караимом.

–□ И тем не менее лучше всего называйте меня именно так. Это самое правильное... имя...

–□ Спасибо за номер в гостинице, – начал я, но он меня перебил:

–□ Я вас пригласил не для того, чтобы расшаркиваться. Извините. У меня к вам деловое предложение.

–□ Ну что ж, будет очень интересно узнать, какое, – принял я подачу. – Признаться, я ума не приложу, чем могу быть вам полезен.

–□ О, можете. Поверьте мне. – Караим прошёлся по комнате и повернулся ко мне: – Я хочу предложить вам работу. Ненадолго, я полагаю, всего на неделю или на пару недель. Вы кое-что сделаете, а я щедро оплачу ваши услуги.

–□ В вашей щедрости я не сомневаюсь. Но принять или отвергнуть ваше предложение я смогу только после того, как вы скажете, что я должен буду сделать.

–□ Я хочу, – сказал он и взболтнул коньяк в бокале, – чтобы вы нашли мою дочь.

«Вот так!» – подумал я.

–□ Хм... а сколько у вас дочерей?

–□ Одна. У меня только один ребёнок, и, думаю, больше мне уже не суждено иметь.

–□ Ну... не хотелось бы, чтобы вы неправильно меня поняли, но... насколько я знаю, она мертва. Ваша дочь, по крайней мере, насколько я слышал, покончила с собой три дня назад. Выбросилась из окна этой квартиры.

Я выжидающе посмотрел на Караима, но он был невозмутим.

–□ Вы хотите, чтобы я нашёл её тело? Его украли из морга?..

–□ Где её тело, я знаю, – уверенно сказал Караим и снова замолчал.

–□ Ну... – Я растерялся. – Если вы говорите про её бессмертную душу, то, полагаю, она давно уже на небесах, сидит одесную Иисуса Христа, ну и так далее...

–□ Нет, – Караим покачал головой, как уставший, но терпеливый педагог, которому надо опять всё объяснять сначала, – моя дочь не где-то там. Она не на небе. Она не под землёй. Она здесь, на земле, я знаю это. Более того, я знаю, что она на Украине. И я хочу, чтобы вы её нашли. Вот и всё.

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня. Я ждал, что ещё он скажет, но он не говорил ни слова. Ничего нельзя было прочесть на его окаменевшем лице – ни один мускул не дрожал, он не моргал и просто смотрел на меня.

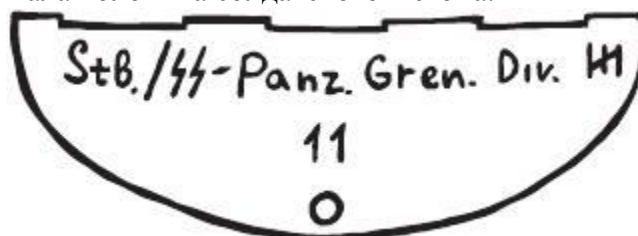
Чтобы как-то разбавить эту паузу, я пожал плечами и спросил:

–□ А почему вы *меня* об этом просите?! Я ведь не сыщик. Я никогда раньше в жизни не искал пропавших людей, тем более... мёртвых.

Тут Караим поднял вверх свободную руку и подбросил в воздух маленький блестящий предмет. Я поймал его на лету в кулак, затем медленно разжал руку.

И тогда я понял, почему Караим так хотел нанять именно меня.

У меня на ладони лежала половина солдатского жетона.

Солдатский жетон

–□ Что вы можете сказать об этом жетоне? – спросил Караим.

–□ Немного. – Я подошёл к лампе и поднёс жетон к свету. – Нижняя половина солдатского жетона, стандартной формы, разлом по перфорации. Лёгкий цветной металл, – я щёлкнул пару раз по жетону ногтем, – обычная латунь. Может быть, легированная, странно блестит. Надпись сделана «правильной стороной», ориентация сверху вниз и в «правильном порядке», сверху – номер части, снизу – регистрационный номер военнослужащего, такой строгости придерживались только в начале войны, хотя в начале войны жетоны обычно делали из алюминия. Надпись хорошо читается. Верхняя строчка – штаб мотопехотной дивизии СС и сбоку вольфсангель. Нижняя строчка – одиннадцать. Очень маленький номер, как для штаба дивизии, это, наверное, офицер, но в какой должности – сказать невозможно, от дивизии к дивизии номера гуляют. Судя по номеру, жетон был выдан в самом начале войны, странно только, что латунь, а не алюминий. И очень странно, что нет номера самой дивизии. – Я перевернул жетон обратной стороной, но там было только стандартное «Waffen-SS», – чертовски странно, я никогда такого не видел... хотя... может быть,

вольфсангель и есть номер дивизии! Это был символ второй дивизии СС – «Дас Райх». Его ещё в двух дивизиях использовали. В четвёртой дивизии СС, но она была полицейской, а не мотопехотной, и там был вертикальный вольфсангель. И в голландской, дай бог памяти, тридцать четвёртой СС – «Ландсторм Недерланд», там тоже был горизонтальный, но другой формы, и образована эта дивизия была в самом конце войны. Да, это «Рейх». Хотя я никогда раньше не видел руну вместо номера или названия подразделения.

–□ Думаете, подделка? – усмехнулся Караим.

–□ Нет. Для подделки это, во-первых, слишком мудрёно. Подделка бы как раз выглядела обычной и в глаза не бросалась. Во-вторых, никто не подделывал бы полжетона – почему не сделать сразу целый? А в-третьих, подделывать жетоны вообще – идиотское занятие, работа не окупится.

–□ Ну да, – сказал Караим, улыбаясь, – это же не тотенкопфринг.

Он явно знал обо мне куда больше, чем я думал.

–□ Есть ещё одна неувязка, – продолжил я, – вторая СС в начале войны называлась по-другому. «Резервная дивизия», «ферфюгунгс дивизион» – именно такая надпись должна быть на обороте. Человеку с одиннадцатым номером в штабе жетон должны были выдать ещё в тридцать девятом году, и на нём никак не могло стоять слов «Панц. Грен»... Хотя... может быть, ему выдали жетон повторно, после утери. Это правдоподобная версия. Он потерял жетон, скажем, в сорок третьем. Вторая СС уже называлась «Мотопехотной», но ещё не была «Танковой». Ему выдали дубликат жетона, выполненный очень аккуратно, по правилам, указав новое название части и оставив его старый регистрационный номер. Этим же объясняется и то, что жетон латунный, а не алюминиевый.

–□ Bravo, – сказал Караим и изобразил беззвучные аплодисменты. Затем прошёлся по комнате и спросил: – Что вы вообще знаете о немецких солдатских жетонах?

–□ Хм... да практически всё, – сказал я, решив, что скромность здесь неуместна.

–□ А конкретнее?

–□ Это что, проверка?

–□ Ну, будем считать так. Мне в самом деле интересно, что вы можете рассказать по вопросу.

Что ж, в конце концов он заплатил мне кучу денег за одну беседу, и я не видел причин не просветить его. Он так и не предложил мне сесть, поэтому я поставил ноги на ширину плеч и начал вещать менторским тоном:

–□ Германская армия – пионер использования солдатских жетонов, и на сегодняшний день нет ни одной другой армии мира, равной ей в масштабах и аккуратности их использования. Впервые жетоны появились во второй половине девятнадцатого века. Есть красивая легенда о сапожнике, у которого сыновья на фронт уходили, а он им делал бирки с адресом. Но в историю вошёл Лоэффер, генерал-врач, который отвечал за опознание солдат после битвы у Кёниггретса в австро-прусскую войну в 1866-м. Там была дикая бойня, в итоге из почти девяти тысяч трупов опознали чуть больше четырёх сотен солдат. Помимо того, что это создавало трудности в учёте и ведении статистики, это препятствовало возможности родственникам получать компенсации от государства. Тогда – да и до сих пор так действует большинство государств мира – страна платила семье при потере кормильца, но не платила, если он пропал без вести.

–□ Так что для страны – это экономия? – перебил меня Караим.

–□ Нет, как раз большие затраты возникают из-за невозможности точно понять число находящихся солдат; из-за сложности дальнейшего учёта пропавших без вести – ведь через какое-то время они всё равно признаются погибшими и семье всё равно нужно платить. Кроме того, в ситуации войны неумение вести учёт в войсках – это просто большой риск. Так что экономия сомнительная.

С 1869 года вступил в действие знаменитый параграф 110 – радость коллекционеров военной атрибутики. Это параграф распоряжения о санитарной службе, согласно которому все военнослужащие действительной службы прусской армии должны были носить на шее

под одеждой жетон. Вариантов самого жетона тогда было несколько, делались они из разных материалов, но текст на жетонах был стандартным: название части и номер солдата в списке. Солдатам жетоны выдавались бесплатно, а офицерам продавались, и офицеры считали, что вправе украшать жетон различными гравировками. Такие жетоны сейчас на вес золота, но в продаже их практически нет. Жетоны назывались тогда «рекогносцирунгсмарке», и солдаты их не любили – считалось, что если наденешь жетон на шею, то в ближайшем бою непременно погибнешь.

В 1878 году в германской армии приняли новый устав. Нельзя сказать, чтоб ситуация с жетонами поменялась кардинально, но изменились по крайней мере две вещи: во-первых, жетоны переименовали из сложного французского «рекогносцирунгсмарке» в понятное немцам «эркенунгсмарке» (хотя для русского уха оба слова звучат одинаковой тарабарщиной), а во-вторых, жетоны из прямоугольных стали овальными и остаются такими до сих пор. При этом ни материал, ни размер жетонов по-прежнему не регламентировались, и главное – к началу Первой мировой было решено увеличить объём информации. Теперь на жетоне указывались не только часть и номер солдата, но его полные имя и фамилия, дата рождения и домашний адрес. Теперь уж, ясное дело, в надписях на жетонах стали изгаляться кто во что горазд. При переводе солдата из части в часть иногда на жетон наносили всю его историю. Найденный врагом, такой жетон был ценным источником информации о движении войск. Но об этом поначалу не подумали. Чтоб поместить на жетон всю эту «поэму», в качестве стандарта приняли довольно большой размер жетона – пять на семь сантиметров. На таком жетоне можно написать всю речь Брежнева на XXIII съезде, и ещё останется место для перечня брежневских наград. Но именно этот размер останется стандартным вплоть до конца Второй мировой.

Жетоны тех лет сейчас можно время от времени найти, есть любители, копающие места крупных боёв Первой мировой – возле Равы-Русской, в Закарпатье, под Луцком. Копают, конечно, ради редкого оружия или наград, а довольствуются обычно болванками снарядов и жетонами. Они не очень ценны, хотя за какой-нибудь необычный экземпляр можно получить до сотни долларов.

После конца Первой мировой в стандарт жетонов ввели последнее изменение из тех, что сохраняются до сих пор: информацию (её объём снова сократили до номеров части и солдата в списке) стали набивать два раза, а посередине жетона делать перфорацию для разлома. Теперь у мёртвого солдата можно было не забирать весь жетон, оставляя труп без опознавательных знаков, а отламывать половину, оставляя вторую на теле. Нижняя, отломная половина, ехала в Берлин вместе с рапортом о числе погибших, а верхняя оставалась на теле, чаще всего навсегда – солдат хоронили вместе с их жетонами.

С 1925 года в рейхсвере ввели стандартный «еркенунгсмарке» (или ЕМ) сухопутных войск. – Я поднял жетон, показывая его Караиму. – Приблизительно такой. Длина – 70 миллиметров, высота – 50, толщина – один, сверху – две дырки для шнурка (потом снизу добавилась ещё одна, чтоб собирать отломные половины убитых), посередине – перфорация из трёх прорезей, надпись дублируется дважды, оба раза ориентация – сверху вниз, оба раза – сверху часть, снизу номер солдата. Жетоны тогда делали из цинка или латуни – она устойчивее к коррозии, но дороже. Некоторые жетоны того времени из латуни или анодированного латунью алюминия были яркого жёлтого цвета, и до сих пор находятся идиоты, которые думают, что они из золота. Впрочем, в рейхсвере ЕМ выдавали только солдатам, заступающим на боевое дежурство, в мирное время весь запас жетонов хранился на складе. На них не было данных, только надпись «Deutsches Reichsheer» – «Немецкие державные сухопутные войска». Так что на руках жетонов того времени осталось сравнительно немного, на рынке они всплывают время от времени как штучный товар.

Но это всё предыстория. Жетоны, с которыми сегодня имеют дело коллекционеры, практически все времён Второй мировой. Как и этот. – Я снова поднял жетон, показав его Караиму.

Караим одобрительно кивнул, приглашая меня продолжать.

— История жетонов Второй мировой начинается с 1935 года, когда возник вермахт и его командование приняло решение изготавливать жетоны из алюминия или алюминиевого сплава. Никто тогда не представлял себе, что война может в столь значительной степени переместиться вверх и понадобится делать тысячи самолётов, чтобы удерживать хотя бы паритет в воздухе, не говоря уже о превосходстве. Поэтому алюминий был сравнительно дешёв.

Массовая выдача жетонов началась в 1938 году, при подготовке к аншлюсу и разделу Чехословакии. Тридцать девятый и сороковой годы — это романтическое время вермахта. Германия молниеносно захватывала страну за страной, часто вообще без единого выстрела, — Дания, к примеру, была оккупирована меньше чем за сутки. Казалось, что вермахт непобедим и сопротивляться ему может лишь безумец. Жетоны того времени вполне отражают эту атмосферу — они однотипные, стандартные, с чёткими надписями, ясными сокращениями и маленькими порядковыми номерами. — Я провёл большим пальцем по лицевой стороне жетона. — Но это продолжалось недолго.

Уже в сороковом начинается первый разнобой. Выясняется, что в горящем самолёте алюминиевый ЕМ просто плавится и прочесть его затем невозможно, поэтому для ВВС вводят жетоны из жаропрочной стали. Такие же жетоны затем введут и для танкистов, но массово это будет происходить уже в сорок втором. С сорокового же на жетонах появляется группа крови. — Я присмотрелся к ЕМ у меня в руках. — Странно, что на этом её нет, если это дубликат середины войны. Одна буковка — А, В, О или две буквы — АВ. С сорок первого года группа крови красуется практически на всех жетонах. Затем, ближе к середине войны, из-за недостатка алюминия жетоны начинают делать из чего попало — чаще всего из цинка или цинковых сплавов. Каждая воинская часть для выдачи жетонов новобранцам должна была иметь запас болванок, двадцать процентов от списочной численности, но уже в сорок первом весь запас израсходовали. В дело идут старые рейхсверовские жетоны, жетоны неправильной формы, с рукодельной перфорацией. Кроме того, меняется сам принцип набивания надписей. Теперь нижнюю половину надписи разворачивают к центру, делая сам жетон полностью симметричным, и списочный номер солдата набивают сверху — потому что он короче и его удобнее набивать в более узкой части ЕМ. Сокращённое название подразделения в узкую часть могло и не влезть, так что оно всё чаще красуется возле линии перфорации.

В некоторых частях, выполнявших диверсионные задачи, название воинской части не сокращали, а шифровали цифровым кодом, хотя это сравнительно редкие экземпляры.

Отдельная песня — история военно-морских жетонов. Там так же, как в Первую мировую, продолжали набивать на жетоне имя, был свой набор материалов изготовления, своя размерность и особенные правила носки, потому что на море жетоны чаще терялись. Но поскольку эти жетоны на рынке редки — в украинских степях корабли не плавают, я не думаю, чтобы жетоны «кригсмарине» вас заинтересовали.

— Вы правы, «кригсмарине» меня не интересует, — сказал Караим.

— Ещё один отдельный стандарт, — сказал я и снова взгляделся в данный мне жетон, — это жетоны СС. Их обычно легко датировать, потому что до апреля сорок первого на них на всех заводская штамповка — «SS-Verfügungstruppe» или «SS-V.T.», обозначающая резервные войска СС, а с апреля сорок первого — «Waffen-SS», как на этом жетоне. Приблизительно с середины войны, когда жетонов уже не хватает, пропадает и эта надпись, остаётся просто «SS» в сокращённом названии части, стандартным шрифтом или в виде рун.

Всего за время своего существования вермахт, включая Ваффен-СС, выдал восемнадцать миллионов жетонов — каждому военнослужащему, немцу или легионеру и некоторым — дубликаты после утери. Чуть больше трёх миллионов жетонов были разломлены пополам, и нижние их половины были отправлены в ВАСт — справочное бюро вермахта по учёту потерь. Ещё чуть более миллиона остались на шеях пропавших без вести бойцов. Именно эти-то жетоны сегодня откапывают, затем продают на рынке вместе с оружием, ремнями, бляхами, наградами и, конечно, касками.

–□И вы тоже продавали их?

Я помолчал секунду, попытавшись поймать взгляд Караима, но он смотрел куда-то в сторону.

–□Нет, я ими не торговал. Они стоят недорого, долларов двадцать штука. Можно выручить больше, если продавать их ВАСт или каким-нибудь объединениям родственников погибших, но бизнес на этом не сделаешь. Кроме того, это некрасиво.

–□Некрасиво?

–□Снимая с шеи мёртвого солдата опознавательный жетон, ты превращаешь его в неизвестного бойца. Он будет считаться пропавшим без вести, и родственники никогда ничего не узнают о его судьбе.

–□Так это вы прикладывали фотографии к мешкам с останками?

Я улыбнулся:

–□Я не знаю, какой именно случай вы имеете в виду, но я действительно, если мне приходилось забирать жетоны, фотографировал их и оставлял фото с телами. Ломать жетоны через 60 лет после войны мне казалось варварством, к тому же целые больше ценятся, а оставлять тела неопознанными нельзя.

–□Подумайте, – сказал Караим и посмотрел на меня очень серьёзно, – как быстро вы сможете найти вторую половину жетона, который вы держите в руках.

–□Как быстро? Я бы ставил вопрос по-другому – возможно ли это в принципе? Вторая дивизия воевала на огромном пространстве от Испании до Волги. Хозяин этого жетона может лежать под любым кустом, в любой яме, под любым зданием, построенным на всём этом пространстве с 1945 года до наших дней. Если бы жетон был сломлен другим солдатом и донесение о смерти владельца было вовремя доставлено в ВАСт, то был бы призрачный шанс найти место гибели. Но что-то мне подсказывает, – я посмотрел на Караима, – что половина жетона, которую я держу в руках, никогда не попадала в ВАСт.

–□Вы абсолютно правы, – кивнул Караим.

–□Тогда я весьма компетентно могу вам заявить, что вторую половину жетона найти невозможно.

–□Я, видимо, неверно сформулировал свой вопрос. Давайте так: если я не найму вас, существует ли другой человек, который с большей вероятностью, чем вы, сумеет найти вторую половину жетона?

–□Хм... мне кажется, я уже ответил, что жетон найти невозможно.

–□Скажем, я не стремлюсь сейчас найти жетон. Мне нужно найти человека, который сумеет определить местонахождение второй половины жетона *с наибольшей вероятностью*. Итак, кто, если не вы? Есть такой человек?

Я задумался.

Чёрт, речь всё-таки шла не о колоколах. Там я мог прикинуться веником, сослаться на авторитеты, насоветовать литейщиков или мастеров, отослать к книгам. Но здесь я был бессилен. Приходилось признать холодную правоту его слов: если он хочет получить максимальную вероятность, то лучше меня ему никого не найти.

–□Слушайте, – начал я вместо ответа, – я давно уже этим не занимаюсь...

–□А по моей информации, не так уж давно. Я понимаю, все мы время от времени хотим перемен. Я сам много раз менял сферу своих занятий и области интересов, можете мне поверить. Вы сейчас занимаетесь... кажется... колоколами? Что ж, ваше дело, ваше дело. Но теперь поставьте себя на моё место. Мне нужен кто-то, кто попытается сделать нечто и у кого есть наибольшие шансы на успех. Наибольшие шансы на успех у молодого человека, который стоит сейчас напротив меня. Поэтому я и предлагаю вам деньги за то, что вы просто попытаетесь сделать это нечто. Разумеется, в рамках, которые определите для себя сами и с соблюдением всех необходимых формальностей, законов и правил. Я хочу вас нанять.

Он замолчал, и я вздохнул. В глубине души я уже понял, что мне не отвертеться, что меня *засасывает* это дело, но всё же стоило сделать последнюю попытку:

–□Честно говоря, я не улавливаю никакой связи между вашей погиб... хм... дочерью и

этим жетоном.

—□ А вам и не нужно улавливать эту взаимосвязь. Внутри она слишком сложна. Снаружи она выглядит следующим образом: в тот момент, когда вы поймёте, где находится вторая половина жетона, вы сумеете найти мою дочь. Не важно, что вы сами об этом думаете, — я это знаю. Поэтому и предлагаю вам работу. Скажем, на следующих условиях: вы попытаетесь найти жетон, а вместе с ним и мою дочь и потратите на это две недели вашего времени. Не больше и не меньше, если вы, конечно, не найдёте их раньше. Я заплачу за эти две недели. — Он поставил коньячный бокал на столик, достал из внутреннего кармана пиджака чековую книжку и ручку и быстро, словно одним росчерком, написал сумму, затем вырвал чек и протянул его мне. Сумма была из тех, какие видишь на реальных финансовых документах раз в жизни, не больше.

Караим продолжил:

—□ Если вы за две недели ничего не находите, то мы считаем наш договор завершённым. Вы ничего мне не должны. Если же вы определяете местонахождение жетона, то немедленно звоните мне, и я плачу вам ещё столько же.

—□ А если я найду жетон, но так и не найду... хм... вашу дочь... Что тогда?

—□ Клётс, вы очень сообразительный молодой человек. Но поверьте мне — не пытайтесь сейчас понять, а просто поверьте на слово, — есть вещи, которые знаю и понимаю я и которых не знаете и не понимаете вы. Найдите вторую половину жетона. И вы получите вторую половину гонорара. Не найдёте — что ж, я буду знать, что сделал всё, что было в моих силах.

—□ Почему же только две недели? Я думаю, тут многих лет может оказаться недостаточно...

—□ Если вы не найдёте жетон за две недели, думаю, вы не найдёте его никогда. Тогда вы просто оставляете себе эти деньги и забываете обо мне навсегда. Не думаю, что после этого судьба ещё когда-либо сведёт нас вместе.

Он замолчал, но теперь его молчание приобрело ярко выраженную окраску — ожидающую. Я должен был сказать своё слово. Да или нет. Я засунул руки в карманы джинсов и медленно пошёл по комнате, рассматривая картины и украшения на стенах, чтобы хоть как-то потянуть время.

—□ Разумеется, — вдруг снова заговорил Караим, будто сообразивший, что не сказал ещё что-то важное, — ваш гонорар будет заплачен официально, с уплатой всех налогов. Я знаю, как трепетно вы к этому сейчас относитесь.

—□ А те наличные, что вы мне передали? — спросил я, рассматривая стены.

—□ Ну, во-первых, это отдельная сумма, за нашу нынешнюю встречу. А во-вторых, вам в любом случае нужны будут наличные на расходы. Я дам вам достаточную сумму, чтобы покрыть все расходы и для вас, и для других...

—□ Каких других?

—□ Ну, полагаю, вам понадобится помощник... — он уловил мой взгляд, направленный на «Венеру», — или помощница. А может быть, даже несколько.

Я повернулся к нему:

—□ Две недели?

—□ Да, две недели.

—□ Я ищу вторую половину этого жетона две недели, а вы платите мне за это сумму, указанную на чеке. Если я нахожу жетон, вы платите мне ещё столько же.

—□ Да, именно так.

—□ Вот номер моего счёта, — сказал я и достал из кармана визитку, — перечислите всё сюда.

—□ Правильно ли я понимаю, что вы согласны?

—□ Да, мы договорились.

—□ Отлично. — Он взял мою визитку и посмотрел на часы, стоявшие на полу возле стены. — Оговоренную сумму вам переведут уже сегодня... и я бы не стал на вашем месте

тратить время. Две недели – не так уж много на поиск столь маленькой вещицы.

Это он мне рассказывает!

Караим провёл меня до выхода, ещё раз попрощался, предложил созвониться через неделю и постоял на площадке, пока двери лифта не закрылись; в последний момент он попросил не терять его половину жетона. Пол у меня под ногами дрогнул, и по телу разлилась лёгкость полуневесомости. Пока лифт спускался на первый этаж, я успел передумать, кажется, тысячу мыслей и перебрать в уме тысячу возможностей. Да, Караим не походил ни на одного из всех моих предыдущих заказчиков. Угадать его мотивы я даже не пытался. Вопрос состоял в том, что делать дальше. Конечно, вторую половину жетона я не найду. Это никому не под силу. Но просто сбежать с деньгами я не мог тоже. У меня, в конце концов, есть какая-то профессиональная гордость, даже если дело касается давно оставленного мной занятия. Во рту все еще стоял приятный привкус того, что я лучший в каком-то деле и оказался здесь именно по этой причине. Привкус, из-за которого я и согласился на всю эту авантюру.

Внизу меня встретил всё тот же старик-консьерж, перепуганно сообщивший мне, что всё, он теперь отключает, к хозяину никого больше сегодня не будет. Я постоял несколько секунд перед дверью, даже взялся за ручку, но в конце концов подумал: почему бы и нет? Если мне платят за это деньги – и деньги немалые, чёрт возьми, – я просто обязан убедить себя в том, что сделал всё, что мог, и ни одним действием меньше. Я повернулся и подошёл к каморке консьержа.

–□Послушайте, – начал я, – меня тут хозяин... Нанял кое-что выяснить... Относительно его погибшей дочери... Вы ведь её знали?

Консьерж промычал что-то нечленораздельное.

–□Мне нужно уточнить некоторые детали... Вы мне не ответите на пару вопросов?

Консьерж ничего не сказал, но по его молчанию я понял, что отказаться он не решится.

–□Она, – я вдруг сообразил, что даже не спросил её имени, – вела замкнутый образ жизни? Как и отец? Вы ведь видели, с кем она обычно общалась, куда ходила? Ну, версию отца я знаю, теперь интересно услышать, что вы можете сказать? – Я решил немного поблефовать. В конце концов, вреда от этого разговора не будет никакого.

Консьерж практически сразу замахал руками:

–□Да куда там! Она почти не выходила. Хозяин – он ещё выбирается изредка, по делам куда ездит, ну, вам уж тут видней... – Он бросил на меня косой взгляд. – Шофёра своего вызывает и ездит. Иногда даже бывает – каждый день. Неделю или две подряд. Я слышал – иногда летает куда-то. На моей смене ни разу не было, а сменщик говорил, что хозяин в аэропорт катался. Правда, вернулся быстро, видать, недалеко летал... – Он замолчал, и я представил себе, насколько же недалеко должен был летать хозяин, чтоб быстро возвращаться из аэропорта, но консьерж уже продолжал: – ...Так хозяин всегда сам ездил. Её дома запирали и уезжали. Уж она бесилась взаперти! Ох она и концерты закатывала!.. – восхищённо начал было рассказывать консьерж, но тут сообразил, что сболтнул лишнего, и испуганно сник. – Ну а как он приедет, так, может, и свозит её... в этот её... клуб...

–□Клуб?

–□Ну или дискотека, не знаю уж, как оно нынче называется. Она вроде танцевать любила. Ну и просилась всё время, да только он её редко вывозил... и саму не отпускал никогда, сам возил... ну, то есть водитель возил, а он с ней всегда катался...

–□А что за клуб или дискотека? Как называется?..

–□Называется... – Консьерж силился вспомнить, потом сообразил, что у него где-то должно быть записано название, и полез искать. Он перерыл на столе целый ворох бумаг, пока не отыскал газетный лист, в углу которого был записан какой-то телефон и название «Пандоминум».

–□«Пандоминум»? – переспросил я.

–□Ну, или как-то так, эт я со слуха записывал. Как-то так вроде...

–□А где он находится, этот «Пандоминум»?

Консьерж объяснил мне, как туда добраться. Выходило, что клуб был недалеко от моей гостиницы – только ехать туда сейчас всё равно было рановато.

–□А гости к ним ходили? – спросил я. – Может, к ней кто приходил? К ним обоим, может? Или к ней одной, когда она оставалась без отца?

Пока я задавал вопросы, консьерж медленно, но упорно качал головой и, когда я замолчал, уверенно сказал:

–□Нет, никогда никого не было. К хозяину гости приходят раз, может, в год, и они уж точно к нему, не к ней приходили. Редко и ненадолго. Вот как вы. – Он бросил на меня ещё один косой взгляд. – А к ней никогда никого не бывало. Не, никогда, а ежели хозяина дома не было, так он её запирает, я ж уже говорил, запирает и уезжал, а к ней не ходил никто, нет.

Он говорил так уверенно, что я подумал: либо говорит правду, либо пытается что-то скрыть. Скрывать ему вроде было нечего, значит, говорил, вероятно, правду. Девушка – сколько ей, кстати, было лет? – которая жила одна с отцом, никогда ни с кем не встречалась, никогда не принимала никого в гости и выходила только в клуб и то вместе с отцом. Любила танцевать.

–□Добро, – кивнул я, – никто к ней не ходил. Ни с кем не встречалась. И выбиралась она, значит, только в этот «Пандоминум»? И больше никуда не ездила, так?

И тут консьерж засомневался.

Я понял, что надо его колоть.

–□Послушай, – сказал я и доверительно наклонился к консьержу, – хозяин нанял меня кое-что выяснить. Ты ж понимаешь, что ОН кого попало нанимать не будет. И если уж мне что-то нужно знать, я это узнаю. Так что рассказывай всё как есть и попробуй только о чём-то не упомянуть.

–□Да я что же? – сразу засуетился консьерж. – Я ж и рассказываю. Я ж говорю, что знаю, а чего не знаю, так я и сказать не могу, верно ведь? Верно? Ну вот я и рассказываю. Она ж... ну, никуда, нет, не выходила, только недавно совсем, это за неделю, может, было, до того, как она... как её не стало... она вдруг пропала.

–□Пропала?

–□Ну да. Так я ж думал, вы знаете. Я ж думал, вам хозяин рассказал, вот и думаю...

–□Ты не думай, ты рассказывай, что тебе известно. А уж моё дело выбирать из того, что мне все расскажут, то, что важно, и думать. А ты говори.

–□Так я и говорю. Пропала она, ну так я подумал, потому что её вдруг дома не было... И я думал, это она не на моей смене, а перед тем, как я заступил. А потом поговорил со сменщиком – так и он думал, что не на его. Так что никто не видел, когда она вышла... просочилась как-то...

–□И что? Дальше что?

–□Ничего. Вернулась.

–□Вернулась – и выбросилась из окна?

Консьерж кивнул.

–□Когда это было?

–□Ну я ж говорю – недавно. Это за неделю до...

–□Пропала – за неделю. А вернулась когда? И выбросилась? Сколько времени прошло между её возвращением и самоубийством?

–□Так... В тот же день вроде. Вернулась – и сразу, в тот же день и...

–□И не было её неделю?

–□Где-то так...

–□А где она была-то эту неделю?

–□Этого уж я не знаю... я так понял, и никто не знает... хозяин же её тут искал-искал, но так и не нашёл, вроде... пока она сама не вернулась... а только она это...

–□А до того она пропадала когда-нибудь?.. Насколько тебе известно?..

–□Нет, насколько это мне известно, – нет, не пропадала никогда. Я ж ещё и удивился, а хозяин переполошился так... всё искал её... да только так и не нашёл, а она уж и сама

нашлась... и это...

Похоже, больше мне не удастся ничего из него выудить.

Я холодно поблагодарил его и попрощался. Затем вышел на улицу. Солнце уже клонилось к закату – осень вступала в свои законные права, сокращая день и заставляя людей после работы спешить сразу домой, к семье, к женам и детям.

У подъезда меня ожидало такси – вероятно, консьерж позаботился. Я плюхнулся на сиденье и назвал адрес своей гостиницы. Сейчас надо написать одно письмо, а потом, ближе к ночи, можно будет побывать и на этой... дискотеке...

–□Вы знаете такой клуб – «Пандоминум»?

–□Как? – переспросил таксист.

–□«Пандоминум». Или как-то так. Он недалеко от гостиницы, два квартала вниз по улице.

–□А, «Пандемониум», видимо. Знаю такой, да. Популярное место, ночью там за места среди таксистов настоящая драка начинается...

В гостинице я подошёл к рецепции и спросил улыбнувшуюся мне приветливую девушку:

–□У вас есть компьютер с Интернетом?

–□Да, в фойе, вот сюда и направо. Для наших гостей – бесплатно.

Я последовал её инструкциям и обнаружил компьютерный терминал без единой вспомогательной программы и хоть каких-то прав пользователя. ОК, пообщаться нормально здесь нельзя было, но можно было хотя бы проверить почту. Я зашёл в свой ящик, удалил спам, ответил на пару коротких деловых записок и сел сочинять письмо Хаиму.

Получалось скверно.

«Hallo, Chaim!

Wie viele Jahre! Es scheint mir, daß ich seit einer Ewigkeit keine Nachricht von dir bekommen habe. Wie geht es dir? Wie geht's Martha? Habt ihr noch nicht in Gefängnis gerasselt? Es ist Spaß, es ist Spaß...

Du wirst es nicht trauen, aber ich habe ein Anliegen an dich, und das ist ein echtes Anliegen. Deine Fragen in Aussicht habend, beantworte ich die nacheinander.

1. Doch, es ist legal.

2. Natürlich kann ich nicht von dieser Rechtmäßigkeit bis zum Ende sicher sein. Aber soweit ich weiß, ist es legal.

3. Ja, es ist Geld. Ich werde dir nicht sagen, damit du die Qual der Vermutungen über dich ergehen lässt. Aber wenn deine Hilfe wirksam wird, teile ich mit dir. Glaub mir – ich werde großzügig teilen.

Nun kommt die Hauptsache. Chaim, ich brauche wirklich, damit du ALLES MÖGLICHES über den Soldaten, der EM mit der Prägung «Stb. / SS – Panz. Gren. Div. Wolfsangel» (obere Zeile), «11» (untere Zeile) getrugen hat, herauszufindest. Wolfsangel – Rune, «SS» – auch. Auf der Rückseite – «Waffen-SS».

Ich las das, als die elfte Nummer des Stabes einer zweiten SS-Panzer Grenadier-Division «Das Reich», wahrscheinlich, ein Mitte Krieg Duplikat von der EM, der in 1939. oder 1940. ausgestellt war. Aber ich könnte mich irren. Prüfe das, bitte.

Wenn plötzlich – na, plötzlich – du aufgehört hast, allerlei Unsinn zu machen, ein Bier-Restaurant eröffnet hast, und zu einem anständigen Bürger wurdest, dann beseitige meinen Brief ohne ihn zu lesen, und dann beseitige dein E-Mail Account, brenne deinen Computer und zerstreue die Asche in den Wind.

Aber wenn du bis zu diesem Platz gelesen hast, dann – lege ich die Hand ins Feuer – bist du schon zum Schluss gekommen, ob ich die Inschrift auf der EM korrekt entschlüsselt habe, und kannst meine Bitte nicht verweigern. Um so mehr, das ich dir bereits für deine Hilfe eine Menge Geld versprochen habe. Das wird sich für ihr mit Martha als nützlich erweisen. Bringe ihr viele Grüße über.

Kreuzschnabel

Bastard, der sich immer noch dein Freund nennt»¹.

Мой убогий немецкий заставил меня отказаться от некоторых оборотов, а природный такт уберёг от пары дурацких шуток. Впрочем, те, что остались в тексте, тоже были дурацкими. Я перечитал письмо и удалил последнюю строчку про сволочь. Затем перечитал письмо ещё раз и вернул эту строчку обратно. Я всё-таки сволочь, и лишний раз напомнить об этом Хаиму не мешало.

Я отправил письмо, затем потянулся, встал и пошёл к себе в номер. За столиком в тех же самых креслах, что и днём, сидели те же самые девушки и листали те же самые журналы. Казалось, что они сидели в тех же самых позах. Одна из них – та же самая – проводила меня к лифту тем же, полным тоскливого ожидания взглядом. У меня запищал мобильник – это была эсэмэска из банка о пополнении карточного счёта. Караим работает чертовски быстро, я уже получил всю оговоренную сумму.

Был ранний вечер, приятное время суток, когда рабочий день у большинства уже позади, спать ещё не хочется и кажется, что только теперь начинается жизнь. Я разделся, постоял немного перед окном, не включая света, а потом плюхнулся на кровать и включил телевизор. По одному каналу шло какое-то политическое ток-шоу. По другому каналу шло какое-то политическое ток-шоу. По третьему каналу шло какое-то политическое ток-шоу. Я нашёл музыкальный канал, выключил звук и полежал какое-то время, наблюдая сексуальную пантомиму на экране. Затем сел на кровати и взял жетон. Не включая света, я напряг зрение и постарался в полутьме его рассмотреть. Жетон хорошо сохранился – видно, что все эти годы он провёл не в земле. Кто-то отломил половину жетона убитого солдата, но не стал отправлять её в бюро по учёту потерь. Почему? И зачем эту половину жетона, которая ни при каких обстоятельствах не может представлять из себя хоть сколько-нибудь реальной ценности, хранить столько времени? Это что, семейная реликвия? И что это за странный блеск у жетона – в полутьме он был особенно заметен – я никогда не видел такого у солдатских ЕМ?

Размышляя над всеми этими вопросами, я встал, прошёлся по комнате и свернул в прихожую, чтоб пройти в ванную комнату.

Но дойти до неё я не сумел.

Рамзесиха вторая

¹ «Привет, Хаим!

Сколько лет, сколько зим! Кажется, целую вечность не было от тебя новостей. Как ты? Как Марта? Ещё не загремели в тюрьму? Шучу, шучу...

Ты не веришь, но я к тебе по делу, причём по самому что ни на есть НАСТОЯЩЕМУ делу. Предвидя твои вопросы, отвечаю на них по очереди.

1. Нет, это легально.

2. Разумеется, я не могу быть уверен в этой легальности до конца. Но насколько я знаю, это легально.

3. Да, это деньги. Не скажу тебе, сколько, чтоб ты помучился догадками. Но если твоя помощь будет действенна, я поделюсь. Поверь мне – поделюсь щедро.

Теперь о главном. Хаим, мне очень нужно, чтобы ты выяснил ВСЕ, ЧТО МОЖНО о солдате, носившем жетон с гравировкой «Stb. / SS – Panz. Gren. Div. Wolfsangel» (верхняя строчка), «11» (нижняя строчка). Вольфсангель – руна, «СС» – тоже. На обратной стороне – «Waffen-SS»

Я прочёл его как одиннадцатый номер штаба второй мотопехотной дивизии СС «Рейх», вероятно, дубликат середины войны жетона, выданного в 1939-м или 1940-м. Но я могу ошибаться. Проверь, пожалуйста.

Если вдруг – ну вдруг – ты уже перестал заниматься всякими глупостями, открыл пивной ресторанчик и стал благопристойным бургером, то удали моё письмо, не читая, а потом удали свой почтовый аккаунт, сожги свой компьютер и развей пепел по ветру. Но если ты дочитал до этого места, то – руку даю на отсечение – ты уже сделал вывод о том, правильно ли я расшифровал надпись на жетоне, и не сможешь мне отказать в моей просьбе. Тем более что я уже пообещал тебе за помощь кучу денег. Они для вас с Мартой будут не лишними. Привет ей передавай.

Клёт

Сволочь, которая до сих пор называет себя твоим другом».

Проходя из комнаты в коридор, я крутил в руках жетон, разглядывал его, и вдруг споткнулся о порожек – откуда он тут взялся? Руку даю на отсечение, что не было тут никакого порожка, когда я приходил в свой номер днём! Я рухнул в коридор и ударился головой о шкаф. Не знаю, как я умудрился так упасть, только удар был мощный – у меня в голове вдруг вспыхнуло огромное облако белого света. Затем, всего на долю секунды, это облако распалось на мириады мелких пятен, в которых я с удивлением узнал людей, – огромное людское море, окружавшее меня в гостинице, за её стенами, за пределами города, везде. От этих людей тянулись ввысь тонкие яркие нити. Эта картина появилась лишь на мгновение, и, когда я повернулся, чтобы посмотреть, идёт ли и от меня вверх такая же нить, я ничего не увидел. Но за это мгновение видение так чётко отпечаталось у меня на сетчатке, что, закрыв глаза, я мог рассмотреть его в подробностях: люди – пятна яркого белого света и тонкие белые светящиеся нити, уходящие от каждого человека вверх и теряющиеся в вышине.

Я сел на полу и тряхнул головой.

Ссадина на лбу почти не болела, но голова гудела, и, главное, видение совершенно выбило меня из колеи. Дело даже не в том, что галлюцинация казалась чрезвычайно реальной, – я отлично понимаю, что любой бред человека кажется этому человеку реальным. Дело в том, что видение было чрезвычайно вычурным и необычным. Трудно было поверить, что мой мозг мог породить такое.

По-прежнему не включая света, я прошёл обратно и сел на кровать, глядя в окно. Мысли отказывались возвращаться в нормальное русло, и я решил выйти на улицу проветриться.

Холодный воздух немного меня отрезвил. Я свернул налево от гостиницы, решив описать большую петлю в несколько кварталов и выйти к «Пандемониуму» с обратной стороны. Размеренное шагание постепенно меня успокоило. По дороге я свернул в парк и с удовольствием разбросал ногами заботливо собранные дворником кучи опавших листьев. Затем пристыдил сам себя и кое-как сгрёб их ногами обратно в кучу. Потом прошёлся какими-то подворотнями, дважды пересёк чудовищно типичные дворы-колодцы с развешенным бельём, какими-то мужиками, режущимися в домино, и старенькими отечественными автомобилями с поднятыми капотами.

Мне уже казалось, что я заблудился, как вдруг я вынырнул из арки на широкую улицу и прямо перед собой увидел яркую вывеску: «Ночной клуб ПАНДЕМОНИУМ». Стена была раскрашена изображениями чертей с добрыми, какими-то детскими выражениями лиц и игрушечной атрибутикой – плюшевыми вилами, копьями и топорами. Откуда-то из-под земли доносились гулкие удары басов, по улице всё время сновали автомобили, парковались, отъезжали, сигналили друг другу, а перед входом в клуб стояла разношёрстная толпа – в основном вышедшие покурить. Подойдя ко входу, я увидел напротив клуба билборд, на котором мальчик играл в футбол под надписью: «Я достигну успіху без куріння». Ниже чёрной краской из баллончика был дописан способ: «Я сяду на иглу!» Соседний билборд, пустующий, светился душераздирающей надписью, сделанной той же краской из баллончика: «Я сказал наркотикам «нет», но они меня не слушают...»

Я толкнул дверь клуба, и на меня немедленно обрушился звук.

Клуб «Пандемониум» располагался в каком-то гигантском подвале, шедшем, судя по всему, через весь квартал. Заплатив за вход, я получил бокал с бесплатным коктейлем дня, флуоресцентную отметку на руку и вежливый жест, приглашающий меня в длинный узкий коридор с лестницей, ведущей вниз. Коридор поворачивал то вправо, то влево и заканчивался входом в зал.

Зал был довольно большим – размером с баскетбольное поле и в два этажа высотой, может быть, даже выше. Налево от входа шла длинная барная стойка с барными стульями, направо стояли круглые столики, в центре – располагался танцпол, посреди которого, на метровом возвышении, стояла клетка. В ней извивались две девушки в обтягивающих кожаных костюмах, изображающие чертей. Вся остальная обстановка была под стать –

редкие официанты и бармены были облачены в псевдобесовские одежды, стены устрашали картинами адского пламени. Столы, стулья, утварь были стилизованы под атрибутику нечистой силы с разной степенью удачности, а закруглённая крыша зала напоминала земляной колпак. Всё это освещалось стробоскопами и дискоболом под грохот аудиосистемы, выдававшей десятки киловатт тяжёлого рейва. На танцполе крутились около сотни человек, ещё человек двадцать сидели за столиками. Двое расположились у барной стойки – девушка в самом углу и парень, привалившийся к стойке спиной и слушавший наклонившегося к его уху бармена. На высоте приблизительно человеческого роста по стенам зала шла металлическая дорожка с перилами, на которую можно было подняться по нескольким лестницам, и по центру, прямо напротив входа, эта дорожка образовывала углубление в стене, где за столом с аппаратурой стоял диджей. Над головой у него висел здоровенный портрет – смутное чувство узнавания заставило меня напрячься, но я так и не вспомнил, кто там изображен. Справа от диджея, на металлической дорожке, облокотившись о перила, стояли два человека. В комнате было множество входов и выходов – явных и замаскированных, как на уровне танцпола, так и на уровне металлической дорожки, какие-то люди постоянно то выходили из зала, то входили в него, теряясь в толпе. В нескольких местах, чуть поодаль от входа, от зала отходили широкие и, очевидно, тупиковые коридоры, заставленные столиками, – словно гигантские щупальца, уходящие во тьму.

Я повернул налево и подошёл к бармену. Краем глаза заметил мимолётный взгляд девушки, сидевшей за стойкой, за секунду осмотревшей меня с головы до ног.

–□ Добрый день! – прокричал я и поставил бокал с коктейлем на стол.

–□ Освежить?! – прокричал мне бармен.

–□ Нет, не надо. Я хотел бы поговорить.

–□ Поговорить? О чём?

–□ Мне нужно кое-что выяснить об одном человеке. О девушке, которая сюда часто ходила, о дочери Караима! – прокричал я. – Знаете такую?

–□ Как? – переспросил бармен и посмотрел на парня, сидящего за стойкой рядом со мной.

–□ Это Русалка! – вдруг прокричал парень и кивнул.

Бармен тоже кивнул головой:

–□ А, Русалка. Да, знаю такую. Говорят, она умерла. Жалко.

–□ Она... да, она погибла! – прокричал я. – Мне надо кое-что про неё выяснить.

–□ Выяснить? Что?

–□ Ну... кто-нибудь с ней общался?

–□ А ты кто? Тебе зачем? Ты, часом, не мент, мужик?! – прокричал бармен. – Если ты мент, так иди к администратору, пиши свои эти... как их... запросы... повестки... чё тебе от меня надо?

–□ Я... нет... – Грохот не прекращался ни на секунду, одна мелодия перетекала в другую, такой же громкости, не позволяя нормально поговорить, – меня нанял её отец кое-что узнать.

–□ Что узнать? Зачем? Она ж вроде умерла?

–□ Да, погибла... тут... её...

–□ Что?.. Кто-то убил её, что ли?

Оба они – и бармен, и парень за стойкой – весело расхохотались. И тогда и сейчас я не смог бы сказать, что их развеселило.

–□ Нет, ну...

–□ Ну что?..

Я подумал: «Какая разница? Я здесь только для того, чтобы успокоить свою совесть и убедить себя, что я отработал свои деньги. Караим не говорил мне, что в его поручении есть что-то секретное».

–□ Мне нужно её найти.

–□ Кого найти?

–□Ну... Русалку.

–□Ты же сам сказал, что она погибла?!

–□Ну... есть точка зрения, что она здесь. Что она где-то здесь. И мне нужно её найти. Вот и всё.

–□Есть точка зрения?

–□Ну да, есть такая точка зрения. – Я чувствовал себя глупо, но довольно уверенно. – И я её проверяю. Эту точку зрения. Вот и всё. Поэтому мне нужно с кем-то поговорить, кто её знал. Вы её знали?

–□Ну как... как всех постоянных посетителей... она приходила раз или два в месяц, танцевала. Ночами танцевала, до упаду просто. Почти ничего не пила. С ней всегда отец приходил, во-о-он там сидел. – Бармен показал мне уходящий вправо от танцпола коридор. – Заказывал коньяк обычно.

–□Вы с ней общались? – прокричал я.

–□Ну... привет-пока... не больше.

–□Вам Рыжий нужен! – прокричал парень за стойкой.

–□Рыжий? – прокричал я.

–□Рыжий, – подтвердил бармен, – партнёр её. Я не думаю, что они много общались, но они танцевали вместе иногда... Она чумовая была, никто с ней в паре долго не выдерживал. – Бармен кричал мне это через стойку, а парень за стойкой кивал в подтверждение его слов. – Только Рыжий. Он танцор.

–□А он сейчас здесь?

–□Не, – прокричал мне парень за стойкой, – он позже будет. Он так рано не приходит.

–□А он сегодня точно будет?

–□Ну... должен быть. А там – откуда я знаю?

–□Хорошо, – я кивнул, – спасибо.

–□Да не за что! – прокричал бармен и кивнул на мой коктейль. – Освежить?

–□Нет. Дайте мне лучше пива.

Я жестом указал, какое пиво хочу, расплатился и плавно пошёл вокруг танцпола между столиками. Грохот и столпотворение вокруг парадоксальным образом вызывали у меня чувство одиночества. Практически бессознательно я дошёл до поворота в правый коридор, «щупальце» основного зала, где, по словам бармена, обычно сидел Караим, и свернул туда. Коридор представлял собой довольно широкий – метра два с половиной – аппендикс, завершавшийся столиком с небольшим диваном. По сторонам коридора стояли небольшие столы полукруглой формы, будто выходящие прямо из стен, со стульями по бокам, прижатыми спинками к стенам. Диван был занят, так что я присел за пустующий столик у стены.

Я огляделся – из моего «щупальца» прекрасно просматривалась большая часть зала. Попробовал собраться с мыслями, но в таком грохоте это было совершенно невозможно.

Я глотнул пива, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Когда я вновь открыл их, передо мной стояла девушка.

Невысокая, метр шестьдесят пять, круглолицая, симпатичная, с какой-то хрестоматийно-мультикшной фигурой: широкие бёдра, тонкая талия и огромная грудь. Шикарные русые волосы были свободно рассыпаны по плечам. Она была одета в джинсы, футболку и джинсовую куртку, на плече у неё болталась джинсовая дамская сумочка.

Она стояла прямо передо мной и смотрела на меня таким взглядом, словно чего-то ждала.

–□Мы знакомы? – прокричал я. В «щупальце» грохот был не таким сильным, как возле бара, но всё равно приходилось сильно повышать голос, чтобы разговаривать.

–□Ходят слухи, вы тут кое-что ищете.

–□Что?

–□Мёртвых людей.

Будь проклят болтливый бармен! С другой стороны, я же не брал с него слова молчать.

Я махнул рукой:

- Не верьте всем слухам, которые ходят.
- И всё-таки вы что-то ищете. – Она села за мой столик, не дождавшись приглашения.
- А вы кто? – спросил я. – Местная собирательница слухов?
- Что-то вроде того. Когда появляется что-то странное, мне сразу докладывают.
- Ну и пусть вам тогда доложат, что я тут ищу и зачем, – заявил я, – мне-то что с того?
- Ну... я могу вам помочь. Например, я знаю Рыжего. Вам же нужен Рыжий? Как вы собираетесь его узнать, когда он появится?
- Знаете Рыжего? – недоверчиво спросил я.
- Ага, – кивнула она, – уже тысячу лет. Или нет, две тысячи.
- Господи, сколько ж вам лет?
- Много, – печально кивнула она. Когда она двигалась, вместе с ней двигалась и грудь, привлекая внимание настолько, что приходилось постоянно себя контролировать. Я мысленно обозначил границу в районе её ключиц и следил, чтобы мой взгляд не съезжал ниже.
- Вы хорошо сохранились.
- Ага, да. Я фараон Рамзес Второй. То есть Рамзесиха Вторая.
- И как же мне узнать Рыжего?
- Спросить у меня.
- Ну хорошо, предположим, я у вас спрашиваю. Вы мне скажете, кто здесь Рыжий?
- Ну нет, я так не могу: раз – и сразу замуж! Надо сначала узнать друг друга. Хотя бы раза четыре. Скажите для начала, как вас зовут?
- Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд. А вас? Рамзесиха вторая?
- Нет, это мой титул, а зовут меня Бог.
- Как?
- Фрёкен Бок. Настоящая домохозяйка.
- Я глотнул пива, оглянулся по сторонам и снова, проведя мысленную границу по линии ключиц, посмотрел на девушку.
- Ну хорошо, я кое-что ищу. Меня наняли для того, чтобы проверить кое-что о жизни... Русалки. – Я придал своему взгляду вопросительное выражение, но девушка явно знала, о ком речь.
- А вы, стало быть, частный детектив?..
- Нет, я кампанолог.
- Кто?
- Кампанолог. Специалист по колоколам.
- Вот это профессия! Не то что у меня...
- А вы?.. Модель? – глупо польстил я ей, но тут же прикусил язык.
- Ну... с моим ростом я могу быть в лучшем случае моделькой. К несчастью, мужчины быстро теряют интерес к моделькам; с определённого возраста они предпочитают оригиналы или полноразмерные копии. Вообще-то я редактор. Литературный редактор в издательстве. Страшно люблю всякие интересные истории.
- Так что интерес у вас профессиональный?
- Ну, пожалуй, так. Со мной, в общем, всё ясно. Давайте лучше о вас. Расскажите, почему кампа... – как там? – интересуется самоубийцами?
- Знаете, честное слово, – я попытался придать своему лицу максимально серьёзное и честное выражение, – это очень сложно и долго рассказывать. Ну, не в таком шуме точно.
- А расскажете мне потом?
- Ну... я посмотрю на ваше поведение.
- Я буду себя хорошо вести. Я вам покажу Рыжего.
- Я сейчас его здесь нет?
- Нет. – Она пристально посмотрела в зал, несколько секунд пошарила там глазами, затем снова на меня. – Ещё нет, но он уже должен быть. Он примерно в это время собирался

сегодня прийти.

—□ А он сюда каждый день ходит?

—□ Да как на работу. То есть не каждый день, но частенько. Сегодня будет точно, он мне говорил.

Я кивнул. Она подозвала заглянувшего в наше «щупальце» официанта и что-то заказала. Я ещё раз осмотрелся. Мысли начинали приходить в порядок.

Девушка договорила с официантом и посмотрела на меня:

—□ А как вас всё-таки зовут?

—□ Клёст.

—□ Клёст?

—□ Клёст. Птица такая. Семейства воробьиных.

—□ Да, я знаю, просто странное имя.

—□ Это не имя, это тоже... титул. — Я улыбнулся. — А вас как зовут?

—□ Ну, меня тогда — Верба.

—□ Верба? Не Рамзес Второй, не Фрёкен Бок, а именно Верба?

—□ Да, Верба. По крайней мере, на это слово я откликаюсь последние двадцать восемь лет.

—□ Красивое имя. И вам совсем не так уж много лет. Я старше.

Не знаю, зачем я это сказал.

Она вдруг дёрнулась, сделала жест рукой, будто приглашая меня подвинуться ближе, и ткнула пальцем в толпу:

—□ Вон Рыжий. Пойдём поговорим с ним?

—□ Конечно!

Мы встали, вышли из нашего «щупальца» и двинулись через зал, прямо сквозь людское столпотворение. Казалось, народу в клубе прибавилось — да вероятно, так оно и было. Грохот в зале стоял такой, что не было слышно своих мыслей. Верба, маленькая, но уверенная и быстрая, легко рассекала людское море, и мне оставалось только поспевать за ней, пока толпа ещё не сомкнулась за её спиной. Она дошла почти до противоположного края зала и схватила за руку высокого тощего парня с глубокими морщинами на лице и чёрными как смоль волосами. Парень повернулся, узнал её и явно обрадовался. Он нагнулся, и она что-то рассказала ему на ухо. В таком шуме я не слышал не только того, что она говорила, но даже того, говорила ли она вообще или они просто замерли в такой позе посреди грохочущего рейва: он грациозно наклонил голову, а она привстала на цыпочках, приблизив губы к его уху.

В конце концов он выпрямился, посмотрел на меня, затем сделал нам обоим жест рукой, приглашая идти за ним. Мы снова пошли через зал, затем поднялись по металлической лесенке на дорожку, висящую над танцполом, и по ней — к какой-то двери. За дверью оказался короткий коридор, уткнувшийся в небольшую и довольно уютную комнату с диваном, парой кресел, столиком и настенным баром. После того как парень закрыл дверь комнаты, стало почти совсем тихо — только пол гудел под ногами в такт басовой партии.

—□ Рыжий, — представился он и протянул мне руку.

—□ Клёст, — сказал я и пожал её.

Мы расселись вокруг столика.

—□ Верба говорит, вы тут что-то ищете? И вам очень нужно со мной поговорить?..

—□ Да, я хотел бы задать пару вопросов... если можно.

—□ Ну, за ваши деньги — любой каприз. — Рыжий самодовольно улыбнулся.

Я очень хорошо знал такой типаж, поэтому не стал торговаться — я просто достал бумажник, выудил оттуда крупную купюру и положил её на стол.

—□ Пятнадцать минут вашего времени, — сказал я.

Он подхватил купюру, свернул её и сунул себе в карман.

—□ Я весь ваш.

—□ Вы давно знакомы с... Русалкой?

–□Ну... не помню... давно, наверное. Несколько лет. Я часто хожу танцевать в разные клубы, в некоторых работал: я танцор. А она очень любила танцевать, я её видел в «Чёрном море»...

Он запнулся, и Верба помогла ему:

–□Это другой ночной клуб.

Он кивнул и продолжил:

–□Потом здесь, в «Пандемониуме». Да года три, наверное, может, четыре.

–□Вы общались? Говорят, она только с вами и разговаривала...

–□Она со мной не разговаривала, а танцевала. Тут есть разница. Я думаю, она вообще ни с кем не общалась, кроме отца. Да и с ним – не уверен...

–□Почему?

Рыжий пристально посмотрел на меня, потом пожал плечами:

–□Не знаю. Я так думаю.

–□То есть вы с ней никогда не разговаривали?

–□Ну как – не разговаривали? «Привет – привет – как дела? – нормально». Если это называется «разговаривали», то разговаривали. За всё время, что я её знал, она ни разу на вопрос «как дела?» не стала рассказывать, как дела.

–□Ну, под «разговаривали» я имею в виду обсуждали что-нибудь. Какую-нибудь тему...

Рыжий задумался. Потом посмотрел на меня:

–□Не знаю. Нет, наверное. Один раз она сказала, что у них кран прорвало на кухне. Ещё один раз пожаловалась на бармена, что-то он ей не то налил. Больше ничего не могу вспомнить. Если мы о чём-то говорили – то о танце, она только за этим приходила. А и говорить там было особенно нечего – выходи на танцпол и двигайся.

Теперь задумался я. Что-то выходило совсем негусто. Конечно, мне платят деньги за поиск жетона, но, чёрт возьми, должна же быть какая-то связь с девушкой!

–□Скажите, – снова начал я, – а за всё время, что вы с ней... танцевали... не было каких-то необычных случаев... чего-то, что выпадало бы из общей картины? Может, вам что-то запомнилось? Что-то особенное?

–□Да каждый вечер на танцполе с Русалкой был чем-то особенным. Она не уставала никогда – ума не приложу, откуда у неё столько сил бралось – часами, часами, по кругу, не присев, в туалет не выходила ни разу... Я, если с ней танцевать брался, падал уже к полуночи, всё, совсем без сил, а она ничего – будто только что пришла... – Он задумался, посмотрел на столик, затем усмехнулся и поднял взгляд на меня. – А знаете, был один случай... Не знаю, поможет ли это вам чем-то, это так... ну, не знаю...

–□Говорите, говорите, – сказал я.

–□В общем, однажды я как-то рвался её... как бы это сказать... догнать. Хотелось чётко ритм выдержать: вот она идёт по какому-то ритму, какой-то набор движений, ну и я старался чётко за ней, чтоб вот движение в движение... Я час так шёл или два... И потом вдруг смотрю – а её нет. Ну нет. Вот только что здесь была, прямо передо мной, – и вдруг нет. Я почему-то совсем не помню звука, во всех воспоминаниях из клубов первое место занимает звук, он – всё, он тебя окружает со всех сторон, а тут – я звука совсем не помню. Помню, что я будто остановился. Вокруг толпа, все движутся, скачут, а я стою и пытаюсь отыскать Русалку глазами, и тут понимаю – вот не вижу, не слышу, а именно «понимаю» – что она где-то у меня за спиной и что она сейчас уходит от меня. Я поворачиваюсь и иду за ней. Вот я её не вижу, не слышу, но я знаю, что она где-то впереди, и я иду сквозь толпу, раздвигаю людей руками и подхожу к самому углу – слева на танцполе, неприметное такое место. Я раньше думал, что я тут все входы-выходы знаю, а вот этой двери почему-то не помню совсем. И я открываю дверь, потому что понимаю, что она, Русалка, там, за дверью. Я нагибаюсь, прохожу внутрь и попадаю в какую-то комнату. Комната квадратная, совсем пустая, и вот я ещё замечаю, что лампочки под потолком нет, вообще никаких приборов осветительных не видно, а в комнате почему-то светло... будто воздух светится каким-то

сиянием таким голубоватым... ну, так мне запомнилось. – Он виновато посмотрел на меня.

–□ Да, и что дальше? – спросил я.

–□ Ну вот. За мной закрывается дверь, и я вижу ещё одну дверь перед собой. Открываю её и попадаю в такую же точно комнату, только из неё уже не один выход – вперёд, а два – вперёд и налево. У меня за спиной закрывается дверь, через которую я вошёл. И я иду вперёд, открываю ещё одну дверь и попадаю в точно такую же комнату, из которой уже, кроме двери у меня за спиной, выходит ещё три двери – в каждой стене по одной. Я сворачиваю налево. Не знаю, почему налево, но как-то мне запомнилось, я был уверен, что знаю, куда идти, и не задумывался об этом. И дальше – ещё одна комната, только я, когда вхожу, краем глаза вижу, как закрывается из новой комнаты дверь, уходящая направо. Да, я не сказал – в этой комнате новой всё точно так же, только посреди комнаты стоит кресло, огромное кожаное кресло, пустое. И я уже почти бегу в правую дверь, открываю её и вижу перед собой стоящую спиной ко мне Русалку и за ней что-то, что лежит посреди комнаты, но я не вижу, что именно, потому что Русалка мне это загораживает. И я тогда хочу – вот я очень чётко помню это желание, – я хочу обойти её или наклониться вбок и посмотреть, что там лежит. А Русалка медленно так поворачивается, и вот она уже стоит лицом ко мне. Спокойная такая, как всегда, смотрит мне в глаза, а потом открывает рот, и вот тут я чётко слышу её голос. Она говорит: «Пошёл вон». Это вообще единственный звук, который я помню. Кажется, будто других и не было.

Он замолчал, и я ещё раз спросил:

–□ И что дальше?

–□ А дальше я повернулся и пошёл назад. Сначала в комнату с креслом, затем налево, потом направо, прямо, ещё одна комната – и я выхожу в зал. Потом как-то на автомате прохожу сквозь толпу до своего места, ну, до того, где мы были с Русалкой сначала, и начинаю танцевать.

–□ Танцевать?

–□ Ну да. И тут вдруг – ррраз! – и я вижу перед собой Русалку. И – ну, по крайней мере, у меня в воспоминании сейчас – возвращается звук. Я чувствую пот, текущий по шее, толчки людей вокруг меня. Как будто всё вернулось назад. Как будто – и, знаете, я так и подумал – всё это просто галлюцинация была, а я никогда и не уходил с этого места. Я так и решил тогда.

–□ И вы не говорили с Русалкой об этом? Не спрашивали у неё ничего?

–□ Нет... ничего не спрашивал. Ни разу с ней об этом не говорил. Зачем? Это же *моя* галлюцинация.

–□ А в углу на танцполе действительно есть дверь?

–□ Действительно есть, – он кивнул головой, – она ведёт в кладовку. Крохотную такую. Я на следующий день пришёл, ещё до открытия, залез туда, внимательно осмотрел всё. Кладовка. Цементные стены. Шмотки какие-то свалены. Никакой комнаты, никаких новых дверей. Я тогда подумал: «Ого меня штырит!» – и не ходил танцевать пару месяцев. Потом, правда, всё вернулось на круги своя. Но я уже никогда не пытался больше Русалку догнать.

–□ Думаете, это как-то связано? То, что вы пытались догнать Русалку, и это ваше... виде□ние?

–□ Не знаю, связано или нет, мне неинтересно. Но я больше за ней не гонялся, и никогда ничего такого больше со мной не происходило.

–□ А Русалка ничего не спросила: например, куда вы пропали на пару месяцев?

Он усмехнулся:

–□ Забавно, что вы спросили. Она ничего не спрашивала, но, когда увидела меня в следующий раз, сказала: «А я уж думала, тебя тростниковые волки сожрали».

–□ Тростниковые волки?

–□ Да, тростниковые волки.

–□ Вы правильно услышали? Странная какая-то фраза. В клубе всегда шум стоит, вы могли...

–□ Нет, я совершенно точно правильно услышал. И я запомнил её именно потому, что фраза была такой странной. Но обсуждать с ней я ничего не стал. Вот и всё. Это всё, что я знаю. – Он задумался, затем снова усмехнулся. – Знаете, я никогда этого раньше никому не рассказывал. Вот вам первым. – Он посмотрел на меня, затем на Вербу и снова на меня.

–□ Я это ценю, – сказал я, достал из бумажника ещё одну банкноту и положил на стол. – Вам больше нечего рассказать?

–□ Уверен, что нечего, – он покачал головой, – если вы про Русалку спрашиваете. Может, вы ещё что-то знать хотите? У меня полно классных партнёров было. С таким тарифом, как у вас... – Он подхватил со стола купюру и засунул её в карман. – ...Я готов хоть всю ночь вам истории рассказывать.

–□ Спасибо, – сказал я и переглянулся с Вербой, – но больше меня ничего не интересует.

Мы снова вышли в грохот, и я уверенно направился к выходу из клуба. Краем глаза я заметил дверь в углу, о которой говорил Рыжий, но если там кладовка, идти туда незачем. Забавно, но почему-то у меня не возникло ни малейших сомнений в честности Рыжего – может быть, потому, что его история каким-то невероятным образом перекликалась с моим видением – пятнами света и нитями, уходящими в небо.

Когда мы подошли к выходу из зала, я обернулся, ещё раз посмотрел на портрет над головой у диджея и вдруг понял, кто на нём изображён, – это был Максвелл, такой же точно портрет висел у нас в школе в кабинете физики. Пока я в последний раз окидывал клуб взглядом, Верба подскочила к официанту на два слова, видимо, по поводу заказа и тут же снова увязалась за мной. Мы вышли из клуба вместе.

Холодный воздух действовал отрезвляюще. Небо было ясным, и те участки улицы, где не было фонарей, освещались полной луной. Я отошёл от толпы у входа в ночной клуб и остановился у поворота в переулок. Верба стояла возле меня.

–□ Ну что? – спросила она.

–□ Что?

–□ Нашли то, что искали?

–□ Сложно сказать, – я пожал плечами, – но что-то новое узнал, это точно.

–□ Будете искать дальше? – Она прищурилась.

–□ Ну... тоже сложно сказать.

–□ Да бросьте! Это же так интересно! Искать пропавшего мертвеца в потусторонних комнатах! Вы обещали взять меня с собой!

Я удивлённо вскинул брови:

–□ Я обещал рассказать вам, почему кампанолог интересуется судьбой Русалки. И то исключительно в случае, если вы будете себя хорошо вести.

–□ А я хорошо себя веду! Я ещё ни разу не сказала слово «хуй» за целый вечер! Нет, правда, я могу помогать. Вам же понадобится доктор Ватсон? Я очень полезная. Я могу искать... что угодно практически. Я раньше была журналистом. Нет, серьёзно, вот засуньте иголку в стог сена – и я найду!

В мои планы, конечно, не входила попутчица, но в мои планы вообще многое раньше не входило. У меня из головы всё не шли слова Караима о помощнице.

–□ Ладно, я дам вам одно тестовое задание.

–□ Какое? Иголка в стоге сена?

–□ Почти что. У вас дома есть Интернет?

–□ У меня дома сколько угодно Интернета. У меня его просто тонны дома свалены.

–□ Вот поройтесь в нём и поищите сволосочетание... – Я запнулся.

–□ Хорошая оговорка, – вставила она.

–□ Сло-во-со-че-та-ние, – проговорил я по слогам, – «тростниковые волки». Всё, что сможете найти. А завтра встретимся утром, только не очень рано, и расскажете мне о результатах.

–□ Есть, шеф! – Она смешно отдала мне честь.

–□ К пустой голове руку не прикладывают, – автоматически сказал я.

–□ Что значит «к пустой голове»? У меня голова наполнена множеством полезных сведений. Например, я знаю, как звали подругу Фет-Фрумаса.

–□ В смысле, честь надо отдавать в головном уборе. Запишите номер моего мобильного.

Я продиктовал ей номер, и она вбила его в память телефона.

–□ Всё, – сказал я. И суровым военным голосом добавил: – Можете быть свободны.

–□ Так точно, – сказала она, снова приложила к голове руку, но спохватилась и опустила её вниз со смущённой улыбкой.

Я повернулся и пошёл назад, в гостиницу.

Девушка на рецепции приятно улыбнулась мне, но я прошёл мимо, не сказав ни слова.

В фойе возле кресел стояли те же самые девушки, которых я дважды видел днём. Стоя они производили совсем иное впечатление: они были высокими, статными, с какими-то властными взглядами. Одна из них перегородила мне дорогу и, когда я попытался пройти мимо, приблизила губы к моему уху:

–□ Молодой человек не желает отдохнуть?

–□ Нет, спасибо, – грубовато буркнул я, подумав, что молодой человек желает поспать.

В лифте я облокотился о стену и прикрыл глаза. «Сволосочетание», – подумал я. Последний раз я начал заговариваться к концу второго месяца пребывания в ИВС. Засыпая на ходу, я добрел до своего номера, вошёл внутрь, разделся, побросав одежду на пол, и залез под душ. Затем вышел в комнату и поднял с пола часы. Было начало второго.

Чертовски долгий день, даже для меня. Я забрался в постель, выключил свет и мгновенно заснул.

Меня разбудил телефонный звонок. Я открыл глаза и посмотрел в окно: уже был день. Часы в телефоне показывали 11.00.

–□ Да? – спросонья сказал я в трубку.

–□ Доброе утро! – бодрым голосом сказала Вербка. – Я не слишком рано? Думала сначала в десять позвонить, но не решилась.

–□ Нормально... мне как раз пора вставать.

Расчётное время в гостинице – 12 часов, так что действительно пора было собираться.

–□ Отлично! Ну что, я перешерстила весь Интернет. Все несколько тонн, что свалены у меня дома. И готова отчитаться. Где встречаемся?

–□ Не знаю... Вы местная, предлагайте.

Она назвала кафе. Я открыл сумку, стоявшую возле кровати, выудил оттуда блокнот с карандашом и записал название и адрес. Это было где-то в центре.

–□ Хорошо, – сказал я, – я буду там минут через сорок пять.

–□ Здорово! Жду. Журнал «Огонёк» в руках держать или вы меня узнаете?

–□ Узнаю, – сказал я и подумал, что такую грудь я не пропущу, даже если Вербка попытается от меня спрятаться.

Я позвонил на рецепцию и попросил вызвать такси, после чего положил трубку, ещё раз взглянул в окно, встал и пошёл в ванную. Я умылся, почистил зубы, затем оделся. На всё у меня ушло десять минут. Голова была ясной, только очень хотелось есть. Я вдруг вспомнил, что вчера не ужинал, и уже скоро сутки, как ничего не ел. Спускался я с опаской. Почему-то мне казалось, что меня и сейчас будут подстерегать в фойе легко одетые девушки, но их на месте не оказалось. Нарботались, наверное, за ночь, теперь отдыхают.

Я выписался из номера, сдал ключи, подождал минуту, пока горничная не перезвонила сверху с отчётом о содержимом мини-бара, и поехал в центр.

Вербка сидела за столиком прямо напротив входа. Она была одета совершенно по-другому: деловой костюм, юбка и пиджак, под которым трепетала лёгкая блузка с огромным декольте. Волосы были собраны в пучок, такая причёска подчёркивала её широкие скулы. Она сидела боком ко входу, вытянув вперёд красивые крепкие ноги в колготках и туфлях на высоченном каблуке.

Я поздоровался, сел напротив и сразу подозвал официантку, чтобы сделать заказ. Пока я заказывал, Верба разглядывала меня, сложив руки на столе. Когда я закончил, она сочувственно проговорила:

—□ Тяжёлая ночь?

Я пожал плечами.

—□ Да ладно, не скромничайте. Вы в какой гостинице живёте?

Я назвал.

—□ А-а, знаю такую. Там всю ночь кого-то трахать легче, чем найти в номере мини-бар.

—□ Ну, не знаю, мне попались только две девушки в фойе, предлагавшие... отдых. Я, правда, не спросил, почём.

—□ Я однажды в командировку поехала, так мне каждый день проститутки звонили. Они, видимо, обзванивают все номера подряд, а как слышат женский голос, сразу трубку бросают. На следующий день – опять по новой, вдруг я уже съехала? Когда они третий раз позвонили, я им предложила прийти ко мне в номер, постирушки устроить.

—□ И что они?

—□ Трубку бросили. Видно, у них своя прачечная.

Верба положила передо мной несколько листов А4, скреплённых степлером, и начала:

—□ Прежде всего, сразу несколько разных видов животных называют словосочетанием «камышовый волк». В разных местах так называют китайский подвид Чанго, волка обыкновенного, североамериканский подвид волка обыкновенного и южноевропейский подвид шакала обыкновенного, – прочла она из блокнота и подняла на меня глаза. – Но я не думаю, чтобы это что-то нам дало: во-первых, все упоминания бессистемные, во-вторых, я не нашла там и намёка на... на что-то похожее на рассказ Рыжего или... не знаю...

—□ Я понял, – кивнул я, – кроме того, камышовый волк – это всё-таки другое название. По тростниковым что-нибудь есть?

—□ Ну, улов небогатый. Я просмотрела первые сто ссылок на значение «Тростниковые волки», а также просто «тростник – волк» в четырёх разных поисковиках. Кроме этого, я проверила «очеретяні вовки», «трести де луп» и переводы фразы на английский, немецкий и французский – кейн вулвс, ди шильфвёльфс и ле лю розелье. Все эти словосочетания я искала по меньшей мере в четырёх поисковиках каждое, тоже по сто первых ссылок, и во всех известных мне энциклопедиях – их около десяти на русском и по несколько штук на каждом из остальных языков. Ссылки ведут на страницы, где «тростник» и «волк» упоминаются раздельно и не имеют никакой текстуальной взаимосвязи. Любые подозрения я дополнительно проверяла по контексту. Поиски немного осложнились тем, что словосочетанием «wolf cane» в английском языке обозначают распространённые трости с набалдашником в виде волчьей головы. – Она вдруг улыбнулась и добавила: – Кстати, я неожиданно обнаружила, что как в русском, так и в других языках чудовищная путаница с идентификацией болотных растений. Люди почти не способны различать тростник, камыш и рогоз.

—□ Нет, ну камыш-то легко отличить. У него такие коричневые палочки на концах стебля. Мы их ещё курили в детстве, делали вид, что это сигары.

—□ Так вот то, что вы курили в детстве... хм... – она ехидно улыбнулась, – то, что вы курили в детстве, – это початки рогоза – многолетней травы монотипного семейства розовые. А камыш, – она снова опустила взгляд в блокнот, – это прибрежно-водное растение семейства осоковых, у него никаких початков не бывает. Камышом часто называют и тростник – многолетнее растение семейства злаков, они же мятликовые, у него такие венчики на концах стебля маленькие. То есть это три совершенно разных растения, они даже не родственники. И вот с переводом всей этой беды на другие языки творится настоящая вакханалия.

—□ Хорошо, концентрируемся на тростниковых волках.

—□ Собственно «тростниковых волков» как целостного словосочетания я нашла три

штуки.

Одно – на малопосещаемом немецком форуме, посвящённом падению Берлинской стены. Кстати, эта ссылка в большинстве поисковиков не индексируется, только один мне её выдал, и то не в первой десятке. Один из пользователей оставил на форуме фразу, содержащую слово «schilfwölfe», вот она, на листе. – Верба ткнула пальцем в строчку на верхнем листе бумаги передо мной; там было написано: «Laß ihn Schilfwölfe fressen!». – Я не знаю немецкого, но, насколько я поняла машинный перевод, это значит «чтоб его сожрали тростниковые волки», что-то вроде ругательства или проклятия. Фраза относится к Эрику Хонеккеру, она не отвечала на чью-то конкретную запись, и на эту фразу нет прямых ответов. Она была оставлена в 14.32 12 февраля 2005 года. Пользователь, который её оставил, больше не сделал на форуме ни одной записи и зарегистрировался в тот день, когда была оставлена эта единственная фраза, словно только для этого и регистрировался. Никаких данных об этом пользователе на форуме нет, электронный адрес он при регистрации не указывал – там так можно. В общем, я думаю, это тупиковая нить, она никуда не приведёт.

Другие тростниковые волки, по-английски «cane wolves», – на крупном американском психиатрическом портале. Там есть небольшая статья, если я правильно поняла, про... «бред воздействия». Среди прочего в ней упоминалось, что серийный убийца по имени Максимилиан Солондз утверждал: после того как он сделал всё, что от него требовали «голоса», за ним стали гоняться «cane wolves» – тростниковые волки. Но поскольку сами голоса, приказывавшие Солондзу убивать, принадлежали не тростниковым волкам, автор на этом не останавливается. Я кое-что собрала на Максимилиана Солондза, тут некоторые выдержки. – Она показала на бумаги у меня в руках. – Я старалась выбирать только то, что может иметь отношение к делу.

Наконец, третье и последнее совпадение. Оно попало мне несколько раз, в том числе на том же американском психиатрическом портале, – это исследования Николая Ключко, украинского психиатра, который утверждает, что «тростниковые волки» – элемент параноидального бреда его пациента. И он якобы, не знаю уж, осмысленно или случайно, столкнулся с тем, что этот элемент, как и целый набор других, встречался в словах других психически больных людей. По словам Ключко, цитирую: «Система бреда целого ряда параноиков демонстрирует устойчивые взаимосвязи в сюжетах и персонажах, и тот факт, что никто никогда ранее не предпринимал попыток исследовать эти взаимосвязи, можно списать только на устойчивые предубеждения психиатров к подобным явлениям». Вот. На Ключко ссылок несколько, хотя тоже немного. Забавно, – она улыбнулась, – но одна из ссылок привела меня на форум, где Ключко сетует на то, как быстро пропадают из Интернета упоминания о тростниковых волках и все его попытки оставить как можно больше таких упоминаний оборачиваются неудачей.

–□ А где этот Ключко находится? Здесь, на Украине?

–□ Психиатрическая клиника в Игрени, где бы это место ни находилось.

–□ Как?

–□ Игрень.

Это знак. Пора было возвращаться домой.

«Дас Райх»

Верба внимательно посмотрела на моё лицо и спросила, неожиданно перейдя на «ты»:

–□ Та знаешь, где это, да?

–□ Да, я знаю. Это дома.

В этот момент подошла официантка с моим заказом, и я жадно набросился на еду.

–□ Что будешь делать дальше?

Я не ответил.

–□ А возьмёшь меня? Ну пожа-алуйста.

Я оторвался от еды, вытер губы салфеткой и посмотрел на неё.

–□ Ну ты же увидел уже, что я умею искать. А ещё я умею... да я всё умею! Говорить с людьми, рыться в бумагах, сидеть в библиотеках. Могу еду готовить и стирать носки. Рожать детей и подносить снаряды.

Я задумался, взвешивая «за» и «против».

–□ Ну?

–□ Я думаю.

–□ Чего тут думать, – неожиданно выдала она убойный аргумент. – Неужели ты способен отказать девушке с пятым размером груди?

И тут я, каюсь, не удержал взгляд. Он съехал под линию ключиц и остановился на её бюсте, туго обтянутом блузой с глубоким декольте и частично серым пиджаком. Да, действительно пятый размер.

–□ Это удар ниже пояса, – сказал я.

–□ Я исчерпала все аргументы, – сказала она, – в такой ситуации девушкам простительны удары ниже пояса.

–□ А тебе работать не нужно? Ты ж вроде... редактор?

–□ Во-первых, сегодня пятница и приближаются выходные. А во-вторых, я два года уже без отпуска, так что мне просто судьба куда-нибудь выбраться.

Я посмотрел на листки с распечатками, ещё секунду поколебался и принял решение.

–□ Значит, условия такие, – начал я, но она меня перебила, вскочив со стула:

–□ Уррраааа!

–□ Ты чего кричишь?! – воскликнул я, тоже перейдя на «ты».

–□ Ты меня берёшь.

–□ Я тебя не беру, а нанимаю. И то, что я тебе сейчас скажу, очень серьёзно, так что слушай внимательно. Условия такие. Все дни, пока мы работаем вместе, рабочие. Время работы и время отдыха устанавливаю я. Если я говорю, что надо в воскресенье ночью в дождь ехать в лес, рыть там землю – едем в лес и роём землю, и никаких возражений или рассуждений. Ты делаешь то, что я говорю, в том объёме, который я устанавливаю. Нравится тебе или не нравится, понимаешь ты, зачем это нужно, или не понимаешь – не важно, я ничего не обязан тебе объяснять. Ты живёшь в тех условиях, в которых надо жить, ешь и пьёшь то, что есть в наличии, и не скулишь. Вообще никогда не скулишь. Если ты нарушаешь какое-то из этих правил, я тебя увольняю без выходного пособия.

–□ Ясно, – она с готовностью кивнула.

–□ Ты одеваешься по-походному и берёшь с собой минимум вещей. Возьмёшь больше одной сумки, будешь тащить на горбу сама. Я отвечаю за наличие ночлега и еды и оплачиваю все транспортные расходы. За работу я плачу тебе стандартную подённую ставку копателя на протяжении всего времени поиска. Это неделя или две.

–□ А «стандартная подённая ставка» – это сколько? – лукаво склонила она голову вбок, и я написал на салфетке перед ней цифру. Она кивнула.

–□ И ещё одно. Всё, что мы делаем, – легально, это не должно быть опасно. Меня нанял один человек для простой, нормальной вещи – кое-что найти. Он не обязывал меня к соблюдению конфиденциальности или хранению каких-то тайн. Но в начале поиска никогда нельзя сказать, что мы увидим и к чему придём в конце. Поэтому я оставляю за собой право в любой момент по поводу любой вещи сказать: «Это тайна». И тогда я должен быть уверен, что ты никому ничего не расскажешь. Предупреждаю, учитывая журналистские рефлексy. Мне бы очень хотелось договориться об этом сейчас.

–□ Конечно, – она кивнула, – только ты, пожалуйста, не забывай про тайны говорить, что это тайны. А то есть люди, которые треплются, а потом, когда ты кому-то что-то пересказываешь, обижаются, говорят: «Я думал, и так понятно, что это секрет».

–□ Не волнуйся, я не забуду. Я тебе два раза повторю.

–□ Здорово. А когда мы начинаем?

Я посмотрел на часы:

–□ Сейчас. У меня к тебе на сегодня есть ещё два задания. Первое – купи нам с тобой

билеты на поезд, до дома. – Я достал бумажник и положил перед ней несколько купюр. – Отзовишься потом, скажи, какой вагон.

–□ А второе?

–□ Достань где-нибудь фотографию дочери Караима. В смысле, Русалки. Сумеешь?

–□ Не вопрос. – Она кивнула головой, собралась и поспешно пошла выходу.

–□ Верба, – окликнул я её, когда она уже была в дверях.

–□ Что?

–□ А как звали подругу Фет-Фрумаса?

–□ Ыляна Косынзяна, – улыбнулась она, – это Одесса, тут полно молдаван. На самом деле тут каждый третий знает, как звали подругу Фет-Фрумаса.

Я поел, расплатился и отправился искать интернет-клуб.

В почтовом ящике меня ждал ответ от Хаима. Хаим начинал прямо, без обиняков:

«Wenn ich in meinem Briefkasten einen Brief von dir sah, griff ich sofort eine nur für den Fall bei der Hand liegende Axt und zerstückelte meinen Monitor. Als ich dann abgekühlte, wurde es mir klar, dass der Monitor dafür nicht gültig ist, dass verschiedene Bastards mir plötzlich Briefe schreiben, aber es war schon zu spät: Ich musste nach einem neuen Monitor gehen. So füge die Standard LCD Kosten meinem zustehenden Betrag hinzu.

Gleich muss ich dich verstimmen, mein kleiner Liebhaber der Antike: man hat dir die Fälschung unterschoben/aufgehalst. Niemals, in keiner einzigen Einheit der Wehrmacht wurden die Runen für die Bezeichnung der Division verwendet. Sie könnte mit einer Stellennummer bezeichnet werden, mit dem Namen, oder mit einer codierten Nummer (auf den EM der Saboteurs und Luft-Kommandos). Hier nun Martha fügt von dem Sofa hinzu, dass mit den Runen auf der EM benannte sich nur «SS» – ebenso wie auf allen übrigen Regalien.

Aber wenn es so eine EM gäbe, dann könnte die wirklich nur in der zweiten SS «Das Reich» ausgegeben werden, und einem gewissen Hans Brueghel, Hauptsturmführer des psychologischen Dienstes (VI) von Divisionsstab, gehören. Um das festzustellen, muß ich auch nicht mal zu Berlin anrufen, ich habe eine Kopie des Erkennungsmarken-Verzeichnisses von der Division.

Brueghel ist eine sehr triviale Person. Während des ganzen Krieges ist er durch nichts berühmt oder gekennzeichnet geworden – und deshalb findet man fast keine Erwähnung über ihn in den Studien über die zweite SS, es sei denn, in der allgemeinen Liste. Seine Biographie ist bruchstückhaft – wurde in 1901 geboren, seit 1930 Mitglied der Partei, ein SS Veteran, in der Organisation seit 1931 (Buch # 11 111 – eine interessante Nummer, ja?), in der Division seit ihrer Gründung und bis Mitte 1943. Wird vermißt.

Ich habe gerade überprüft – ich habe nichts mehr von ihm, und in einer Entfernung von Katzensprung kann ich nichts mehr finden.

Wenn du wirklich Information über ihn brauchst, trotz der Tatsache, dass die EM gefälscht ist – ziehe ich nach Berlin. Aber ich warne dich – du wirst den Satz mit zwei multiplizieren. Sowohl für mich als auch für Martha.

Schreibe, gehe nicht verloren.

Weil ich habe keine Lust mehr habe, nach dem nächsten Brief den Monitor in Stücke zu schneiden.

Chaim»².

² «Увидев в своём почтовом ящике письмо от тебя, я немедленно схватил лежащий на всякий случай под рукой топор и раскромсал свой монитор на мелкие кусочки. Потом, когда я поостыл, я сообразил, что монитор не виноват в том, что разные сволочи неожиданно пишут мне письма, но уже было поздно: пришлось идти за новым монитором. Так что добавь в причитающуюся мне сумму стоимость стандартного LCD.

Сразу вынужден тебя расстроить, мой маленький любитель старины: тебе подсунули подделку. Никогда, ни в одном подразделении вермахта не использовали руны для обозначения дивизии. Она могла быть обозначена штатным номером, названием или кодированным номером (на жетонах диверсантов или десантников).

Вот Марта сейчас с дивана добавляет, что рунами на жетонах обозначали только СС – так же, как и на всей остальной атрибутике.

Но если бы существовал такой жетон, то он действительно мог быть выдан только во второй СС, «Дас Райх», и принадлежал бы некоему Гансу Брейгелю, гауптштурмфюреру психологической службы (VI) дивизионного

Тут надо сказать пару слов о том, кто такой Хаим.

Хаим представлял собой настоящий клубок противоречий, начинавшихся с его происхождения.

Отец Хаима был чистокровным немецким евреем. Дед и бабушка Хаима по отцовской линии познакомились в концлагере Дахау. Они любили друг друга платонически, через колючую проволоку, словно в романе Ремарка, стоически поддерживая друг друга в ожидании смерти. В 1944 году оба они неожиданно были переведены из концлагеря на завод по производству мыла в рамках кампании Гиммлера под улучшению имиджа рейха накануне поражения в войне, и в 1945-м их освободили американские войска. В 1946-м они поженились, и в 1947-м у них родился сын – отец Хаима.

Мать Хаима была отпрыском древнего баварского аристократического рода. Её отец, барон фон что-то там, был мелкоземельным помещиком и в 1935-м вступил в партию, затем в СС, ушёл добровольцем в армию, с началом войны оказался на Восточном фронте, где дослужился до штурмбаннфюрера и командовал батальоном, а потом попал в плен и исчез из жизни своей семьи на долгие двадцать лет. Мать Хаима родилась через девять месяцев после последнего отпуска её отца, в 1944-м, и увидела его впервые в 1965-м, уже взрослой женщиной. Через несколько лет она вышла замуж за еврея, уехала из дома и, насколько мне известно, больше не виделась с отцом ни разу до самой его смерти. О причинах можно было только догадываться. Один раз Хаим обмолвился, что его дед имел какие-то связи с ОДЕССА, но развивать эту тему не стал, и я не стал спрашивать.

Поскольку его отец не был немцем, а мать не была еврейкой, Хаим был чужим и для тех и для этих. Думаю, не стоит и говорить, что для Хаима не существовало священных коров – он одинаково равнодушно относился и к трогательности покаяния немцев, и к аффективности Шоа. Вторая мировая интересовала его прежде всего как заработок – и он был здесь достаточно успешен. Как историк Хаим имел постоянную аккредитацию во всех крупных архивах и фондах Германии, начиная, конечно, с Deutsche Dienststelle – преемницы ВАСГ, – «Немецкой службы по оповещению близких родственников павших солдат бывшего вермахта», и Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. – «Народного союза Германии по уходу за военными могилами». Помимо этого у него были прекрасные исследовательские навыки и отличный нюх на всё, что выбивалось из общей картины. Хаим сотрудничал с рядом серьёзных копателей, прикрываясь официальными подработками на те или иные исторические общества и поисковые движения. Пару раз он попадал в поле зрения полиции, но каждый раз выходил из воды сухим.

Мне повезло познакомиться с ним в самом начале моей... скажем так, «археологической карьеры», и так уж случилось, что мы стали друзьями. Хаим вообще редко сходил с людьми – слишком уж специфическим он обладал характером. Единственным человеком, которому он полностью и безоговорочно доверял, вот уже десять лет была его девушка, Марта, – вероятно, самое удивительное создание на Земле. За всё время нашего знакомства, кроме «Привет» и «Пока», Марта произнесла при мне, может быть, десяток слов.

штаба. Для того чтобы установить это, мне не нужно даже звонить в Берлин, у меня есть копия ведомости личных знаков дивизии.

Брейгель – чрезвычайно банальный персонаж. За всё время войны он не прославился и не отличился ничем, – и потому его практически не упоминают ни в одном исследовании второй СС, разве что в общем списке. Биография его обрывочна – родился в 1901 году, член партии с 1930 года, ветеран СС, в организации с 1931 года (билет № 11 111 – интересный номер, да?), в дивизии с момента основания и до середины 1943 года. Пропал без вести.

Я только что проверил – у меня нет о нём больше ничего, и на расстоянии вытянутой руки я ничего больше найти не смогу.

Если тебе действительно нужна о нём информация, несмотря на то что жетон поддельный, я смогаюсь в Берлин. Но предупреждаю: тариф будешь умножать на два. И мне, и Марте.

Пиши, не пропадай.

А то неохота после следующего письма опять монитор рубить на части.

Хаим».

Но Хаим с регулярностью утренней газеты пересказывал мне анекдоты, басни и целые поэмы в прозе, утверждая, что это вчера ему рассказала Марта. Очевидно, она общалась с ним одним. И, очевидно, их двоих это вполне устраивало. Она была полупрофессиональным фалеристом, и её помощь часто оказывалась очень кстати.

Последний раз мы расстались в разгар моих «полицейских приключений». Мне пришлось спешно обрубить все концы, и я просто исчез, ничего не объясняя. Хаим сам работал в этом бизнесе не первый день и хорошо знал, что это могло значить, поэтому не сделал ни одной попытки со мной связаться. С моей стороны, конечно, было некрасиво не появляться так долго, будучи на свободе, но я рассчитывал, что Хаим не сердится. В конце концов, зачем же ещё нужны друзья?

Судя по письму, Хаим не сердился, во всяком случае не сильно. Меня больше волновало другое. Хаим настаивал на том, что жетон поддельный, в то время как я с самого начала не сомневался в его подлинности. Я откинулся на спинку стула и запрокинул голову. Под потолком неспешно месил воздух вентилятор, очевидно, не выключенный с лета.

Я начал взвешивать «за» и «против». «Против» набиралось довольно много – жетон действительно был аляповатым и совершенно не напоминал виденные мною образцы. Но было одно очень веское «за» – именно такой аляповатый и несуразный жетон никто не стал бы изготавливать, чтобы выдать его за подлинник. Подделка жетона того времени – филигранная работа, которая не может принести сколь-нибудь серьёзных дивидендов. Тем более подделка половины жетона. Человек, который подделывал такой жетон, совершенно точно имел в виду какую-то цель. И он точно был профессионалом. Такой человек не стал бы подделывать жетон настолько неправдоподобно. Моё чутьё уверяло меня, что этот жетон – настоящий. Во всяком случае, тот, кто его делал, изготавливал оригинал. Что бы это ни означало.

Альзо.

Я решил принять для себя в качестве рабочей версии следующую: вне зависимости от того, кто и для чего изготовил жетон, я буду считать, что он был изготовлен для Ганса Брейгеля, начальника шестого отдела штаба второй дивизии СС «Дас Райх». Соответственно целью поисков становится труп пропавшего без вести Ганса Брейгеля, на шее которого, вероятно, всё ещё болтается вторая половина жетона, если она не сгнила вместе с трупом Брейгеля в непролазных болотах где-то на гигантском пространстве от Волги до Сены.

Это была на данный момент самая правдоподобная версия из всех, с какими можно было работать.

Я написал письмо Хаиму:

«Chaim, mein Lieber, ich danke dir herzlich für deine Antwort.

Ja, Brueghel interessiert mich trotzdem, unabhängig davon, ob das eine echte oder gefälschte EM ist. Bitte überprüfe alles, was du kannst. Wie gesagt, ich bezahle alle Kosten (sowohl für dich als auch für Martha), zum doppelten Satz bin ich bereit. Wann ich das Haus erreiche, überweise ich dir einen Vorschuß für dich.

Schreibe während der Vorwärtsbewegung.

Kreuzschnabel»³.

Я отправил письмо и решил, пока есть время до поезда, немного покопаться в Сети и освежить в памяти основные вехи боевого пути второй дивизии СС.

Штаб дивизии – тогда это был «штаб Пауля Хауссера» – возник уже после вторжения в Польшу, 10 октября 1939 года, а ещё через десять дней, 19 октября, под началом штаба были

³ «Хаим, дорогой, спасибо тебе большое за ответ.

Да, Брейгель меня всё равно интересует, вне зависимости от того, поддельный это жетон или настоящий. Пожалуйста, выясни всё, что можешь. Как я уже сказал, все расходы я оплачу (и для тебя, и для Марты), на двойную ставку согласен. Как только доеду до дома, переведу тебе задаток.

Пиши по мере продвижения дел.

Клёт».

объединены резервные части СС. На тот момент это были три пехотных полка: «Дойчланд», «Германия» и «Дер Фюрер». Дивизия тогда называлась «Резервная дивизия СС (моторизованная)».

В мае 1940-го дивизия приняла участие в западной кампании вермахта в составе 18-й армии, в рамках операции «Гельб» (вторжение во Францию и страны Бенилюкса). После капитуляции всех континентальных западных противников дивизия готовилась к совместному с испанцами захвату крепости «Гибралтар», но операция была в итоге отменена из-за колебаний Франко.

В конце лета и осенью сорокового года происходит ряд структурных и кадровых изменений во всём вермахте и войсках СС, которые коснулись и дивизии Хауссера: её покинул полк «Германия» (на базе которого была собрана новая дивизия СС – «Викинг», пятая по номеру), вместо которого в состав дивизии был включён вновь созданный 11-й полк СС. В декабре дивизию переименовывают в дивизию СС «Дойчланд», и тут же, почти без паузы, в январе 1941-го – в дивизию СС «Райх» (вероятно, чтобы не путать название дивизии и входящего в её состав полка).

Весной 1941-го дивизия участвует в балканских операциях вермахта. Здесь происходит первое памятное событие в истории подразделения: утром 12 апреля 1941 года командир второй роты мотоциклетного батальона дивизии гауптштурмфюрер СС Фриц Клингенберг, вместе с десятью солдатами выехавший на разведку, без единого выстрела (фактически – уговорами) захватил Белград. 17 апреля Югославия капитулировала.

В мае 1941-го дивизию перебрасывают в Польшу, и 22 июня она в составе 46-го армейского корпуса 2-й танковой группы Гудериана (группа армий «Центр») вторгается в СССР.

Почти месяц продолжается сюрреалистическая война, которую немцы обозначали словами «Впереди нет врага, а позади – нет тыла». Встречая бессистемное, легко ломаемое сопротивление, немецкие части стремительно продвигаются в глубь советской территории, отрываясь от снабжения, обозов и коммуникаций и зачастую с затруднениями идентифицируя друг друга, когда разные воинские подразделения выходят к одним и тем же рубежам. Дивизия СС «Райх» столкнулась с 100-й стрелковой дивизией РККА Руссиянова, бои с которой продолжались до 22 июля, когда немецкое наступление забуксовало и Гудериан отдал приказ закрепиться на ельнинском выступе и перейти к обороне.

И понеслось!

Три подряд *чудовищные молотилки* : сначала Ельня и Смоленское сражение, затем Киевский котёл, в самом центре которого оказалась вторая дивизия СС, и следом – операция «Тайфун» (в составе 40-го корпуса 4-й танковой группы Гёпнера), последняя, отчаянная попытка вермахта реализовать план «молниеносной войны» с захватом Москвы. Операция «Тайфун» выдохлась лишь в ноябре, когда ударили дикие морозы (12 ноября в районе боёв было минус пятнадцать, а 2 декабря уже было минус тридцать два), и раздетые и изнурённые несколькими месяцами непрерывных боёв эсэсовцы столкнулись с упорнейшим сопротивлением 78-й стрелковой дивизии Белобородова – ударного кулака 16-й армии Рокоссовского. 78-я славилась среди немцев тем, что солдаты этой дивизии не брали пленных и сами ни при каких обстоятельствах не сдавались в плен. После кровопролитнейших боёв по несколько суток без перерыва немецкое наступление останавливается, когда солдаты уже видят Москву. Рокоссовский начинает контрнаступление, отбросившее вермахт назад. Дивизию СС «Райх» в это время переводят в 9-ю армию Моделя, где она занимает оборону подо Ржевом. Зима 41—42-го – оборона знаменитого ржевского плацдарма и защита единственной, по сути, дороги, по которой осуществлялось снабжение всей группы армий «Центр». 24 января Модель отдаёт Отто Кумму, командиру полка «Дер Фюрер», простой приказ: «Держать любой ценой». Кумм отвечает: «Так точно, господин генерал». К середине февраля, за три недели стояния насмерть, солдаты боевой группы «Кумм» подо Ржевом подбили семьдесят танков и убили пятнадцать тысяч человек. Сама же боевая группа истекала кровью и постоянно

доукомплектовывалась. (К этому времени относится другой знаменитый эпизод: 18 февраля Кумм явился на доклад в штаб дивизии в сопровождении тридцати пяти человек. Это были все, кто остался в его полку.)

Отдельные части дивизии постепенно отводят для отдыха и доукомплектования, но отвести всю дивизию, целое боевое подразделение, на котором фактически держится оборона важнейшего участка фронта, командование не решается. Так возникает «Боевая группа СС Райх» – остатки дивизии, продолжающие сражаться на передовой, которым постоянно придают новобранцев в качестве «свежей крови». Группа держалась до конца весны, когда на фронте наступило затишье, и 1–2 июня всё, что осталось от дивизии, погрузили во Ржеве на поезда и вывезли в тыл.

За время восточной кампании 1941–1942 годов дивизия лишилась трёх четвертей личного состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести и сменила четырёх командиров: 14 октября Пауль Хауссер был тяжело ранен и потерял правый глаз, и после этого командиры менялись каждые несколько месяцев, а то и несколько дней.

Летом сорок второго дивизия, переименованная в дивизию СС «Дас Райх», размещается возле Ганновера, а затем в Нормандии, на севере Франции, где доукомплектовывается, а фактически – собирается заново по частям. Полки дивизии моторизуют, включают в её состав танковый полк и несколько новых батальонов. После короткой операции по оккупации юга Франции дивизию включили во вновь созданный 1-й танковый корпус СС под командованием Пауля Хауссера, состоявший из дивизий «Лейбштандарте Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Тотенкопф». В этот момент дивизия называется мотопехотной дивизией СС «Дас Райх» – именно так, не считая вольфсангеля вместо названия, было написано на жетоне Ганса Брейгеля.

В январе 1943-го 1-й танковый корпус перебрасывают на Восточный фронт в состав группы армий «Юг», где тот занимает оборону на харьковском направлении перед наступающими частями Красной армии. В феврале корпусу удаётся войти в тыл наступающему 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу РККА, окружить его и уничтожить. Однако атаки Красной армии не прекращаются. Обе стороны – и Воронежский фронт, и группа армий «Юг» – получили от своих «верховных» приказ: драться до последнего, не делая ни шагу назад. И, как это часто бывает в военной истории, выжить в итоге сумел тот, кто смог творчески проигнорировать указания свыше.

Нарушив прямой приказ фюрера (Гитлер в этот момент как раз был в штабе группы армий «Юг» в Запорожье), под натиском окружающих его частей Красной армии Хауссер дал своему корпусу приказ отступать и оставить Харьков (в тот момент это ещё можно было сделать по узкому коридору в полтора километра). Этот манёвр отдал советским частям Харьков, но заставил их вытянуть вперёд «клин», поставив уже красноармейцев под угрозу окружения. 10 марта фон Манштейн начал контратаку, на острие которой был корпус Хауссера и конкретно дивизия «Дас Райх». Харьков снова был взят, и немецкие войска закрепились в нём до конца весенней распутицы, когда было решено ликвидировать курский выступ фронта РККА ударами с флангов.

В начале лета корпус Хауссера был переброшен к Белгороду, где 5 июля 1943 года все до единого солдаты дивизии СС «Дас Райх» вступили в бой на Курской дуге. Нечеловеческая бойня, с битвой за каждый метр, стрельбой из пулемётов и огнём, переходящей в рукопашные схватки, когда на острие атаки попеременно выходят то танки, то пехотинцы – такой войдёт в историю эта битва. 12 июля под Прохоровкой корпус Хауссера врезался в переброшенную с северного фаса Курской дуги 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова. Происходит величайшее в мировой истории лобовое столкновение танковых армий: сотни огромных стальных машин на открытом поле лупят во все стороны прямой наводкой из всех имеющихся видов оружия. Два последующих дня войска продолжают спорадические битвы и топчутся на месте, чтобы чаша весов затем плавно склонилась в сторону Красной армии. 23 июля советские войска контратакуют, и фон Манштейн постепенно отводит подразделения с этого участка фронта.

В августе дивизия СС «Дас Райх» сначала обороняет Миус-фронт, затем – Харьков, который теперь уже фон Манштейн сдаст, чтобы спасти свои войска, нарушив прямой приказ Гитлера. После этого – оборона одного плацдарма, другого, третьего – день за днём отступление и отступление, обескровившее дивизию настолько, что 17 декабря её снова переименовали в «боевую группу». Некоторые подразделения дивизии в этот момент перебрасываются в тыл, некоторые продолжают сражаться на Восточном фронте до 8 апреля 1944-го.

В апреле остатки дивизии расквартировали в Тулузе, где дивизию снова доукомплектовали (в её состав, кроме полков «Дер Фюрер» и «Дойчланд», вошли 2-й полк СС и 2-й танково-артиллерийский полк СС) и перебросили на запад в ожидании высадки союзников. Дивизия теперь называлась просто «танковой», то есть здесь заканчивается период, в который Брейгелю могли выдать его жетон.

После высадки союзников накалённые до предела отношения между оккупационными войсками и местным населением разродились настоящей партизанской войной, приведшей к массовым карательным акциям. 9 июня 1944 года в городке Тулле солдаты разведбатальона дивизии под командованием штурмбаннфюрера СС Генриха Вульфа повесили сто местных жителей по подозрению в связях с партизанами. 10 июня солдаты 1-го батальона полка «Дер Фюрер» под командованием штурмбаннфюрера СС Отто Дикмана в местечке Одадур-сюр-Глан сначала расстреляли несколько сотен мужчин, затем сожгли в церкви женщин, детей и стариков. Обстоятельства были путанными, дивизионное руководство приказало начать расследование, но Дикман был убит в бою в Нормандии раньше, чем успел предстать перед судом.

Всё лето 1944-го дыры в обороне затыкали частями дивизии, разбив дивизию на несколько боевых групп. Но героизм солдат (например, 14 июля средний танк «Пантера» под командой Эрнста Бакмана в одиночку остановил продвижение целой колонны вражеской техники, подбив в общей сложности 11 танков) не мог изменить обстановку на фронте.

Зимой 1944–1945 годов танковая дивизия СС «Дас Райх» в составе 4-й танковой армии принимает участие в Арденнском наступлении – последнем за всю Вторую мировую войну масштабном наступлении немецкой армии, навсегда подорвавшем здоровье вермахта. Несмотря на спорные результаты битвы, немецким войскам пришлось отступить, и будущее поражение в войне теперь стало очевидно для всех. Кроме фюрера, конечно.

Дивизия продолжала сражаться на Западном фронте, но уже скорее ожидая капитуляции и надеясь встретить её с минимальными потерями. В мае 1945 года вторая танковая дивизия СС «Дас Райх» сдалась американской армии, оставшись в истории беспримерным по выучке и боевому духу воинским подразделением. Из этой дивизии вышли один командующий армией и группой армий, три командира армейских корпусов и целых 19 командиров дивизий. Военнослужащие дивизии множество раз награждались разнообразными наградами и поощрялись командованием. Множество солдат, служивших в дивизии, прославились как во время войны, так и после неё, – они становились политиками, бизнесменами или просто писали мемуары, исследования, научные труды. И среди сотен и тысяч известных и хорошо изученных биографий солдат дивизии «Дас Райх» нет биографии единственного человека, который меня сейчас интересовал, – Ганса Брейгеля. Он ничем не прославился и ничего не совершил. И, чёрт возьми, я понятия не имею, как я буду его искать.

От экрана монитора меня отвлекло жужжание мобильного: я получил СМС. Верба прислала мне время отправления поезда и номер вагона. «Буду ждать на перроне». Я протёр пальцами глаза, закрыл браузер и вышел на свежий воздух.

Ветер гонял листья.

Медленно, но верно приближалась зима – в портовых городах это неприятное время года, когда погода может меняться несколько раз в день, дожди переходят в снега, а снега переходят в дожди, и кажется, что всё вокруг не живёт, а ждёт возвращения тёплых дней. Я прогулялся немного по центру города и поел в китайском ресторанчике недалеко от оперного театра. Когда-то в Одессе было полно китайских забегаловок – одна была прямо на

вокзале, довольно приличная, кстати. Помню, стены там были обклеены газетами на китайском языке. И чай был отменным.

Я стал вспоминать, какой Одесса была раньше, и вдруг подумал, что в этот приезд даже не увидел моря. Жизнь ускоряется, а мы стареем. Люди, живущие в центре крупных европейских городов, годами не видят их прекрасной архитектуры. У них стандартный маршрут «дом – работа – дом», а в выходные хочется только, чтобы тебя оставили в покое. Они лежат на диванах и смотрят свои телевизоры. Они узнают об урагане у них в городе не по ветру, гнущему деревья к земле, а по картинке в новостях. Я был в Одессе два дня, побывал в полдюжине мест, поговорил с десятком людей, но не увидел моря.

Наверное, это нормально.

Верба ждала меня на перроне. Она была в джинсах, блузе и жакете с неизменным декольте. С собой у неё была всего одна сумка, правда, как я тут же убедился, довольно тяжёлая.

–□Твой билет, – сказала она и протянула мне железнодорожный конверт.

Мы разобрались с проводницей, вскарабкались по лестнице в вагон, нашли наше купе и с трудом расположились. Это был спальный вагон, в купе мы были одни.

Верба тут же куда-то выскочила и отсутствовала почти до отправления.

–□Ну что? – спросил я, когда поезд тряхнуло и вагоны плавно поплыли мимо провожающих на перроне. – С работы тебя отпустили?

–□Конечно, я ж говорила – я два года без отпуска.

–□А домашние тебя отпустили? Муж там, дети?

–□Муж объелся груш. Я в разводе. И детей у меня нет. Так что за моральное самочувствие моей семьи можешь не переживать. – Она улыбнулась ядовитой улыбкой. – Отпрашиваться пришлось только на работе. Но они без меня как-нибудь пару недель перебьются.

В купе зашла проводница, забрала билеты, предложила чай. Я попросил пива, и она практически сразу принесла. Видно, народу в вагоне было немного. Верба, подумав, тоже попросила пива.

–□Тяжело это? – спросил я.

–□Что?

–□Работать редактором.

–□Ну, не тяжелее, чем мешки таскать. Хотя бывает, конечно, что авторы достают...

–□Со своими «нетленками»?

–□Ага. Сегодня, например, с утра читала повесть под названием «Город безголовых».

–□Отличное название.

–□Да и сюжет ничего. Но написано отвратительно.

–□А что за сюжет?

–□Про город, все жители которого вечером, перед сном, снимали головы и клали их в тумбочки.

–□Отлично! И что дальше?

–□Однажды в город приехали мошенники и начали продавать посреди города целительные капли от всех болезней. Их быстро разоблачили, отстегали по ягодицам (там так и написано было – «по ягодицам») и выдворили из города. Но ночью они вернулись, прошли по всем домам и забрали головы всех жителей. Наутро выяснилось, что никто в городе не способен ни говорить, ни слушать, ни думать – все просто шатаются из стороны в сторону и ждут. Хоть чего-нибудь. Головы сохранило всего четыре человека: мэр города, у которого тумбочка запиралась на ключ, пенсионер, который боялся оставлять голову в тумбочке и приклеил её к шее скотчем, пьяница, который свалился вечером под забор, не дойдя до дома, и рокер, который всю ночь катался по городу на мотоцикле.

–□И что?

–□Ну и дальше они решают, что теперь делать. В общем-то, тут должен быть самый сок – такой колоритный набор персонажей получился, такие аллегии интересные, можно

было прекрасно всё это раскрутить. Но написано очень бедненько.

—□ А заканчивается чем?

—□ В город звонят пограничники и говорят, что таможня задержала группу мошенников с большим числом голов. Те пытались провести эти головы через границу как груз капусты, но в последнюю секунду взятки раздали неправильно, и их повязали.

—□ Прекрасно, по-моему.

—□ Да я ж говорю, идея неплохая. Но испортить хорошую идею плохой реализацией куда проще, чем кажется. Такие вещи очень обидно читать. Но ты мне баки, пожалуйста, не забивай. Ты мне лучше давай рассказывай, что это компа... как там тебя?

—□ Кампанолог.

—□ Вот-вот, что кампанолог делает на секретной службе его величества? Тебя ведь Караим нанял?

Я кивнул и достал из кармана половину жетона Ганса Брейгеля.

—□ Ты знаешь, что это такое?

—□ По-моему, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это — не колокол. И даже не запчасть от колокола. Это я тебе уверенно говорю, хоть я и не кампанолог.

—□ Ну... я не всегда был кампанологом. Скажем так... я в жизни разными вещами занимался.

—□ И в том числе?..

—□ В том числе поиском захоронений времён Второй мировой войны. Естественно, не в благотворительных целях.

—□ А, так вот что значило слово «копатель»! А я-то думаю — что за стандартную ставку ты мне собрался платить?! Я слышала про такое. «Чёрные археологи», да?

—□ Да, у нас их называют «чёрные археологи», в России прижилось название «чёрные следопыты». А вообще на юридическом языке работа копателей называется «разграблением объектов археологического наследия».

—□ И что, в тюрьму можно сесть?

—□ А как же! Статья двести девяносто восьмая, моя любовь, «уничтожение объектов культурного наследия или самовольное проведение поисковых работ на археологических памятниках», третья часть — от двух до пяти лет. Вот именно её-то мне и шили.

—□ Ух ты! Да ты — матёрый эзка!

—□ Ну, почти. Я два месяца просидел в ИВС, а потом отвертелся.

—□ А как, как отвертелся? — Она подалась всем корпусом вперёд, явно издеваясь надо мной.

—□ Каком кверху! — уверенно ответил я. — Если когда-нибудь будешь сидеть в ИВС в ожидании суда по этой статье, звони, я тебе помогу. А до того момента знать тебе это необязательно.

Она обиженно откинулась на спинку, секунду подумала и язвительно проговорила:

—□ Вижу, твой печальный опыт не отбил у тебя охоту продолжать?

—□ Ещё как отбил! Именно после этого я и стал кампанологом. Насовсем. Безо всяких «но». И работаю теперь только с нормальными, «белыми» заказчиками, над нормальными, «белыми» проектами.

—□ А это что? — Она кивнула на жетон.

Я вздохнул:

—□ Это страшное наследие буйной молодости. К несчастью, я остаюсь одним из немногих людей в стране, которые могут быть полезны в поиске подобных вещей. Вот Караим меня и нанял. На совершенно легальную, «белую» работу. Нам нужно найти вторую половину.

Она взяла в руки половину жетона, покрутила её, прочитала надпись и посмотрела на меня.

—□ А, собственно говоря, что это такое?

Я вкратце рассказал ей о солдатских жетонах, затем о Гансе Брейгеле и дивизии «Дас

Райх».

–□ Слушай, – сказала она после некоторого размышления, – а каким образом связан этот жетон и смерть Русалки?

–□ Понятия не имею. Но если Караим говорит, что есть связь, вероятно, она есть. Иначе он не стал бы меня нанимать.

–□ Ну да, если Караим говорит, что связь есть – то она ТОЧНО есть.

–□ Ты знакома с Караимом?

–□ Смеёшься? Он совладелец издательства, в котором я работаю.

–□ Что, серьёзно? – удивился я.

–□ А чему ты удивляешься? Ему полгорода принадлежит.

–□ И хорошо ты его знаешь?

–□ Ну как... как совладельца издательства, в котором я работаю. Такой «большой босс»... ну как обычно сотрудники компаний знают своего «большого босса»? Понаслышке в основном. Я с ним не спала, если ты об этом спрашиваешь.

–□ Слушай, может, ты и дочь его тоже знала?

–□ Нет, Русалку я видела всего два раза в жизни, в ночных клубах. Я иногда заходила потанцевать, у меня есть несколько знакомых... Рыжий вот – старая моя подруга. Ну и Русалку тоже видела... она и вправду танцевала как безумная. И Караим из своей засады за ней следил. Но нас с ней никто не знакомил, я с ней не разговаривала ни разу, не здоровалась...

–□ Ты фотографию её нашла, кстати?

–□ Ко-неч-но, босс. – Она достала из сумочки ежедневник и выудила из него чёрно-белую распечатку. С листа на меня уверенно смотрела серьёзная светловолосая девушка лет, наверное, двадцати. С другой стороны – по такой фотографии трудно было определить возраст. Да по женщинам вообще его трудно определить, даже если живём их видишь.

–□ А вот такие истории, как нам Рыжий рассказал, ты когда-нибудь раньше слышала?

–□ Если честно, Рыжий здорово меня удивил этим рассказом. Я никогда ничего подобного не слышала. Ни от него, ни от кого другого. И ведь мы с ним общались постоянно, а и он мне никогда ни слова об этом не говорил.

–□ Ну да, – я вспомнил о своём «виде□нии», о пятнах света и нитях, идущих ввысь, и подумал, что я бы тоже об этом никому не рассказывал. Даже самым лучшим своим друзьям.

–□ А что о них – в смысле, о Караиме и о дочери его – говорят-то вообще в городе?

–□ Ну что говорят... разное. Что вообще говорят о богатых людях со странностями? Что они пьют по ночам кровь христианских младенцев и так далее.

Я кивнул. Говорить действительно могли что угодно, я через такие штуки проходил, этот путь никуда не ведёт.

–□ Кровь христианских младенцев... – задумчиво проговорил я. – Я когда-то хотел делать вино, кагор «Кровь христианских младенцев».

–□ Серьёзно? А я хотела колбасу делать. Кровянку «Христианские младенцы». Но вовремя поняла, что это дурацкая шутка.

–□ Да, – кивнул я, – лучше выпускать минеральную воду «Братец Иванушка».

–□ Думаешь, будет пользоваться спросом?

–□ Не знаю, – я пожал плечами, – давай, пожалуй, спать ложиться, поезд рано приходит.

Посреди ночи мне вдруг невероятно захотелось пить. Я встал, нашарил на столике бутылку с чем-то жидким и жадно сделал несколько глотков. Затем услышал торопливые мелкие шажочки по крыше.

«Дети балуются», – подумал я и сделал ещё несколько глотков.

Поставил бутылку на стол.

И тут сообразил, что я еду в поезде.

«Какие, к чёрту, дети на крыше?» – Я обернулся и обнаружил, что сижу на краю огромной кровати посреди большой – метров сорок квадратных – комнаты.

«Это сон, – понял я, – это просто сон».

У изголовья моей кровати было окно, из которого комнату наполнял свет натурального серого цвета. В противоположной стене была открытая дверь, за которой начинался длинный коридор. Потолок терялся вверху в дымке – понять, как высоко он находится, было решительно невозможно.

Я встал и медленно прошёлся по комнате. Остановился в дверях. Коридор впереди шёл около полутора десятков метров и заканчивался открытой дверью ещё в одну комнату, из-за странностей серого освещения в ней ничего не было видно.

Я медленно прошёлся вперёд, только к середине коридора заметив, что я босой. Впрочем, каменный пол коридора был почему-то тёплым.

Я вошёл в другую комнату и увидел там огромный диван с высокой спинкой, повёрнутый от меня в сторону окна, из которого струился такой же серый свет. Над диваном возвышалась совершенно лысая женская голова. Когда я вошёл, голова медленно повернулась ко мне. Решительный профиль, чёрные, словно нарисованные брови и нос с горбинкой выдавали в сидящей на диване женщине уроженку Кавказа. Она посмотрела на меня несколько секунд, потом качнула головой, предлагая мне подойти.

–□ Мне неудобно сидеть с повёрнутой шеей, – сказала она, словно прочтя мои мысли.

Я медленно пошёл вперёд, обходя диван.

Где-то сверху опять раздались торопливые шажочки.

Я вышел в пространство между диваном и окном, прямо перед женщиной, и остановился в нерешительности. Потому что женщина кормила грудью двух здоровенных мужиков, лежавших рядом с ней на диване.

Посыпь меня сахарком

Мужики были одеты и лежали, аккуратно свернувшись калачиком справа и слева от женщины. Их лиц я не видел, но, присмотревшись, подумал, что не такие уж они и великовозрастные, как мне показалось сначала, – скорее, это были двое парней. Головы их ритмично шевелились – еле-еле, но, если смотреть на них не отрываясь, было понятно, что они не просто лежат, а сосут груди женщины.

–□ Чего ты? – спросила меня женщина. – Садись.

Я осмотрелся. Кроме дивана, занятого сразу тремя людьми, в комнате не было больше никакой мебели. Я аккуратно сел на пол, подложив ноги под себя.

–□ Я хотела тебе кое-что сказать, – сказала она, – не копай там. Ты ничего там не найдёшь.

–□ Совсем ничего? – спросил я.

–□ Совсем ничего, – ответила она.

–□ Почему же вы тогда просите меня не копать?

Она посмотрела мимо меня в окно и задумчиво проговорила:

–□ Значит, ты не хочешь меня слушать.

–□ Ну почему же? – спросил я. – Я просто хочу понять.

–□ Есть вещи, которых тебе не надо понимать, – сказала женщина и покачала головой. – Того, что ты ищешь, там нет. Ты найдёшь это совсем в другом месте. Тебе не надо там копать.

–□ Чего вы боитесь? – спросил я. – Почему мне нельзя копать? Что я найду там?

–□ Ты ничего там не найдёшь, – сказала мне женщина, – кроме, может быть, нескольких пуговиц.

Пока я пытался сообразить, при чём тут пуговицы, раздался громкий голос проводницы: «Подъезжаем!»

Комната с диваном, женщина и парни медленно растворились.

Я открыл глаза.

Мы подъезжали к дому.

–□ Душ прямо и направо, туалет прямо и направо, кухня прямо и направо. Вопросы есть?

–□ Есть. После того как прямо, потом куда?..

–□ Направо, – сказал я голосом мёртвого конкистадора, ожившего только для того, чтобы кого-нибудь убить. – Ты лучше не теряй времени, иди делай, что тебе нужно, потому что у меня для тебя ещё пара заданий на сегодня.

–□ Ладно. Тогда в душ я первая!

–□ Хорошо-хорошо. – Я пошёл к себе в спальню, бросил на пол сумку и включил компьютер. Проверил почту, болталки, личные сообщения. Ничего интересного.

Я снял трубку и набрал номер. Ответили почти сразу:

–□ Алё?

–□ Пап, привет, это я. Вы дома сегодня?

–□ А, привет, да, дома. В гости придёшь?

–□ На полчасика заскочу.

–□ А когда?

–□ Да прям сейчас. В течение часа, может.

–□ А, хорошо, ждём тебя тогда.

–□ Всё, давай. – Я сбросил звонок и набрал другой номер. Тут пришлось ждать ответа восемь гудков. В конце концов трубку сняли, и ещё через несколько секунд раздался сонный голос Чеги:

–□ Да?..

–□ Привет, это я, Клёст.

–□ Клёст? Ты знаешь, сколько времени? Блин, сегодня суббота...

–□ Я знаю, сколько времени, все нормальные люди встали давно. Просыпайся, давай, погода отличная, солнышко светит, удача улыбается смелым!

–□ Блин...

–□ Я, в общем, вернулся и смогу прийти. Во сколько вы собираетесь?

–□ Блин, а чего ты мне звонишь? Звони Бороде, мы ж у него встречаемся.

–□ Потому что мне тебя надо увидеть, балда! Ты придёшь?

–□ Нууу... а что мне за это будет?

–□ Я тебя поцелую. Потом. Если захочешь.

–□ Господи, ужас какой, я тогда не приду и телефон сменю вместе с адресом. Блин...

– Я серьёзно, ты будешь?

–□ Ну если серьёзно, то я не решил ещё. Ты для этого меня разбудил посреди ночи?

–□ Посреди какой ночи?! Полдень скоро. Солнце в зените. Приходи, короче. Я приведу девушку с пятым размером груди.

–□ Чувак, я приду.

–□ Вот, я знал, что это сработает. Только ответь всё-таки на мой первый вопрос: вы во сколько собираетесь?

–□ В семь. Но пятому размеру там будут рады в любое время, зуб даю.

–□ Это я и без тебя знаю. Давай, до вечера.

Я положил трубку, протёр пальцами глаза и вышел в коридор. Ванная только что освободилась.

На полочке под зеркалом стояла батарея незнакомых мне баночек, тюбиков и бутылочек. А я уже отвык от всего этого. Самое странное и неуловимое в изменении статуса – вот ты живёшь сам, а вот с кем-то, а вот опять сам – это всякие бытовые мелочи. Одежда, которая пахнет человеком, ушедшим из твоей жизни навсегда. Чулок, неожиданно найденный во время генеральной уборки через полгода. Осиротевшая полочка под зеркалом. Но со временем к этому привыкаешь. И если снова что-то меняется, надо привыкать опять. Я замер на несколько секунд, изучая новый облик моей ванной. Конечно, это всего на несколько дней. Но, чёрт возьми, это будут чертовски *странные* несколько дней.

Может, в гостиницу её поселить?

Да ладно, мужик, расслабься.

Я с силой выдохнул и полез под душ.

После напряжённой поездки оказаться опять дома было хорошо. К моменту, когда я наплескался, я успел поверить, что сегодня – суббота, и почти полностью расслабиться. Вербка тем временем обжила гостевую комнату и сидела на кухне с блокнотом на изготовку в ожидании чайника.

–□А блокнот тебе зачем? Без него чай в горло не польётся?

–□Без него я не буду выглядеть всегда готовой к бою, и ты меня выгонишь. Чай будешь?

–□Нет, спасибо, попей сама. Значит, задание номер один. Вот тебе компьютер, – я показал пальцем, – там в нём есть Интернет, если поискать. И в нём наверняка есть телефон игренской клиники. Позвони туда и выясни, где этого Ключко можно найти. Если будут задавать дурацкие вопросы, скажи, что по срочному личному делу, предложи оставить свой номер, чтоб он перезвонил. Этот трюк обычно работает.

–□Сегодня же суббота? – спросила Вербка, оторвавшись от блокнота, где тезисно записывала мои слова. – Там кто-то есть вообще?

–□Это больница, они круглосуточно работают. И круглогодично. Там всегда кто-нибудь есть.

–□А если я его найду, что дальше делать?

–□Скажи, что нам нужно поговорить с ним по поводу тростниковых волков. И спроси, когда и где это можно сделать. Скажешь, что это не телефонный разговор, если что. Я думаю, трудностей не будет.

–□И на когда забивать стрелку?

–□Любой день, любое время. Более важных дел у нас сейчас нет.

–□Ага, поняла.

–□Теперь задание номер два. Когда везде дозвонишься и со всеми поговоришь, сходи в банк.

–□Ну, банки точно по субботам закрыты.

–□Этот открыт. Он здесь, за углом, вот я тебе адрес написал, если заблудишься. Вот тебе деньги... – Я дал ей стопку купюр. – Тебе надо с их помощью пополнить вот этот карточный счёт, я здесь всё написал. Если будут вопросы – звони, мой телефон ты знаешь.

–□Сумма пополнения должна совпасть с той суммой, что ты мне дал? – игриво спросила Вербка.

–□Можешь на бо□льшую сумму пополнить.

–□А ты сам где будешь?

–□Мне надо кое-куда съездить, я потом вернусь, и мы пойдём пообедать.

Я поднялся, похлопал себя по карманам, проверив, ничего ли я не забыл, и пошёл к выходу.

–□Клёст?

–□Что?

–□А ты мне ключи дашь?

Вот чёрт!

–□Да, конечно. – Я залез в комод, достал связку ключей и снял ключ от входной двери. – На, держи. Извини, из головы вылетело. С непривычки.

Дверь открыла мама. Мы обнялись.

–□Сыно-ок, – ласково протянула она и начала причитать, сетуя на то, как редко я прихожу к ним в гости. Вот в такие минуты начинаешь жалеть, что не живёшь в другом городе.

–□Мам, я на прошлой неделе заходил.

–□Не обманывай. Ужасно давно тебя не видела!

Отец сидел на своём обычном месте, в кресле возле окна. На столе перед ним, как обычно, лежал гигантский цветной каталог, раскрытый на рулонах нихрома.

–□Привет, привет, – степенно произнёс он и привстал с кресла, чтобы пожать мне руку. – Как твои дела? Как одесситы?

–□Идиоты твои одесситы. В плохом смысле этого слова, прости. Я им кучу рекомендаций давал и сначала, и в прошлый приезд – они ничего не слушают. Я думаю, они себе отольют какую-то безумно дорогую болванку, расписанную, как Сикстинская капелла, с глубоким звуком гигантской кастрюли.

Отец грустно развёл руками:

–□Что ж, ты не можешь отвечать за решения заказчика. Увы, таков этот хлеб. Ты говоришь, тебе платят на это деньги, но слушать тебя или нет – решают другие люди.

–□Моя совесть чиста. Я хорошее заключение им написал.

–□Ну, – отец подумал и кивнул головой, – это главное.

–□Слушай, пап, у меня к тебе дело. Ты же ещё общаешься с этим... волшебником, который может определить состав сплава по образцу? Можно к нему обратиться с очередной просьбой? Я ещё его терпение не исчерпал?

–□А что такое? Что тебе нужно определить?

Я достал из кармана половину жетона и протянул отцу. Он аккуратно взял её, поднёс к свету и присмотрелся.

–□Да нечего тут определять, – сказал он и пару раз щёлкнул по жетону ногтем, – обычная латунь.

–□Меня смущает блеск. Я хочу знать, чем её легировали, есть ли там какие-то особенности, короче, всё, что он сможет сказать.

Отец покрутил жетон вправо-влево и кивнул головой:

–□Ладно, попрошу волшебника.

Он закрыл книгу перед собой и ещё раз внимательно посмотрел на жетон.

–□Знаешь что...

–□Что?

–□Не нравится мне это. Это ведь... как он там называется...

–□Это солдатский жетон времён Второй мировой войны, папа. Не переживай, тут всё легально и честно. Меня попросили кое-что выяснить, и всё. Раз уж у меня есть опыт...

–□Я бы предпочёл, чтобы у тебя не было этого опыта.

Отец сердито посопел, потом успокоился, встал, обнял меня за плечи, и мы пошли на кухню.

Мама уже накрыла на стол, причём похоже было, что они собираются принимать в гости футбольную команду, которая не ела три дня. С большим трудом мне удалось отбиться и убедить их, что у меня сегодня обед со специально приглашённым коллегой, который очень обидится, если я поем без него. Потом ещё пятнадцать минут ушло на объяснение, что это за коллеги могут быть мною специально приглашены и зачем. И ещё пять минут – чтобы объяснить, почему я не пригласил этого коллегу к ним, ведь они бы с удовольствием накормили нас обоих. Я искренне поблагодарил сам себя за то, что сразу повёл разговор о коллеге в мужском роде и мне не пришлось ещё полчаса объяснять, что это у меня за коллега-женщина.

Мы попили чаю с прекрасной маминой выпечкой, и я откланялся.

Верба выполнила оба задания с честью. Пока нам несли заказ, она вкратце описала мне свои телефонные злоключения. По её словам, ей пришлось пробить железобетонную оборону целого батальона медсестёр, прежде чем у неё всё-таки взяли номер мобильного телефона с обещанием передать его доктору Ключко. И уже через пять минут перезвонил доктор. Едва он услышал волшебное словосочетание, тут же предложил встретиться. Она договорилась на завтра, на одиннадцать утра.

–□Надеюсь, это не слишком рано? – спросила она лукаво.

Я сказал, что готов встречаться с доктором хоть ночью в бурю на краю земли.

Деньги она Хаиму перевела, в доказательство чего дала мне квитанцию о пополнении счёта. Я похвалил её и без паузы начал готовить Вербу к знакомству с моими друзьями. Мне

этот трюк всегда удавался с трудом, потому что практически невозможно объяснить неискущённому человеку, что одетые в рваные свитера небритые недоросли, матерящиеся через слово, на самом деле умнейшие люди с душой кристальной чистоты. Но Верба, похоже, была из искущённых.

—□ Нечего меня пугать своими друзьями, — сказала она уверенно, — у меня у самой такие друзья, что приснятся ночью — топором не отмахнешься. Я думаю, что ты дружишь с милыми и приятными людьми, и с удовольствием схожу с тобой к ним в гости.

Я успокоился и уже с некоторой иронией наблюдал дома за её предвечерними приготовлениями, не слишком, впрочем, интенсивными: подкрасилась, расчесалась и что-то совершенно неуловимое поменяла в гардеробе. Вот ещё одна вещь, от которой я уже успел отвыкнуть: эта женская одежная неуловимость. Вроде бы одета во всё то же самое — но выглядит как-то... *по-другому*. И всё тут. Я сказал ей какой-то дежурный комплимент, мы загрузились в такси и поехали.

Уже войдя в подъезд, я услышал обычный громогласный смех и голоса, пытавшиеся его перекричать. Я позвонил, и через несколько секунд Борода открыл мне дверь со словами:

—□ Правда, да? Клёст, подтверди. — И кивнул в сторону комнаты.

—□ Конечно, — сказал я и крикнул громче, чтобы в комнате было меня слышно: — Разумеется.

—□ А о чём речь? — переспросил я Бороду, снизив голос до шёпота.

—□ О ЧМЯКе, — так же тихо ответил мне Борода. — Я говорю, это был позор, а не футбол.

—□ А ты не прячься за чужие спины! — кричал из комнаты Кун.

Мы разделись и прошли внутрь.

Квартира, где мы всегда собирались, досталась Бороде по наследству, сам он жил в другом месте. Борода собирался эту квартиру продать, но для этого вроде бы надо было сделать здесь ремонт, а для этого надо было выделить деньги и время, и всё это было лень, в общем, квартира оставалась в своём первозданном виде. Сейчас уже редко увидишь такие советские интерьеры в домах у людей моложе сорока — комната со старыми, отклеивающимися обоями, туалет с крашеными стенами и, главное, чудовищно ностальгическая советская кухня с разваливающимся столом и табуретами, покрытыми уже выцветшей белой краской, эмалированной раковиной, советской газовой плитой и цветными ПХВ-плиточками на полу. Мы прошли в комнату, где вокруг стола, ломящегося от яств — салатов, блюда с окорочками и трёх бутылок текилы, стояли кровать, кресло и три стула.

—□ А тебя чемпионат чем не устраивает? — спросил Кун, когда мы вошли.

—□ Это был первый серьёзный удар по футболу, — сказал я, — от которого он так и не оправился.

—□ Вот-вот, — сказал Борода, входя на кухню вслед за нами, — футбол умер.

Все уже были в сборе. Очевидно, слухи о пятом размере распространились у нас дома быстрее, чем слухи о поисках мёртвых людей в Одессе.

—□ Футбол умер в две тысячи четвёртом, — поправил я Бороду и представил всем Вербу, а затем по очереди представил ей сидящих за столом. Все приветливо поздоровались, кроме Высокого, который буркнул что-то нечленораздельное.

—□ Как дитё? — спросил я его, пока Китюня рассуждала, что наконец-то она перестала быть здесь единственной особой женского пола, не считая настурции; кто-то рассказывал Вербе, что со мной нельзя связываться; Борода рассуждал о смерти футбола, а все присутствующие мужчины стоически боролись со взглядом, который притягивался магнитом пятого размера. — Какает?

Я смутно представлял себе, что такое маленькие дети, но точно знал, что самый важный вопрос — какает ли малыш.

—□ То какает, то не какает, — тоскливо ответил Высокий.

—□ А жена как? — спросил я.

—□ Тоже то какает, то не какает, — ответил он равнодушно и посмотрел на меня.

–□Что с ним? – спросил я Бороду.

Борода пожал плечами.

–□С женой поссорился?

– Не знаю, спроси его сам.

–□Что с тобой? – спросил я Высокого.

–□Жизнь – дерьмо, – сказал он, и я понял, что он всё-таки поссорился с женой.

–□Вот-вот, – сказал Кун, – давайте лучше выпьем.

Борода критиковал сборную Греции с её чудовищным антифутболом, а Кун прибавил громкости на магнитофоне, чтобы его заглушить.

–□Ты не затыкай оппонентам рот, – сказал я, – я вообще перестал смотреть футбол после победы Греции в финале.

–□Ну вот что это за снобизм? Вот этот вот, – Кун показал на Бороду, – мне всё время твердит про какие-то «футбольные страны» и «нефутбольные страны». Где он нашёл этот «футбольностраномер», который определяет, в какой стране можно проводить чемпионат мира, а в какой – нельзя?

Я пожал плечами:

–□Ты же смотрел игру Италии и Южной Кореи? Ты ведь это видел, верно?

–□Видел. Ну что, бывают хорошие игры, бывают лажовые игры. В этом вся суть! Без этого было бы неинтересно. Вот скажи, ты тоже, как этот придурок, не смотришь больше футбол?

–□Не смотрел действительно, – кивнул я, – с 2004-го и до этой весны. Потому что выяснилось, что на любой антифутбол может найтись свой антиантифутбол, что и показала нам сборная Украины, высадив греков из отбора.

Магнитофон заиграл первые аккорды «Work it out», а потом запел голосом Джо Эллиота.

–□Ой, выключи это, – сморщился Высокий.

–□Ты не любишь «Деф Леппард»? – поражённо спросил Чеги.

–□А за что их любить? За педерастическое это блеянье? «Посыпь меня-а сахарком». – Высокий не попадал в ноты, и строчка прозвучала действительно ужасно.

–□Ну хотя бы за офигенное название, – сказал Чеги.

–□Вот, кроме зачётного названия, у них ничего больше и нет.

–□Ты не прав, – сказал Борода Высокому, – у них полно отличных песен: «Make love like a man», «Action».

–□Лучшая песня «Деф Леппард» – «Now», – сказал Кун. – Семиотный гитарный переход от куплета к припеву в этой песне, по-моему, вообще один из лучших гитарных ходов в истории рок-н-ролла.

–□Лучшая песня «Деф Леппард» – «From the Inside», – сказал я, – только она почему-то малоизвестна, и ни в одном сборнике лучших песен её нет.

Чеги произнёс тост, мы выпили. На магнитофоне заиграла «Kickstart my heart».

–□Ой, выключи, – опять сморщился Высокий. – Ну что ты тут какое-то старпёрское дерьмо насобираешь...

–□А что тебе поставить? – зло спросил Борода. – «Рутс блади рутс»?

–□Борода, не слушай его, – сказал Кун, – отличная песня. В ней слышен треск шприца, пробивающего грудину.

–□Треск чего? – спросила Вербя.

–□О, Борода, твой выход, – сказал я, – среди нас есть человек, не знающий всех достоинств Никки Сикса.

–□Есть такая группа – «Мётли Крю» – вот это они играют сейчас, – начал Борода, – и у них есть басист, Никки Сикс. Отвязный малый. Однажды, кажется в восемьдесят седьмом, он кололся в гостиничном номере у Слэша из «Guns-n-Roses» – это, впрочем, тут совсем ни при чём. Слэш потом лет десять оправдывался и рассказывал, что он лежал в другой комнате пьяный в стельку и ко всему этому разврату не имеет отношения. Так вот, Сикс укололся,

расслабился и улетел. И улетел так далеко, что у него пошла пена изо рта и начались... как это по-русски... «лёгкий конвульсий». Какие-то парни, развлекавшиеся там вместе с Сиксом, пока Слэш спал где-то под столом, вызвали «Скорую», и «Скорая» приехала как раз в тот момент, когда сердце Никки Сикса остановилось.

—□Что, совсем? – спросила Верба.

—□Совсем. Совсемее некуда. Сикс умер. Но по совершенно дурацкому стечению обстоятельств оказалось, что один из врачей в «Скорой» был фанатом «Мётли Крю». Он попробовал было делать искусственное дыхание или, там, дефибрилляцию, но быстро понял, что кина не будет. Тогда он сказал что-то пафосное. Что именно – есть много разных версий, но приходится признать, что история об этом умалчивает. И, как это всегда бывает, когда человек ляпнет что-нибудь пафосное, в нём просыпается герой. Вот и наш врач почувствовал, что что-то такое в нём просыпается. И тогда он взял в руки шприц, полез в холодильник «Скорой», достал оттуда дозу адреналина, набрал его в шприц, а затем с размаха всадил его в грудь Никки Сиксу.

—□Как в «Криминальном чтиве»?

—□Почти. В «Криминальном чтиве» после этого Мия Уоллес встала и раскрыла глаза. А Никки Сикс не встал. Он был по-прежнему мёртв. Поэтому наш безымянный врач – герой дня – снова полез в холодильник, достал ещё одну дозу адреналина, набрал его в шприц и сделал Никки ещё один укол в сердце. И со второго раза сердце Никки Сикса забилося. Как в «Криминальном чтиве». После этого Сикс написал песню «Kickstart my heart» – «Запусти моё сердце». Вот она, сейчас играет.

Высокий к этому моменту уже разлил и теперь ждал, пока Борода закончит, чтобы сказать свой тост:

—□Давайте... давайте выпьем за водку.

—□Тогда уже лучше за текилу, – сказал Чеги.

—□Отличный тост, – сказала Китюня, – всё равно что прийти на день рождения без подарка и сказать «Лучший твой подарочек – это я».

—□Ну всё! Сами говорите себе тосты! – зло выбросил Высокий и выпил.

Китюня кинулась успокаивать Высокого, и все восприняли это как сигнал к тому, что надо пойти покурить.

Потом мы выпили ещё.

Потом Кун что-то колдовал с музыкой.

Потом Китюня пыталась вылезти на стол, чтобы станцевать, опрокинула две миски с салатом, и её еле удержали от того, чтоб она не развалила стол окончательно.

Потом мы выпили ещё.

Потом заиграл «Life is a lemon and I want my money back» Мит Лоуфа, и Высокий стал ко всем приставать с вопросом – не знают ли они, вернули ли всё-таки Мит Лоуфу деньги и где можно занять очередь на возврат.

Потом мы выпили ещё, и я оказался на балконе с Чеги, где он курил, а я – дышал свежим воздухом.

—□Ну, чего тебе надо было? – спросил он.

—□Штабная структура дивизии СС.

—□Блин, Клёст! Ты вернулся на коп!

—□Нет. Нет-нет-нет, Че, я никуда не вернулся. Просто у меня тут возник вопрос. Попросили кое-что выяснить, вот и всё.

—□Про дивизии СС? А как же твои эти... как их... колокола?

—□Колокола никуда не убегают, у них ног нет.

—□Слушай, а у меня есть человек, который говорит, что знает, где лежит ещё одно кольцо. Это верняк!

—□Че, никаких колец, никакого копа, никаких загадочных друзей. У меня просто один вопрос. Ты мне поможешь или нет?

—□Конечно, не вопрос. Что ты ищешь?

–□ Ты же изучал штабы, верно?
–□ Я их копал. Ну и читал немного, да. Иначе как же копать-то?
–□ Шестой отдел дивизионного штаба – это что?
–□ Чувак, не хочется тебя расстраивать, но с высокой степенью вероятности ты вступил в дерьмо. Именно этот вопрос – про шестой отдел – я ковырял отдельно и очень мало что нашёл.

–□ Да ну?
–□ Представь себе! Смотри. Структура штабов и штабные службы дивизий и всех более крупных соединений (корпусов, там, армий) в вермахте были стандартными. Так что в теории это должно быть легко. Но когда ты начинаешь искать информацию, то сразу же обнаруживаешь простой факт: в стандартном штабе пехотного подразделения до сорок третьего года было пять служб.

–□ Пять? Ты уверен?
–□ На сто процентов, друг мой. Во всех учебниках, пособиях и уставах говорится о пяти штабных службах. Первая – общевойсковая (1-а – операции, 1-бэ – тыл, 1-цэ – разведка); вторая – управление по делам личного состава, или адъютантская служба, что-то вроде отдела кадров; третья – суд, или юридическая служба; четвёртая – службы обеспечения (4-а – снабжение, 4-бэ – медсанчасть и так далее). Самой молодой службой вермахта была автоколонна – пятая служба. Армия моторизовалась довольно тяжело, есть много...

–□ Я знаю трогательные байки про Гудериана, – перебил я, – которому говорили, что его дело – овёс возить.

–□ Ну да. В общем, эта служба была хронологически последней и носила последний – пятый – номер.

–□ Во всех дивизиях?
–□ Во всех дивизиях вермахта. Но когда в тридцать девятом стали создавать войска СС, появилась шестая служба.

–□ Психологическая?
–□ Хм... как говорят немцы, вот здесь и лежит заяц в перце.
–□ В русском языке, Че, есть эта поговорка, только она про зарытую собаку.
–□ Про зарытую собаку может сказать любой дурак. А вот про зайца в перце – только красивый и умный молодой человек в полном расцвете сил. Такой, как я.

–□ Ты забыл сказать, что ты в меру упитанный. Так что это была за служба?
–□ Её постоянно по-разному называли. «Психологическая служба», насколько я понял, – эвфемизм, хотя не исключено, что какую-то работу по... скажем так... удовлетворению душевных потребностей солдат... эта служба выполняла. Но для этого в большей степени предназначалась служба 4-дэ – отдел духовенства. В каждом крупном подразделении было по два священника: католический и лютеранский.

–□ Че, мы не об этом.
–□ Да-да. Так вот шестой отдел был службой прежде всего политической. Вероятно, эсэсовцы копировали опыт Советской армии с их системой комиссаров, политруков и прочих уродов. Хотя напрямую никаких политических задач перед ней не ставилось... В общем, я довольно долго пытался найти какое-то военное обоснование появлению этой службы, но так и не отыскал ничего. И знаешь, что интересно?

–□ Что?
–□ Я не первый, кто не мог однозначно понять, для чего она нужна. Уже в то время от дивизии к дивизии, судя по всему, понимание задач шестого отдела существенно гуляло. В одном месте этот отдел занимался собиранием слухов. В другом – воспитательной работой в войсках или вообще обучением и тренировками. В третьем – связями с местным населением. И так далее.

–□ Короче, такие военные проститутки?
–□ Я бы с тобой согласился, если бы не знал, что такое Третий рейх. Я никогда в жизни

не предположу, что в элитных подразделениях армии фашистской Германии существовал отдел, который туда приделали «для красоты» и который начальники штабов могли использовать там, где им было удобно.

—□То есть ты думаешь, у них у всех была какая-то общая функция, о которой никто не догадывался?

—□В точку.

—□И какая?

Чеги последний раз затянулся и запустил окурком в урну под окном.

—□Если бы я это знал, Клёст, я бы наверняка уже защитил диссертацию, заработал бы кучу денег на разоблачительных псевдоисторических книгах, уехал жить в Лондон и не курил бы сейчас здесь на этом чудовищном балконе, который Борода отремонтирует только в следующем тысячелетии.

—□Гипотезы же у тебя какие-то есть?..

—□Конечно, Клестяра, у меня полно гипотез. Например, что НСДАП установило контакт с зелёными человечками и в шестом отделе работали техники, отвечавшие за связь с альфа Центавра.

—□Да ну тебя!

—□А зачем они тебе-то понадобились?

—□Человек... хм, которого мне надо отыскать... служил начальником шестого отдела штаба дивизии СС «Дас Райх». Ганс Брейгель, не слышал про такого?

Чеги задумался, потом покачал головой:

—□Не... нет, не слышал. И даже если бы и слышал — в вермахте могли быть сотни Гансов Брейгелей. Брейгель — фламандская фамилия, распространённая на западе Германии, а Ганс — вообще одно из самых распространённых немецких имён. И если он служил в шестом отделе, то искать тебе его будет сложно — об этих парнях сохранилось очень мало сведений. Что-то ещё можно найти, если человека переводили из шестого отдела, такое часто бывало после срыва «Барбаросса». Начальников штабных служб отправляли командовать батальонами или руководить снабжением.

—□Не тот случай.

—□Тогда сочувствую. Чем-нибудь ещё могу помочь?

—□Эта шестая служба... она была только в войсках СС?

—□Да, только Ваффен-СС. До 1943 года. Дальше Гитлера накрыло окончательно, и он решил поднимать боевой дух войск. Тогда появились знаменитые НСФО — Националсоциалистишен Фюрунгсофицере, детище Рейнике и Бормана, но это были чистые политруки, никакой загадки. Их тоже во внутренней кодировке часто обозначали шестым номером штабной структуры, хотя полагалось писать просто НСФО. В войсках их жутко ненавидели! Про них всё известно довольно хорошо, если хочешь, я тебе целую лекцию прочту.

—□Боюсь, Че, — грустно сказал я, — она мне не поможет.

В этот момент Кун с Китюней вышли курить, и мы пошли в квартиру, чтоб оставить их одних.

Высокий уже сидел, обняв Вербу одной рукой за плечи, а другую уперев локтем в стол и сложив пальцы на ней щепоткой. Этой щепоткой он тряс перед лицом Вербы, патетически вопрошая:

—□Вот ты мне скажи, где брать новые впечатления? Как разнообразить семейную жизнь?.. Ты знаешь?!

—□Конечно, — спокойно отвечала Верба. — Чего ты сразу ко мне с этим вопросом не пришёл?

—□И как?

—□Назови жену в постели чужим именем — и всё, скуку как рукой снимет. Я тебе гарантирую — ты разнообразишь свою жизнь на все сто! Такого количества новых впечатлений у тебя никогда ещё не было!

Вообще, Верба удивительно легко вписалась в этот бордель. Хотя она была единственным новым человеком здесь, вокруг неё не возникало никакого напряжения. Она молчала, когда хотела, – и это не выглядело смущением, или говорила, когда хотела, – и все её слушали.

Высокий в конце концов выключил магнитофон, нашёл какую-то ненавязчивую радиостанцию и перевёл разговор на трудности с маленькими детьми. Нет, он, конечно, любит своего сынишку, но иногда тот его просто из себя выводит. Верба выслушала его стенания и в ответ начала рассказывать Высокому о романе, который ей недавно прислал один из авторов. В этом романе рассказывалось о всемирном заговоре младенцев. Пользуясь тем, что никто из взрослых людей не понимает младенческого языка, они учредили тайный орден и объединились для того, чтобы сделать всех взрослых своими рабами. А потом стереть им память, чтоб они не пытались от этого рабства освободиться.

–□ Да-да, – сказал Высокий, – я давно что-то подобное подозревал...

–□ Знаешь, это забавно вот так, в пересказе, а в романе тональность убойно серьёзная. Такое впечатление, что писал настоящий параноик, который уверен, что так всё на самом деле и обстоит.

–□ Подожди, – сказал вдруг Высокий, – так а зачем же им всё это нужно? Их и так все обслуживают, кормят, зады им подтирают...

–□ А кто тебе сказал, что наш мир – это то, откуда они начали? Как раз наша с вами реальность – это и есть результат их заговора.

Все с серьёзными лицами посмотрели друг на друга. Я понял, что мы уже порядком пьяны. Значит, сейчас начнутся поиски вечного двигателя. В прошлый раз перед уходом домой Высокий рассчитал, сколько оленей нужно Санта-Клаусу, чтобы доставить подарки всем детям на Земле в возрасте от одного до шестнадцати лет. Двадцать четыре миллиона оленей, если вам интересно.

По радио заиграли «Ресницы» «Братьев Грим».

–□ Это с какой же скоростью, – спросил вдруг Кун, подтвердив мои опасения, – надо хлопнуть ресницами, чтоб взлететь?

–□ Ууу, – развёл руками Борода, – это надо реактивную тягу рассчитывать. Ты помнишь аэродинамику-то вообще?

–□ По-моему, это мудрёно, – сказала Верба.

–□ Вам, гуманитариям, не понять, – сказал Борода.

–□ Вообще-то я не совсем гуманитарий.

–□ Да?

–□ Я окончила физический факультет Одесского университета. По специальности «Астрономия».

–□ А что, есть такая специальность?

–□ Ну... университет такой точно есть.

–□ А как тебя тогда в журналисты занесло? – спросил я.

–□ А, не спрашивай, – махнула Верба рукой, – бурная молодость.

–□ И как бы ты рассчитывала подъёмную силу ресниц?

–□ Ресницы машут, двигаясь сначала в одну сторону, потом в другую, то есть работают дискретно, пульсируя. Я бы рассчитала импульс одного взмаха, а потом считала бы, сколько их понадобится, чтоб оторвать тело от земли.

Секунду все обдумывали это предложение, после чего Кун потянулся за бумагой и ручкой.

–□ Слушай, ну каждый импульс рассчитывать смысла нет, но логика этого метода проще. Масса человека, который взлетает, – это, я так понимаю, девушка – килограмм пятьдесят, «жэ» с утра было девять и восемь, ну, округлим до десяти, всё равно порядок ищем. Импульс тогда будет рассчитываться через массу загребаемого воздуха.

–□ Это если допустить, что ресницы вниз гребут, как стальной ковш, а вверх идут такие расслабленные-расслабленные. Потому что иначе она не взлетит никуда.

—□ Она и так не взлетит никуда, — скептически сказал Высокий.

—□ Не мешай! — оборвал его Кун. — Площадь ресниц... ну пусть два квадратных сантиметра, по одному на глаз, а амплитуда... ну пусть тоже один сантиметр. Плотность воздуха кто-нибудь помнит?

—□ Один и два вроде, — сказал я.

—□ Один и два килограмма на метр кубический... всем остальным, я думаю, можем пренебречь... Имеем: импульс, который ресницы сообщают воздуху, а значит, и телу в обратном направлении, выливается в силу, с которой они действуют на тело, помноженную на время взмаха, то есть $Ft = mV$, следовательно, $Ft = ml/t$, или $t^2 = ml/F$, где l — расстояние, которое проходят ресницы за один взмах, m — масса воздуха, который загребается ресницами, а F должна уравновесить силу притяжения. На тело действует $F = Mg$, где M — масса девушки. В свою очередь, масса воздуха может быть рассчитана из плотности и объёма загребаемого воздуха: $m = \beta V = \beta Sl$, где β — плотность воздуха, а S — площадь ресниц. Итого: t равно корню из $\beta Sl^2/Mg$, то есть из... $1,2 \cdot 0,0002 \cdot 0,01 \cdot 0,01/50 \cdot 10$, то есть из 48 умножить на 10 в минус двенадцатой степени, или 6,9 умножить на 10 в минус шестой степени секунд... Таким образом, чтобы оторваться от земли, за одну секунду она должна будет делать $1/t$... — Он достал мобильный и открыл калькулятор. — ...Сто сорок две тысячи восемьсот пятьдесят семь взмахов. Конечно, погрешность здесь порядковая, так что пусть будет 150 000 взмахов в секунду.

—□ Вот это пропеллер!

—□ Как я и говорил, — опять вставил Высокий, — никуда она не полетит. Если она с такой скоростью начнёт моргать, она с размаху упадёт на спину и разобьёт голову о камни.

—□ Ну да, лучше уж махать ушами, — сказал я, — по крайней мере, они расположены по сторонам головы и будут сообщать телу импульс вертикального подъёма.

—□ Ну, ушами с такой скоростью махать не легче, чем ресницами.

—□ Вам, я смотрю, совсем заняться нечем? — весело спросила Верба.

—□ Да, это так... — махнул рукой Борода. — Мы тут и правда все бездельники. Ну, кроме Китюни, она одна здесь — труженица с постоянным местом работы и месячным окладом.

—□ А вы что, все копатели?

—□ Нет, что ты, — сказал Борода, — копают тут только Клёст и Че Гевара, все остальные подбирают то, что плохо лежит.

Диджей по радио объявил новый хит группы «Pussycat dolls».

—□ Как-как? — переспросил Кун у радиоприёмника.

—□ «Пуссикэт доллз», — сказала Китюня.

—□ Это что, название такое? «Пуссикэт доллз»?

—□ Да, так группа называется, — сказал ему кто-то. — Гёрл-бэнд.

—□ Да понятно, что не бой-бэнд.

—□ А мы уже старпёры, верно? Сидим тут, рассуждаем про «Деф Леппард». А тем временем приходят молодые, которые не понимают, что изображено на иконке «сохранить» в виндоуз, потому что никогда не видели трёхдюймовой дискеты. Нам таких названий гёрл-бэндов уже не понять...

—□ Да что тут понимать! Отличное название! Только всё-таки присутствует ещё некоторая недосказанность. «Пуссикэт доллз», «Вет биверз». Кто-то ведь может подумать, что это в мире животных, а вовсе не то, что надо. Я бы не выпендривался, а назвал группу, скажем, «Хангри анус». Тут второго понимания быть не может.

—□ Лучше уж так — «Даю в ж...». Сразу и честно.

—□ Или вот — «Отсосу за еду». Тоже отличное название для гёрл-бэнда.

Борода достал телефон и стал набирать телефон службы такси со словами:

—□ Всё, начиная с прозвучавшего тут слова «отсосу», официально объявляю вечер закрытым. Последний раз, когда это слово прозвучало... в общем, ничего хорошего не случилось.

—□ Что, не отсосали? — сочувственно спросила Верба.

Такси приехало на удивление быстро, и уже через пятнадцать минут мы с Вербой выгрузились у меня под балконом. Она слегка пошатывалась, но шла уверенно и говорила ясно: всё время, пока мы поднимались, она рассуждала о том, до какой степени украинцы – чёткая нация. Мы так любим ставить точки над «і», что над некоторыми ставим сразу по две. У неё горели щеки, и волосы свободно летали в воздухе при каждом повороте головы. Она была красива.

Дома я разделся, умылся, заняв ванную раньше Вербы, затем прошёлся к холодильнику и внимательно посмотрел на «Ardbeg». Хм... Не сегодня. На сегодня мне уже хватит.

Я включил компьютер и проверил почту.

В ящике лежало письмо от Хаима.

Вам когда-нибудь снился этот человек?

«Hallo, mein Freund.

Wir mit Martha sind bereits in Berlin.

Es ist gut hier, das Brandenburger Tor, der Reichstag und das leckere Eis. Aber wir haben das alle schon dreihundert Mal gesehen, also haben wir uns Bier und Chips gekauft und sitzen nun in einem Hotelzimmer, gucken Bundesliga. Auf jeden Fall ist alles bis Montag geschlossen.

Bier ist ziemlich schlecht hier – viel schlimmer, als bei uns in Bayern. Ich wuerde aber kein Bier durch die Hälfte des Landes zieehn, um mir Bundesliga anzusehen!

Ich werde morgen noch etwas überprüfen, ich habe ein Treffen. Vielleicht gibt es Neuigkeiten.

Schreibe mir,

Chaim»⁴.

«У меня тоже завтра встреча, – подумал я, – и, может быть, будут новости».

«Hallo, Chaim.

Ich habe mich schon davon entwöhnt, einen Brief von dir jeden Tag zu erhalten.

Nach Bier komm zu mir, ich werde dich mit unserem berühmten, lebendigen aufblöten. Mit einem, das noch läuft.

Für jede Nachricht werde ich dir dankbar.

Kreuzschnabel»⁵.

Я потянулся и пошёл в туалет. На ощупь дошёл до дверей, включил свет и закрыл глаза рукой на несколько секунд.

Надо предложить кому-нибудь рационализаторскую идею, способную озолотить того, кто её воплотит. Сделать специальные лампочки и реле с таймером на переключателе для ванной и туалета, которые имели бы два режима: дневной и ночной. Дневной работал бы по умолчанию с 6 утра до 12 ночи, а ночной – всё оставшееся время. В ночном режиме, в

⁴ «Привет, друг.

Мы с Мартой уже в Берлине. Тут хорошо, Бранденбургские ворота, Рейхстаг и вкусное мороженое. Но мы всё это уже триста раз видели, так что сейчас закупили себе пива и чипсов и сидим в гостиничном номере, смотрим Бундес-лигу. Всё равно всё закрыто до понедельника.

Пиво тут скверное – куда хуже, чем у нас в Баварии. Но не буду же я тащить через полстраны пиво, чтоб Бундес-лигу посмотреть!

Я завтра ещё проверю кое-что, у меня есть одна встреча. Может быть, будут новости.

Пиши,

Хаим».

⁵ «Привет, Хаим.

Я уже отвык от тебя каждый день письма получать.

За пивом приезжай ко мне, я тебя напою нашим знаменитым, живым. Ну, тем, которое ещё бежит.

За любые новости буду благодарен.

Клёт»

случае, если вы встали в темноте отлить и включили свет в туалете, он включался бы на 20-ваттную мощность и не бил бы, зараза, по глазам, как последняя сволочь, ослепляя тебя на время обратной дороги до постели.

Я вернулся, включил копировальный аппарат и полез в шкаф за книгами. Обложившись фолиантами, я занялся методичным изучением сорок третьего года в судьбе солдат второй дивизии СС. Чтобы представлять себе, под каким кустом сейчас может лежать Брейгель, я должен свободно ориентироваться в теме.

Я просмотрел карты боёв, штатные расписания и списки потерь, воспоминания солдат и офицеров. С интересных и важных моментов снимал копии – передо мной быстро выросла довольно объёмная стопка бумаги. Одновременно я сверялся с доступными в Интернете источниками и моей электронной базой, отчётливо понимая, что сквозь выпитую текилу делать это всё сложнее и сложнее. Но мне было не впервой.

О Брейгеле не было практически ничего. Только упоминания в общих списках и справочные данные. В списке пропавших за год. Даты нет. Места нет. Над очередной книгой я незаметно заснул и проснулся почти через час из-за того, что сполз со стула.

Я выключил компьютер, кое-как стянул с себя одежду, забрался в постель и отрубился. Меня разбудил звон будильника.

Сквозь сон я сначала попытался нащупать его рукой, чтобы выключить, потом сообразил, что я не ставил себе будильник, и удивлённо продрал глаза. Надо мной возвышалась Верба, одетая, причёсанная и накрашенная, с моим походным будильником в руке.

–□А, ты уже проснулся? – весело сказала она. – Вот и хорошо. Как раз чайник закипает. Тебе чай или кофе?

–□Это что за шутки? – зло спросил я.

–□Ну, ты спал-спал... откуда я знала, может, ты до вечера дрыхнуть будешь? Как мне тебя будить? Пением? А тут у тебя будильник как раз стоял...

–□Ладно, – я прокашлялся, – сейчас встану. Мне чай.

–□Отлично. – Она кивнула головой и вышла.

Я напялил джинсы, прошёлся в ванную и залез под душ. Вчерашний алкоголь выветривался с боем, но после контрастного душа и крепкого чая голова прояснилась достаточно, чтобы я мог сесть за руль.

Я попросил ещё одну чашку чаю, Верба налила. На столе стояли невесть откуда появившиеся бублики и печенье. Вместе с женщиной в дом возвращаются какие-то мелкие ништяки, которых в холостяцких квартирах не бывает ни-ког-да.

–□Так кто ты, говоришь, астролог?

–□Астроном, да, – улыбнулась она, – только не надо опять спрашивать, как меня в журналисты занесло, я тебе вчера целый час рассказывала, а ты не слушал.

–□Ты на мой вопрос ответила, что у тебя была бурная молодость. И всё. Я провалами в памяти не страдаю, даже если очень сильно напиваюсь.

–□Чёрт, не прокатило... – Она досадливо покачала головой, но тут же оживилась. – Слушай, а я вот хотела у тебя спросить: вас, кампанологов, где учат?

–□«Кампанолог» – это просто слово. По образованию я металлург. Технолог литейного производства.

–□Ух ты! Настоящий? Я тебе сейчас кое в чём признаюсь. Вот мне всю жизнь было интересно – как люди становятся металлургами? То есть вот как психически здоровый человек, находясь в трезвом уме и ясном рассудке, может взять свой аттестат о полном среднем образовании и отдать его куда-нибудь... на кафедру чёрных металлов?!

–□Я-то учился на кафедре цветных металлов. Моя специализация – художественное литьё. Хотя, конечно, чёрные металлы нам тоже преподавали.

–□И всё-таки? Что вообще может заставить человека стать ди-пло-ми-ро-ван-ным металлургом? Я не знаю, для меня это звучит как... ну как... «доброволец срочной службы», например. Оксюморон.

–□ Ты несправедлива. Большинство людей, конечно, приходит в такие специальности от конформизма. Вокруг заводы, все друзья пошли в «металл» учиться, ну и я тоже пойду. Но есть масса людей, которым это действительно нравится.

–□ Что, металлургия? – поражённо спросила Верба.

–□ Именно металлургия, представь себе.

–□ А чем она может нравиться?

–□ Ну... – Я задумчиво посмотрел на стену, потом в окно. – Мало ли чем. Металлургия – это магия.

–□ Магия?

–□ Да, самая настоящая магия.

–□ И что же в ней магического?

–□ Вот, например... есть такой металл – медь. Мягкий, легкоплавкий, упругий. Есть другой металл – скажем, олово. Тоже мягкий и упругий. Но если медь смешать с оловом в определённой пропорции – скажем, шестьдесят пять на тридцать пять, то получится совершенно другой металл, твёрдый и хрупкий. Причём, если увеличить в нём долю меди, металл станет мягче, и то же самое произойдёт, если увеличить долю олова.

–□ Это колокольная бронза?

–□ Скажешь тоже! Если из такой бронзы отлить колокол, он треснет при первом ударе. Колокольная бронза – восемьдесят на двадцать, хотя лучше даже семьдесят восемь на двадцать, и два процента ещё добавить всяких легирующих штук. Колокол прочней получается, да и звук можно сделать лучше.

–□ И из-за этого ты пошёл в металлургии? Из-за этой магии?

–□ Нет. Я всегда мечтал быть историком. Но у меня не было выбора.

–□ Так-таки и не было?

–□ Не было. У меня отец – литейщик от бога, и ему всегда казалось, что это у него в крови. А раз это у него в крови – значит, и у меня в крови. Так что после школы мне была одна дорога.

–□ Зато выбор появился потом, да? – ехидно спросила Верба.

–□ Когда я был на третьем курсе, к нам прямо на ленту зашли два парня и стали спрашивать, кто им может помочь определить кое-что, связанное... «со старыми металлическими изделиями». Я пожал плечами и сказал, что могу попробовать. И тогда один из них достал из сумки простреленную солдатскую каску. И всё. Я понял, в чём моё призвание.

–□ Лучше поздно, чем никогда.

–□ Да уж лучше бы никогда, честно говоря.

–□ Ты так рассуждаешь, как будто наверняка знаешь, что было бы, если бы эти парни не пришли тогда к вам. Может, ты вышел бы на улицу в этот день и тебя сбила бы машина?

–□ Такая вероятность в любом случае есть. Меня и сегодня может сбить машина. Я сравниваю то, что случилось, с возможностью того, что это не случилось. И второй вариант мне больше нравится.

–□ Так я тебе об этом и говорю! Сравнить надо то, что случилось, с тем, что случилось бы в противном случае. Вот сидишь такой молодой ты на парах в институте. Тоскуешь. Мечтаешь стать историком. Но твой отец считает, что тебе нужно быть литейщиком, и вот ты здесь. Как ты думаешь, если сейчас не зайдут подозрительные парни с каской в сумке – как сложится твоя жизнь? Ты станешь литейщиком, примешь свою судьбу и будешь заниматься своими колоколами, да? И ничего не попытаешься поменять? Никуда не рванёшь, не попробуешь чего-то другого?

Она ждала ответа, и мне ничего не оставалось, как покачать головой:

–□ Нет, пожалуй. Ты права. Я бы всё равно что-то придумал. Скорее всего, рано или поздно, я нашёл бы копателей. Слишком уж коп похож на то, чем я всё детство мечтал заниматься.

–□ Вот видишь. И ты не знаешь, где твои дела сложились бы лучше – в этом варианте

или в том, которого не произошло. Судьба слишком непредсказуема.

Я посмотрел на запястье и сообразил, что часы остались в комнате.

—□ А сколько времени, кстати?

—□ Четверть одиннадцатого, — сказала Верба.

—□ У-у, нам пора собираться. Туда ещё добраться нужно.

—□ Это что, далеко?

—□ Не очень, но я там раньше ни разу не был.

Областной психоневрологический диспансер, расположенный на выселках посреди частного сектора, представлял собой забор, уходящий в обе стороны за горизонт, и огромное здание главного корпуса прямо по центру перед воротами. Охранник на пропускном пункте начал рассказывать, что въезд на автомобилях разрешён только для персонала, но за две гривны вопрос был решён.

Я припарковался перед входом в главный корпус, и мы прошли вовнутрь. Навстречу нам выбежала медсестра.

—□ Это вы? Это вы, да? А Николай Сергеевич вас ждёт уже. Он у себя, наверху. Давайте я вам помогу...

Она чуть ли не насильно стянула с меня куртку и окинула взглядом Вербу, которая была в тёплом свитере без верхней одежды.

—□ Вам жарко будет, — сказала она, — там натоплено.

—□ Ничего, — холодно ответила Верба, — я потерплю.

—□ Как знаете, — пожала плечами медсестра и стремглав понеслась вперёд, куда-то неувликимым движением спрятав мою куртку по дороге.

Мы старались не отставать, хотя угнаться за ней было непросто. Втроем мы пронеслись по коридору, поднялись по лестнице, пересекли какой-то зал, затем опять поднялись по лестнице, снова пронеслись по коридору и опять поднялись по лестнице. Я давно уже потерялся в этом чудовищном здании и начал было подозревать, не издевается ли над нами попросту медсестра, как она остановилась и сказала:

—□ Вам сюда.

Она повернула ручку и распахнула перед нами дверь, отступив в сторону.

Кабинет, в который мы вошли, в общем, ничем не отличался от десятков врачебных кабинетов, в которых мне доводилось бывать до того. Только в качестве главного медицинского объекта, каковым, например, у стоматолога является зубо-врачебное кресло, здесь была огромная — в полтора размера больше натуральной — пластиковая голова с лицом и открытым головным мозгом, раскрашенным в разные цвета и поделенным на зоны, помеченные какими-то циферками и надписями на латыни. Голова стояла на приставной части Т-образного стола, за основной частью которого сидел доктор в очках и белом халате.

—□ Добрый день, — сказал он и встал со своего места, чтобы поприветствовать нас.

Мы поздоровались, представились и расселись.

—□ Вы спрашивали... насчёт... — Доктор явно помнил, о чём речь, но не решался произнести вслух.

—□ Насчёт тростниковых волков, — кивнул я. — Мы пытались искать информацию о тростниковых волках и нашли в Интернете ваше имя.

—□ Насчёт тростниковых волков... — неспешно повторил за мной доктор. — А зачем вам информация о тростниковых волках? Где вы вообще о них слышали?

—□ Ну, собственно, мы ничего о них не слышали, потому-то мы и здесь. В общем, меня попросили отыскать одного человека. Пропавшего человека. — Я решил не вдаваться в подробности. — Пытаясь найти его след, от одного из его знакомых мы узнали, что этот человек говорил о тростниковых волках. Вот и всё.

—□ А что он о них говорил?

—□ Он увидел своего друга после долгой разлуки и сказал: «Я уж было думал, что тебя съели тростниковые волки». Так, кажется.

—□ Да-да... — Доктор погрузился в свои мысли, затем снова посмотрел на нас. — А...

этот человек... которого вы ищете... он кто?

—□ Ну как «кто»?.. Человек. Обычный человек.

—□ Обычный?

Я понял, что так мы будем толкаться на месте до завтрашнего утра.

—□ Послушайте, Николай Сергеевич. Есть вещи, которые я могу вам рассказать, а есть вещи, которые я вам рассказать не могу. Мы ищем девушку по просьбе ее отца, она пропала без вести. Я не могу сказать, что она — обычный человек, но и чего-то совсем уж... необычного я пока тоже не нашёл. Откровенно говоря, мы очень мало пока продвинулись в наших поисках. Но вот мы слышали, что эта девушка говорила о тростниковых волках, затем попытались понять, что это такое, — и нашли вас. Мы бы очень хотели, чтобы вы рассказали нам всё, что знаете, или, по крайней мере, всё, что можете рассказать. Любая помощь будет для нас ценна. Но если вы не хотите или не можете нам помочь — что ж, мы тогда пойдём. Будем искать дальше.

Клочко посмотрел на меня, затем на Вербу.

—□ Видите ли... — неуверенно начал он, — нет, я не хочу, чтоб вы ушли. Я просто сам очень хочу узнать как можно больше. Понимаете, вот я сижу тут, за этим столом, и собираю информацию... по крупицам... И вдруг мне звонят люди и говорят, что хотят со мной встретиться и поговорить... насчёт тростниковых волков... Вы ведь понимаете, что это для меня значит, да? Я хотел бы сначала узнать всё, что известно вам, но и сам я, конечно, расскажу вам всё, что знаю.

—□ Нам, собственно, практически ничего не известно. Я ведь сказал, мы очень мало пока продвинулись. Если хотите, мы можем договориться с вами. О том, что после того, как мы завершим наши поиски, я подготовлю для вас специальный отчёт, где изложу абсолютно всё, что мы узнаем о тростниковых волках или... о чём-то, что ещё может быть с ними связано. Но чтобы наша работа увенчалась успехом, нам очень не помешала бы ваша помощь сейчас.

Доктор подумал секунду, затем кивнул:

—□ Что ж, давайте так. Я сообщу вам всё, что знаю, а вы мне затем расскажете о том, что вам удастся найти.

Он ещё секунду подумал, потом кивнул головой и повернулся к стопке папок, сложенных на антресолях у него за спиной. Затем достал одну из них и положил на стол перед собой. Он поднял глаза и внимательно посмотрел на меня, на Вербу и снова на меня.

—□ Седьмого сентября 1991 года, — начал Клочко, — я очень хорошо помню эту дату — так вот, седьмого сентября 1991 года шёл жуткий дождь. Я никогда такого не видел — ни до, ни после этого дня. В обед небо было ясным, но вечером вдруг неожиданно набежали тучи, и в один миг небо разверзлось. Это был чудовищный, невообразимый ливень. Я был тогда молодым врачом, амбициозным, энергичным и тщеславным. Я работал в клинике, занимался научной работой, поддерживал связи с коллегами по всей стране и за рубежом. В то время страна — я имею в виду СССР — уже трещала по швам, но мне тогда было всё равно. Для меня ничего не существовало, кроме психиатрии. Я писал диссертацию по метаалкогольным психозам и старался рассмотреть как можно больше случаев. Каждого больного с подозрением на алкоголизм у нас в клинике осматривал я. Я обзвонил едва ли не все больницы города, и, если им попадались пациенты с интересующими меня симптомами, мне сообщали. В нашей больнице я дал всем медсёстрам чёткое указание — если кого-то доставляют с симптомами алкогольного делирия или абстиненции, даже посреди ночи — а посреди ночи, должен вам сказать, в психиатрическую клинику редко привозят трезвых больных, — немедленно звонить мне. Я всегда первым осматривал таких пациентов, изучал каждый симптом, каждую деталь анамнеза. Я проделал тогда довольно приличную работу, мою диссертацию потом... впрочем, это к делу не имеет отношения.

Так вот, седьмого сентября 1991 года, посреди ночи, у меня зазвонил телефон. Звонила дежурная медсестра. Она сказала, что к ним только что доставлен пациент и что она хочет, чтоб я при— ехал и посмотрел на него. Вечером я еле добрался до дома — из-за ливня весь

городской транспорт оказался почти парализован. Дождь всё не стихал, ехать назад очень не хотелось, но медсестра была напугана, и я решил, что чёрт с ним, поеду посмотрю. Помню, такси не хотело приезжать, а когда машина нашлась, у нас ушла вечность, чтоб «доплыть» до клиники... Ну, в конце концов я добрался – мокрый до нитки и злой. Но моя злоба, да и любые другие эмоции улетучились, едва я увидел доставленного пациента.

Это было удивительное зрелище. Сразу же было понятно, что никаких симптомов алкоголизма у пациента нет. Но те симптомы, что у него были, не укладывались в клиническую картину ни одного из известных мне заболеваний. У него было импульсивное кататоническое возбуждение с преобладанием...

–□ Доктор, а хотите я расскажу вам, чем мартен от домны отличается? – перебил его я. – Это очень просто, домна – печь шахтного типа, а мартен – отражательного...

–□ Да-да, я понял. Я постараюсь выразиться понятнее. – Доктор помолчал несколько секунд, выдохнул и начал заново: – В медицине есть всего несколько психиатрических симптомов, которые человек не может подделать. В судебной психиатрии по ним сразу определяют истинность заболевания. И один из них – кататония. Это своеобразные расстройства моторики – ступор или агрессивные хаотические движения, – которые, как правило, сопровождаются помрачением сознания. Многие из кататонических элементов здоровый человек неспособен воссоздать. Например, в кататоническом ступоре человек может лежать с головой на подушке, и, если вытащить подушку, голова останется в воздухе – на пять минут, тридцать минут, час, день, столько, сколько длится ступор. Так вот, у этого больного было множество таких симптомов. Всё его тело функционировало в каком-то... не знаю... в каком-то непонятном режиме. И у него были расфокусированы глаза.

–□ Расфокусированы?

–□ Да, это ещё один симптом, который взрослый здоровый человек воссоздать не может. У маленьких детей – совсем младенцев – бывают расфокусированы глаза, когда один глаз смотрит в одну сторону, а другой – в другую, как... как у хамелеонов, если вы их когда-нибудь видели. Так вот, у этого больного один глаз смотрел прямо перед собой и практически не двигался, а второй всё время... ходил по кругу... представляете себе?.. Сначала он издавал то мычащие, то рычащие звуки, хотя, как вскоре выяснилось, речь у него была вполне сохранна. Его нашёл наряд милиции – он лежал посреди улицы, одетый в тряпье. Личность его установить не смогли, его привезли в отделение, но, испугавшись его странного поведения, немедленно отвезли в клинику. В отделении милиции больной произнес: «Свечи янтарный мавзолей», но позднее не мог вспомнить этих слов, и мне так и не удалось понять их значение. Когда я разговаривал его в больничной палате, он начал рассказывать о том, что был конвоирован кем-то и что конвоиры его потеряли. При этом почти на все вопросы он отвечал, что у него нет слов, чтобы объяснить, что он имеет в виду. Он постоянно повторял, что его потеряли, что его найдут, что за ним вернутся, – его внимание больше ни на что нельзя было отвлечь.

Большая часть кататонических симптомов пропала или заметно поубавилась уже через несколько дней. Проявлявшаяся в начале метаморфопсия тоже пошла на убыль. Я было начал подозревать, что они были вызваны воздействием внешних агентов – например, что больной пережил сильный удар током. Но мы провели целый ряд обследований, и эта версия не подтвердилась.

Больше двух месяцев ушло на то, чтобы больной окончательно успокоился и начал нормально отвечать на все вопросы. Мышление у него было вполне сохранено, однако отчётливо наблюдался парафренный бред, проявлявший удивительную устойчивость. Несмотря на то что уже длительное время за больным никто не приходил, он продолжал утверждать, что рано или поздно за ним придут.

–□ Кто придёт? – спросил я.

–□ Удивительно точный вопрос, молодой человек. Именно его я задавал больному несколько сотен раз, и получал в ответ только аффективную реакцию. Но через год пребывания в клинике больной сообщил, кто его преследователи. Он назвал их

корректорами.

–□Корректорами?

–□Именно так. Корректоры конвоировали его откуда-то куда-то, потеряли его и обязательно вернутся за ним в будущем. Я процитирую вам, если вы не против... – Ключко открыл лежащую на столе папку и стал перелистывать исписанные мелким почерком страницы. – Так... где же это... а, вот! «В» здесь означает «врач», «П» – «пациент».

В.: А откуда и куда вас конвоировали?

П.: Нет слов.

В.: Нет слов в вашем словарном запасе? Вы же сумели в конце концов найти слово, чтобы сказать, кто именно вас конвоировал?

П.: Нет, слов нет. Их нет в вашем языке. Я не сумел найти слова. Я просто выбрал самое близкое из тех, что были.

В.: «Корректор» – это самое близкое слово из тех, что есть в нашем языке?

П.: Да.

В.: Ну тогда, может быть, вы найдёте слова для того, чтобы сказать, откуда и куда вас конвоировали? Подберите самое близкое слово?

П.: (После некоторой паузы.) Из одного мира в другой мир.

В.: Что вы подразумеваете под словом «мир»?

П.: Я ничего не подразумеваю.

В.: Вы же только что сказали «из одного мира в другой мир»?

П.: Я сказал это потому, что вы просили подобрать самое близкое слово из тех, что есть в языке. Я подобрал. Но я ничего не подразумеваю. Потому что это слово не совпадает с тем, что я имею в виду. Это просто самое близкое слово из тех, что есть в вашем языке.

В.: Почему вы всё время говорите «в вашем языке»? Это же и ваш язык тоже?

П.: Нет, это не мой язык.

В.: Но вы на нём разговариваете. И хорошо разговариваете! Вы говорите на этом языке так, как будто это ваш родной язык.

П.: Нет, это не мой родной язык.

В.: А какой язык ваш родной?

П.: Нет слов.

В.: Нет слов, чтобы сказать, какой язык – ваш родной?

П.: (Очень разборчиво, медленно, как будто объясняя что-то человеку с плохим слухом или глупому человеку.) В вашем языке для этого языка нет названия. Я не могу его назвать по этой причине.

В.: Хорошо, вернёмся к вопросу о том, откуда и куда вас конвоировали. Вы говорите «из одного мира в другой мир». Мы с вами сейчас тоже находимся в мире?

П.: (После некоторых раздумий.) Да. Хотя это слово не совпадает с тем, что я хочу сказать. Это просто самое близкое слово в вашем языке.

В.: Мы с вами сейчас находимся в мире, из которого вас конвоировали, или в мире, в который вас конвоировали?

П.: Нет. Мы не находимся.

В.: Что означает ваш ответ? Вы же согласились, что мы находимся в мире?

П.: (Качает головой.) Вы спросили, мы находимся тут или там. Мы ни тут, ни там. Вы спросили так, что я не могу ответить.

В.: Вы хотите сказать, что мир, в котором мы находимся, это не тот мир, из которого вас конвоировали, и не тот мир, в который вас конвоировали?

П.: Да.

В.: То есть вас конвоировали из одного мира в другой мир через третий мир?

П.: (После некоторого размышления.) Да. Через этот мир. И через другие. Через много миров.

В.: Вас конвоировали из одного мира в другой мир через много других миров?

П.: Да.

В.: И вас потеряли?
П.: Да.
В.: Почему это случилось?
П.: (После очень долгого раздумья, несколько минут молчания.) Нет слов.
В.: Вы были причиной того, что вас потеряли? Вы так сделали?
П.: Нет, не я. Причина тут. В этом мире. Но я не могу сказать. Нет слов.
В.: Скажите, а зачем вас конвоировали?
П.: (После раздумий.) Чтобы наказать. Покарать? Наказать. Какое слово правильное?
В.: Оба правильные. А за что вас наказывать? Вы совершили что-то плохое?
П.: Да. Нет. Я не знаю. Что такое «плохое»? Я совершил то, что нельзя.
В.: Вы нарушили какие-то правила?
П.: Да.
В.: А что вы совершили?
П.: Нет слов.
В.: А что за правила вы нарушили?
П.: (После раздумий.) Нет слов.
В.: А кто придумал и установил эти правила?
П.: Нет слов.
В.: Так. Ну, хорошо. Вернемся к тому, для чего мы уже нашли слова. Вы сказали, что вас конвоировали корректоры. Вы сказали, что это самое близкое слово, какое вы нашли. Так?
П.: Да.
В.: Но если «корректор» – самое близкое слово, значит, эти люди что-то корректируют? Так?
П.: Ммм... ммм... Нет. Да.
В.: Что это значит?
П.: Вы всё время задаёте вопросы так, что на них нет ответа. Вы спросили «эти люди что-то корректируют», так? Они корректируют, так. Но это не люди.
В.: То есть корректоры – это не люди?
П.: Да.
В.: А кто? Хотя подождите, я знаю ответ. «Нет слов», да?
П.: Нет слов. Да.
В.: А вы – человек?
П.: Нет.
В.: Если я спрошу «кто вы», то вы ответите, что нет слов, да?
П.: Нет слов. Да.
В.: Но вы выглядите как человек! Вы говорите на человеческом языке.
П.: Я в теле человека. И этот человек знал язык. И теперь язык знаю я. Но я – не этот человек.
В.: То есть вы находитесь в чужом теле?
П.: Да.
В.: А чьё это тело?
П.: Я не знаю. Я оказался здесь, когда меня потеряли...
Так... тут сейчас долгий такой диалог, он неинтересный... – Доктор зашелестел бумагами, перелистнул несколько страниц и остановился:
– Да, вот отсюда. Здесь продолжение.
В.: А что они корректируют?
П.: (После раздумий.) Судьбу.
В.: Судьбу?
П.: (После раздумий.) Я не уверен, что это правильное слово. То, как должно быть? То, как потом будет?
В.: Вероятно, это правильное слово. Оно означает человеческую жизнь. Или жизнь

вообще, необязательно человеческую. Жизнь во времени – от начала до конца.

П.: Всё равно не то. Это не то слово. Нет слов, чтобы сказать.

В.: Но это близкое по смыслу слово, да?

П.: Да. Самое близкое, что есть в вашем языке. Они корректируют то, как должно быть. Когда что-то идёт не так. Они появляются. Они корректируют. И исчезают.

И так далее. В общем, мы с ним долго общались, – сказал Ключко и отложил папку в сторону. – Он утверждал, что эти люди... или, вернее, не люди, эти корректоры – некие существа, которые восстанавливают правильный ход судьбы, если тот нарушается. Они транспортировали его после совершения им какого-то правонарушения и по какой-то причине потеряли здесь. Поначалу он очень переживал и ждал их практически каждый день. А потом вдруг неожиданно успокоился и сказал, что он здесь... я не помню дословно, надо искать... ну, что он здесь, в своей палате, находится в безопасности. Я спросил, значит ли это, что корректоры за ним не придут, но он ответил, что они в любом случае придут и что это только вопрос времени. Просто здесь они его не видят и по этой причине могут прийти не скоро.

Помимо корректоров и этих... «миров»... в его бреде прослеживались ещё два устойчивых элемента.

Первый – «анфилада». Время от времени у пациента наблюдалось онейроидное помрачение сознания... это... будто «сны наяву»... больной в такие периоды обычно просто сидел на месте, часто с открытыми глазами, но совершенно не реагировал ни на какие посторонние раздражители. Это могло продолжаться от нескольких минут до нескольких часов, один раз длилось почти сутки. По окончании онейроида я пытался выяснить содержание иллюзий и переживаний больного, однако он крайне скупно отвечал на мои вопросы. Его ответы сводились к тому, что он был в «анфиладе» и что он что-то или кого-то там искал. Иногда, по его словам, он встречался там с другими, но он отказывался говорить, с кем и зачем он там встречался.

Второй устойчивый элемент его бреда – «тростниковые волки». Время от времени он вдруг начинал интересоваться снами – чужими снами. Он спрашивал у меня или у кого-то из больных в клинике, не снятся ли нам заросли тростника. Никому из тех, с кем он общался, они не снились, и, узнавая об этом, он успокаивался. Однажды я спросил его, зачем ему знать чужие сны. Он ответил, что если к кому-то рядом с ним придут «тростниковые волки», то это может значить, что его всё-таки обнаружили. Но поскольку они ни разу «не приходили», я поначалу не придавал им большого значения. До одного события. – Доктор отложил первую папку в сторону, повернулся, взял с антресолей другую папку, положил её на стол перед собой и начал листать, не переставая говорить: – Прошло уже, наверное, семь или восемь лет с тех пор, как этот пациент попал в нашу клинику. Его так и не смогли опознать, и мы так и не узнали его имени. Пациент по-прежнему демонстрировал сохранность почти всех психических процессов, при таком же устойчивом парафренном синдроме. Поскольку состояние его не улучшалось и не ухудшалось уже несколько лет, я почти потерял к нему интерес.

Как вдруг, читая в английском журнале статью известного психиатра, обнаружил одну странность. Его пациент, страдавший шизофренией с парафренным синдромом, неожиданно умер во сне от инсульта. Текст, в котором это упоминалось, был посвящён возможной связи между прогрессивной шизофренией и инсультом. Но для более полной иллюстрации случая врач описывал весь анамнез и перечислял все наблюдавшиеся у больного симптомы. В том числе и такой: буквально накануне своей смерти пациент пожаловался, что ему снятся «*cape wolves*».

–□Тростниковые волки, – сказал я.

–□Совершенно верно. Врач решил, что пациент просто перепутал и хотел сказать «*reed wolves*». Так называют каких-то волков или...

–□Шакалов.

–□Да, кажется. Но я, читая эту статью, не мог ошибиться. Я просмотрел всё, что

касалось этого случая, но не нашёл больше ни одного упоминания волков. Я поднял все свои записи, касавшиеся тростниковых волков, каждое слово моего пациента, касающееся этой темы. Я всё собрал, систематизировал и изложил по порядку. Затем выписал всё, что было в том журнале, в статье этого англичанина. И отложил на какое-то время.

Прошло, может быть, несколько месяцев, и я, изучая масштабную коллективную работу по судебной психиатрии, наткнулся на случай Максимилиана Солондза.

Солондз – это американский серийный убийца... вы, простите, знакомы с криминалистикой?

–□ Хм... с военной немного.

–□ Ну... боюсь, военная не поможет. Я расскажу вам, если вы не возражаете.

Современная криминалистика – в первую очередь американская, потому что в США больше всего серийных убийц, – выделяет четыре типа серийных и массовых убийц по основанию мотива преступлений. Это «гедонисты», совершающие преступления для получения удовольствия от самого процесса или от сексуального насилия; «властолюбцы», которым нравится чувствовать, что жертва находится в их власти; «миссионеры», считающие, что своими убийствами они очищают общество от разного «людского мусора»; и «визионеры», совершающие убийства для кого-то другого (Бога, дьявола и так далее) или вообще считающие, что убийства совершают не они, а кто-то другой, пользуясь их телом.

Солондз – классический «визионер». Он был эпилептиком и страдал тяжелейшей формой галлюцинаторно-параноидного эпилептического психоза. Он рос сиротой – его родители погибли в пожаре, когда ему было два года. Но с раннего детства он слышал их голоса, которые указывали ему, что он должен делать. Голоса его родителей утверждали, что он обязательно должен в точности выполнять их указания и может случиться что-то ужасное, если он не послушается. Когда ему исполнилось двадцать семь, голоса его родителей впервые потребовали убить другого человека. Человека, совершенно незнакомого Солондзу.

В период с 1972-го по 1989 год Максимилиан Солондз по указанию голосов, звучащих у него в голове, убил тридцать двух человек. Мужчин, женщин, безо всякой системы. В основном взрослых, только одного ребёнка. В девяностом году Солондза арестовали агенты ФБР. В тюремном заключении, по словам Солондза, он лишь один раз слышал голоса родителей, которые сказали ему, что больше он ничего не должен делать. После этого галлюцинации прекратились. Зато через какое-то время он стал жаловаться на расстройства сна. Психиатру, осматривавшему его накануне очередных судебных слушаний, Солондз рассказал, что уже несколько ночей подряд ему снится один и тот же сон. Сейчас, тут, он тут был. – Доктор перелистнул страницы в папке и начал читать: – «Ему снятся густые заросли тростника – высокого, выше человеческого роста, густо растущего сухого тростника. Под ногами мягкая подтопленная земля – ноги погружаются в жижу почти по щиколотки и идти очень трудно. Солнца не видно из-за набегающих туч, но даже если бы оно светило вовсю, из-за тростника всё равно ничего вокруг нельзя увидеть. Непонятно, то ли это берег реки, то ли болото, куда идти, как можно выйти из этих зарослей. И самое главное – Солондз отчётливо понимает, что где-то в этом тростнике рыщут волки. Тростниковые волки. Они ищут его, Солондза, чтобы разорвать на части. Он в ужасе бежит по топкой жиже, спотыкается, падает, поднимается и бежит дальше, не понимая, куда, в какую сторону, бежит ли он от волков или, наоборот, к ним. Он слышит их дыхание, которое звучит сразу отовсюду, и чувствует запах кровавой слюны...»

–□ А самих волков он не видит? – спросил я.

–□ Нет, самих волков он не видит.

–□ Откуда же он знает, что они есть?

–□ Этот же вопрос ему задал и психиатр. Но Солондз ответил, что просто знает, и всё. Что он уверен в том, что волки ищут его каждую ночь. И что в конце концов они его найдут. Через два дня после этого разговора Солондз умер во сне от инфаркта миокарда. Многие потом подозревали, что это было тщательно замаскированное убийство, потому что ранее у

Солондза не наблюдалось никаких проблем с сердцем. Но до официального расследования дело не дошло.

Прочитав об этом, я понял, что такое число совпадений едва ли может быть случайным. Что я имею дело с каким-то удивительным, ни разу не описанным ранее явлением. Явлением, которое может перевернуть все наши представления о человеческой психике. Я стал целенаправленно просматривать всю психиатрическую периодику, все книги и монографии, разыскивая словосочетание «тростниковые волки». И результат не заставил себя долго ждать.

За последующий год я обнаружил ещё девять упоминаний тростниковых волков – на разных языках, в разных уголках мира. Четыре раза эти упоминания касались убийц – два раза совершивших разовые убийства и еще два случая – серийных убийц. Другие пять случаев – просто различных пациентов психиатрических лечебниц. При этом у большинства из больных – семь человек из девяти – наблюдался синдром Кандинского – Клерамбо!

–□Хм?..

–□Я сейчас объясню. Это такой симптомокомплекс, иногда наблюдающийся при шизофрении. Нельзя сказать, чтобы он был очень редким, но он не слишком и распространён. То есть семь из девяти, чтобы вы понимали, – это очень много!

–□А что это за... симптомокомплекс?

–□Для этого синдрома характерно наличие психических автоматизмов и псевдогаллюцинаций.

–□Псевдогаллюцинаций?

–□Да. Расстройства перцепции, при которых человек отдаёт себе отчёт: то, что он видит или слышит, нереально, это только видение. Обычно они подкреплены бредом преследования и воздействия. Больному кажется, что кто-то или что-то насылает на него видения, будто... управляет его восприятием. А «психические автоматизмы» – это психические процессы, которые происходят в голове у человека, но кажутся ему чужими, кем-то навязанными. Мысли, которыми он не может управлять, эмоции, которые он испытывает не потому, что это его эмоции, а потому, что кто-то навязал их ему...

–□Действия, – перебил я доктора, – которые он совершает не потому, что он сам так хочет, а потому, что кто-то другой делает это его руками?..

–□Верно. Совершенно верно. Человеку кажется, что его телом, его мыслями и побуждениями завладел кто-то другой. Повторю, это не очень распространённый синдром. Но семь из девяти найденных мною историй болезни содержали его. И все эти люди говорили о тростниковых волках. Все описания этих больных сводились к одному и тому же: пасмурным днём они бредут сквозь заболоченные заросли тростника, зная, что где-то рядом с ними бродят волки.

Всего, таким образом, у меня в наличии было одиннадцать случаев психически больных людей, не считая моего пациента, упоминавших тростниковых волков. А теперь самое важное. Как вы думаете, сколько из этих одиннадцати человек умерло во сне вскоре после рассказа о тростнике и волках?

Я молчал – вопрос был явно риторическим.

–□Одиннадцать, – сказал доктор.

–□Одиннадцать?

–□Одиннадцать из одиннадцати. То есть получилось, что мой пациент – единственный, кто упоминал о тростниковых волках и остался при этом жив.

Клочко замолчал. Мы тоже молчали и смотрели на него.

–□Что вы хотите сказать? – спросил я. – Что действительно существует кто-то, проникающий к людям в голову и заставляющий их что-то делать, а потом какие-то волки приходят к людям во сне и убивают их?

Доктор покачал головой:

–□Я психиатр. Я имею дело с рациональными причинами и рациональными следствиями. Я лечу людей. В день, когда я начну утверждать что-то подобное, я должен

будут сжечь свой диплом и покинуть больницу. Но я абсолютно уверен в том, что все эти события не могут быть случайными совпадениями.

—□ Но как же тогда можно всё это объяснить?

Ключко пожал плечами:

—□ Существует много разных способов. Можно предположить наличие взаимосвязи между различными архетипическими матрицами... то есть некими образами в нашем подсознании и, например, психическим отражением соматических явлений, скажем, ухудшения сердечно-сосудистой деятельности. Да много чего можно предположить! Но всё это будут голые гипотезы, безо всяких оснований. Это явление необходимо *изучать*, понимаете? Собирать статистику, разбирать каждый случай, заниматься исследованиями, проводить какие-то эксперименты, в конце концов! Без нормального детального изучения всё это – френология! В психиатрии и так полно своей мистики. Взять хоть тест Люшера.

—□ А что это за тест?

—□ С цветом что-то, – вставила Верба.

—□ Правильно, Люшер – это цветовой тест. Перед вами кладут несколько разноцветных карточек и предлагают расположить цвета в определённом порядке. А потом на основании этого делают выводы о вашей личности и душевном состоянии. Теоретической базы – никакой. Фундамента – никакого. Тест ни на чём не основан. Но он работает! Валидность методики – одна из самых высоких в её классе. Почему? Мы не знаем. Хотя тоже есть много разных гипотез.

Или вот. – Доктор достал из папки лист бумаги и положил его перед нами; на листе была распечатка карандашного наброска лица. – Посмотрите внимательно. Вам когда-нибудь снился этот человек?

Я присмотрелся.

—□ Нет, – сказала Верба и отрицательно покачала головой. – А что? Почему он должен был нам сниться?

—□ Около года назад, – сказал врач, – пациент одного известного психиатра нарисовал человека, который снится ему из ночи в ночь с определённой регулярностью. Психиатр оставил этот рисунок у себя на столе, когда пришёл другой пациент. Увидев этот рисунок, этот другой пациент сказал, что видел этого человека во сне. Совпадение было столь невероятным, что доктор далее опросил всех пациентов в своей клинике и по всей стране и обнаружил десятки людей, которые утверждают, что видели во сне это лицо. Сейчас он ищет людей, которым бы снился этот человек, через Интернет. Но не думаю, что он далеко продвинется.

—□ Почему? – спросил я.

—□ Видите ли, я через это проходил. Во время поисков тростниковых волков я очень много времени провёл за компьютером: сначала – в ФИДО, затем – в Интернете. И практически ничего не обнаружил. Меня удивил следующий факт: по мере того как я сам писал какие-то работы на эту тему, пытался вызвать интерес к обнаруженным мною закономерностям, в конце концов просто оставлял записи в контактных журналах и на форумах, я стал обнаруживать, что эти записи всё чаще и чаще просто исчезают. А если и остаются, то умудряются перемещаться в самый дальний и незаметный угол, их не находят поисковые системы, они... словно растворяются в потоке информации. Понимаете теперь, почему я был так взволнован, когда мне позвонили вы и сказали, что хотите поговорить по поводу тростниковых волков?..

Я кивнул и спросил:

—□ А вы не пробовали говорить об этом с вашим... пациентом?

—□ Пробовал, конечно. Но в большинстве случаев он просто игнорировал мои вопросы или предлагал мне не обращать на это внимание. Потому что это «не важно». Вот ещё одно слово, которое он освоил после фразы «нет слов». «Нет слов. Не важно. Не важно. Нет слов». Он стал отвечать так на большую часть вопросов. Когда я показал ему это, – доктор поднял

листок с изображением мужского лица, – он сказал, что это... как же... «хулиган», вот. Что самое близкое слово в нашем языке – «хулиган». Но, добавил он, это «не важно».

Я кивнул. Доктор, кажется, выговорился. Теперь он уткнулся лицом в папку и листал страницы, словно вспоминая что-то.

–□ А что с ним случилось? – спросила Вербa.

–□ С кем? – спросил врач.

–□ Ну с ним. С вашим пациентом.

–□ А что с ним должно было случиться?

–□ Не знаю... чем-то это всё закончилось?

–□ А чем это могло закончиться? Он до сих пор не выздоровел и находится на лечении.

–□ Где? Здесь?

–□ Да, у себя в палате.

Мы с Вербой переглянулись.

–□ А можно его увидеть? – спросил я.

Там нет белок

Доктор посмотрел на меня, затем на Вербу.

–□ Ну... – Он засомневался, а потом пожал плечами: – Почему бы и нет? Какая разница? Можно, конечно, только в моём присутствии.

Он сложил все свои бумаги, встал и пригласил нас за собой.

Мы вышли из главного корпуса и пошли в глубь сквера. Клиника была огромной. Неподготовленному человеку сложно себе даже представить, что психиатрические больницы бывают такими большими.

–□ Много тут у вас места, – удивлённо сказала Вербa, когда мы обогнули ещё один корпус, прошли по дорожке, свернули на аллею, пробрались мимо хозяйственных построек, стоянки, спортплощадки и шли теперь между корпусами, стоящими по обеим сторонам широкой мостовой.

–□ Не так много, как хотелось бы, – сказал доктор и обернулся к ней: – Хотя всем кажется, что слишком много, и к нам постоянно пытаются кого-то подселить. Это одна из крупнейших психоневрологий мира и самая большая в бывшем СССР.

–□ Сколько ж у вас тут психов? – спросила Вербa, поперхнулась и исправилась: – Пациентов?

–□ Всё время разное количество. Сейчас – чуть больше двух тысяч. Спокойный сезон... Но поверьте, большинство из них совсем не такие интересные, как тот, с которым я вас сейчас познакомлю. Нам сюда.

Доктор показал рукой на небольшое двухэтажное здание справа от аллеи. Мы вошли внутрь, записались в журнале и проследовали в смотровую.

–□ Сейчас я его приведу, – сказал доктор и вышел на несколько минут. Вернулся он не один.

Человек, который зашёл в комнату вместе с Ключко, был высок и немного сутул. Волосы цвета воронова крыла – без намёка на седину, хотя человек явно был немолод, – коротко подстрижены, лицо изъедено глубокими морщинами, но при этом спокойное и добродушное. Человек сел напротив нас и внимательно посмотрел мне в глаза. Глаза его, очень тёмные, почти чёрные, казались бездонными и в то же время почти ничего не выражали.

–□ Знакомьтесь, – сказал доктор и сел рядом с нами, повернувшись лицом к своему пациенту.

–□ Добрый день, – сказал я.

–□ Добрый день, – поздоровалась Вербa.

–□ Здравствуйте, – сказал человек. У него был глубокий, но скорее обычный голос, без каких-либо особенностей. Ни акцента, ни какого-то особого придыхания – ничего из того,

что можно было бы ждать от пришельца из другого мира.

–□ Я – Клёст, а это – Верб, – сказал я.

Человек молчал.

–□ А вы не представитесь? – спросила Верб.

Человек пожал плечами.

–□ Нам нужно с вами поговорить, – сказал я.

–□ Я думаю, что на самом деле вам не нужно со мной говорить. Я бесполезен для вас.

–□ Почему вы так думаете?

–□ Потому что я не знаю, где находится... девушка, да? И, таким образом, не могу вам помочь.

Я посмотрел на Ключко, но тот удивлённо развёл руками. Похоже, он ничего не говорил своему пациенту.

–□ А откуда вы знаете, кого мы ищем?

Человек пожал плечами, посмотрел на доктора и сказал:

–□ Нет слов.

–□ Вы знаете девушку, которую мы ищем?

–□ Я... не знаю, как сказать... я её немного знаю. Немного. Правильно?

–□ Ну... я не знаю, правильно ли вы говорите. Но да, так можно сказать, «немного знаю», если вы знакомы с человеком, но мало с ним общались.

–□ Я никогда с ней не общался.

–□ Откуда же вы её знаете?

–□ Нет слов.

–□ Вы видели её в «анфиладе»?

–□ Я видел её в «анфиладе», да. Но не только.

–□ А где ещё?

–□ Нет слов.

–□ А сейчас она в «анфиладе»?

Он отрицательно покачал головой:

–□ Нет, чтобы попасть в «анфиладу», нужно тело. А у неё сейчас нет тела. Её нет в анфиладе.

–□ А я могу попасть в «анфиладу»?

–□ Конечно. Туда любой может попасть. Если у него есть тело, конечно.

–□ А как это сделать?

–□ Есть множество способов. Самый простой способ, которым пользуются люди, – это использование различных... хм... препаратов. Наркотики? Да?

–□ Такие препараты есть, да.

–□ Вот. Но есть много других способов. Это легко, гораздо легче, чем вам кажется.

–□ А что это такое? Вы можете... ну, сбежать через «анфиладу»?

–□ Нет, – он покачал головой, – «анфилада» – не средство передвижения, а средство общения или поиска.

–□ Мы как раз ведём поиск!

–□ «Анфилада» вам не поможет. У того, кого вы ищете, нет тела, я же вам уже сказал. – Он выглядел утомлённым, его голос на последней фразе выдал какую-то... обиду даже, что он постоянно всем всё объясняет, а его никто не хочет понять. По крайней мере, так мне показалось.

–□ А где нам её искать? – спросил я.

Он пожал плечами.

–□ У вас был... предмет. Используйте его.

–□ Предмет?

–□ Маленький. Вы не принесли его с собой. Я не знаю, почему.

–□ А вы хотели бы, чтобы я принёс?

–□ Нет-нет, – он испуганно замахал руками, – ни в коем случае. Он чужой. Его ищут. И

его найдут. Мне достаточно того, что я уже совершил.

—□ А вас здесь не найдут?

—□ Здесь меня сложно отыскать. Но меня всё равно найдут. И теперь, после вашего визита, я думаю, что это случится скоро.

—□ Вы видите будущее?

—□ Никто не видит будущее. Многие хотели бы. Но никто его не знает.

—□ А корректоры? Они знают будущее?

Человек пристально посмотрел на меня и долго не отводил взгляда. Он совсем не моргал, и через минуту мне стало казаться, что происходит что-то не то. Я посмотрел на доктора, затем снова на человека.

—□ Нет, – в конце концов сказал он, – корректоры тоже не видят будущего. Они знают, как должно быть. Но они не знают, как будет.

—□ А это не одно и то же?

Человек молча покачал головой:

—□ Меня здесь быть не должно. Но я тут.

—□ А где вы должны быть?

—□ Далеко отсюда. И когда-нибудь корректоры заберут меня. И на вашем месте в это время я был бы где-то... не здесь. С корректорами... лучше не встречаться.

—□ Почему? Они агрессивны? Они злобно ко мне настроены?

—□ Они никак к вам не настроены. И они не могут испытывать к людям злобу. Они просто... просто не заметят вас, и всё. Ну, не испытываете же вы злобу к муравью, которого давите ногой на дороге. Вы просто его не заметили. Корректоры обладают властью, которую вы не в состоянии себе представить.

—□ Они всеильны?

Он покачал головой:

—□ Нет, корректоры не всеильны. Они могут только делать свою работу. Корректировать. Исправлять то, что есть. Делать из этого то, как должно быть. И всё. Но при этом могут быть... побочные эффекты.

—□ А как мне использовать мой предмет? Как я могу найти девушку?

—□ Я думаю, что вы всё делаете правильно. Этот предмет... имеет свою судьбу... он был разломан пополам... и теперь одна часть у вас, а другая – в другом месте... но эти части стремятся к тому, чтобы быть вместе. Продолжайте искать.

—□ Этот предмет – он чем-то важен, да?

—□ Был важен, когда он был целым. Теперь... он потерял... свои свойства... но его... линия... судьба... ведёт вас туда, куда вам нужно.

Я кивнул.

—□ Это всё? – спросил я.

Человек пожал плечами.

—□ У меня к вам просьба, – вдруг сказал он и посмотрел на меня неожиданно мягким взглядом.

—□ Какая? – спросил я.

—□ Вы можете передать кое-что? Сообщение?

—□ Сообщение?

—□ Да.

—□ Хм... могу, конечно. А что за сообщение?

—□ Если вы встретите Старика – а я думаю, что вы его встретите, – скажите ему, что там нет белок. Он когда-то спрашивал об этом. А как ему теперь сказать – я не знаю, в «анфиладе» он не бывает.

—□ Там нет белок?

—□ Да. Он поймёт.

—□ А какому старику это нужно сказать? Не могу же я всем старикам подряд это говорить.

–□ Я думаю, вы поймёте, когда встретите его.
–□ Ну хорошо. Я передам.
–□ Спасибо. Я ваш должник.
–□ Да, – кивнул я и улыбнулся, – когда-нибудь тоже что-нибудь кому-нибудь передадите для меня.

–□ Конечно. Только попросите.

Мы встали.

Доктор вывел своего пациента и вернулся через несколько минут.

–□ Ну что? – спросил он.

–□ Не много, – сказал я, – но может быть, это чем-то нам поможет.

–□ У вас действительно есть какой-то маленький предмет?

–□ Да, – кивнул я, – есть. Но я понятия не имею, как он связан со всей этой историей.

Доктор покачал головой:

–□ Знаете, я уже много лет пытаюсь понять, как тут одно с другим связано. И у меня это никак не получается.

–□ Никогда ничего подобного не видел и не слышал, – сказал я, – честное слово. А ведь у меня есть какой-то опыт.

–□ Это ни о чём не говорит, – сказал доктор. – Знаете, я позавчера впервые в жизни сделал человеку укол крови, содержащей вирус малярии.

–□ Зачем?

–□ Чтобы заразить его малярией, разумеется! Гипертермия – очень редкий метод лечения, но некоторые заболевания практически ничем больше не лечатся. Я это к чему говорю: я проработал психиатром двадцать лет, а позавчера впервые попробовал этот метод. Так что не надо впадать в ступор, видя то, чего не было в вашем опыте. Хотите, я вам ещё кое-что покажу?

Я кивнул. Ключко сел за стол, приглашая нас присоединиться, запустил руку во внутренний карман и достал небольшой конверт, в котором лежала чёрно-белая фотография.

–□ Вот, посмотрите. – Он протянул фотографию мне.

На фото был изображён его пациент – он смотрел прямо перед собой, в камеру, и казалось, что он заглядывает прямо в глаза тому, кто смотрит на фотографию. Я внимательно рассмотрел фото. Чёрные, коротко стриженные волосы, морщины, глубокий взгляд. В общем-то, обычная фотография.

–□ А что с ним не так? – спросил я.

–□ Когда, по-вашему, сделано это фото?

–□ Не знаю... недавно. Стрижка у него здесь такая же, как сейчас.

–□ Эта фотография сделана после того, как мы впервые его постригли – через полгода после его попадания в нашу больницу. Ей скоро пятнадцать лет.

Я присмотрелся:

–□ Ну, нельзя сказать, чтобы он сильно изменился.

–□ Он совсем не изменился. За пятнадцать лет пребывания в клинике. Все вокруг взрослеют, мужают, старятся – и только он остаётся таким же, как тогда, когда я впервые его увидел. Не считая симптомов кататонии, конечно. И причёски.

–□ Чёрт возьми, – я покачал головой, – мне не верится, что всё то, что вы сегодня рассказали, действительно было задокументировано, собрано, описано, и никто до сих пор не задал вопроса «что происходит?». Вы верите в то, что всё это – просто симптомы разных болезней?

–□ Я скажу вам, во что я верю. Я верю в то, что психиатрия – новая религия и что её возможности по объяснению явлений, кажущихся загадочными, безграничны. Человек увидел что-то, чего не должно быть, – это галлюцинация. Он увидел это и сумел объяснить – это бред. То же самое увидело много людей – массовый психоз. Парадоксальность ситуации в том, что всё, что нам кажется удивительным и необъяснимым, на самом деле просто пока ещё не было объяснено. Но я уверен, что в будущем обязательно будет. Необъяснимого не

существует – существует лишь то, что мы знаем, и то, чего мы пока ещё не знаем.

–□ А как тогда объяснить то, что ваши записи в Интернете исчезают? – спросила Верба.

–□ Тем, что у меня – паранойя, – улыбнулся доктор. – Вот видите, психиатрия и здесь легко справляется с задачей. Она остаётся последней баррикадой нашей рациональности.

Всю дорогу назад мы проделали молча. Только в самом конце, когда мы уже подъезжали к дому, Верба неожиданно начала рассказывать мне, как ей прислали роман, в котором у персонажа был как раз этот самый синдром Кандинского – Клерамбо, только тогда Верба не знала, как он называется. Главный герой этого романа жил скучной, тусклой жизнью: работал каким-то младшим специалистом в каком-то учреждении, целый день перекидывал какие-то бумаги с места на место, получал за это гроши и никогда не высовывался. По вечерам приходил домой, включал телевизор, варил пельмени и смеялся над шутками какого-нибудь Петросяна. По выходным лежал в постели и смотрел в потолок.

И вот однажды, идя по улице домой с работы, он почувствовал, что не управляет своим телом. Что за него его ногами и руками двигает кто-то другой, его мыслями управляет кто-то другой, его чувствами управляет кто-то другой. И тогда он подумал: «А что будет, если сделать так?», а потом подошёл к стоящему у обочины новому «Мерседесу», поднял лежавший на земле камень и что есть силы саданул им о лобовое стекло. Ну, как в анекдоте. Только он отчётливо понимал, что это не он делает, а кто-то другой вместо него.

И с этого дня жизнь его действительно круто изменилась. Дальше в романе были описания его приключений: там и бандиты, и разборки, и зона какая-то, и политики с бизнесменами, шоу– бизнес, шпионы и так далее. Причём всё время за героя действовал кто-то другой, герой делал что-то, говорил что-то, но это не он говорил или делал, а кто-то другой в его теле.

–□ И чем всё заканчивается? – спросил я.

–□ Тем, что герой получает «главную премию в мире», выходит к микрофону и тут понимает, что тот, другой, который всё это время им управлял, теперь его оставил. И он, герой, стоит напротив огромного зала с какой-то врученной ему бандурой в руке, и все ждут его речи, а он не знает, что говорить. И в конце концов, когда пауза затянулась, он нагнулся к микрофону и сказал:

–□ Простите. Это не я.

–□ И всё?

–□ И всё, да. На этом роман заканчивался.

Я припарковал машину и посмотрел Вербе в глаза:

–□ Ты есть хочешь?

–□ Хочу, но идти никуда не хочется. Я могу сама что-нибудь приготовить, у тебя тут магазин далеко?

–□ Нет, внизу, за углом.

Мы купили картошки, селёдки, лука и живого пива. При виде пивного холодильника я вспомнил о Хаиме и заспешил домой, чтобы проверить почту. Как я и ожидал, в ящике меня ждало письмо.

«Hallo, Kreuzschnabel.

Eigentlich konnte ich etwas für dich zu graben – den ungefähren Standort des Verschwindens von Hans Brueghel. Ich erhalte jetzt eine Kopie der Reisebestätigungs Brueghel, die am dritten Juli 1943 erteilt. Er wurde in einem Hinterland kommandiert, in der Verwaltung der Stadt Kamenez-Podolsk Generalbezirk Wolhynien-Podolien Reichskommissariat Ukraine. Dabai stehen die Stempels auf der Bestätigung sowohl des Generalbezirks und der städtischen Verwaltung, das heißt, Brueghel fuhrt erste nach Luzk und dann nach Kamenez. Und er ist nach Kamenez erreicht. Soweit ich das beurteilen kann, das ist der letzte Dokument über das Soldaten Los von Breughel, am fünfzehnten Juli wurde er als vermißt gemeldet.

Morgen bin ich in WAST und Bundesarchiv, vielleicht ich werde mehr etwas finden.

Schreibe mir,

Chaim»⁶.

Я протёр глаза руками и ещё раз прочитал дату. Нет, ну мой немецкий, конечно, плох, но не настолько. Am dritten Juli. Третьего июля.

Я хрустнул костяшками пальцев и написал Хаиму короткий ответ:

«Hallo, Chaim.

Vielen Dank für die gute Nachrichten, der Reichskommissariat Ukraine ist, wie du wisst, viel besser als der Reichskommissariat Niederlande. Aber warum erscheint es mir seltsam, dass es den Stabsoffizier der Divisions, wo ist lässt sich ein chronischer Mangel an Personal beobachten, ist im Hinterland kommandiert am Vorabend eine großen Offensive? Am dritten Juli war die ganze Front war bereits in der Erwartung der Operations «Zitadelle», und es sind keine Kommandierungen der Kampfoffiziers konnte nicht. Berichtige das Datum noch einmal, bitte. Irrst du sich nicht?

Kreuzschnabel»⁷.

Я отправил письмо и пошёл на кухню. Верба занималась картошкой, а я занялся селёдкой – это одна из немногих кулинарных вещей, которые у меня хорошо получаются. Когда всё было почищено и разложено и Верба, потыкав картошку в кастрюле вилкой, сказала, что ещё десять минут, я снова вернулся в комнату. В ящике уже был ответ – видимо, Хаим тоже курсировал недалеко от компьютера.

«Kreuzschnabel,

soll Ich scannen und versenden dir eine Reisebestätigung?

AM DRITTEN JULI. Zweimal – erste einer Ziffer, dann einer Schrift. Ich wundere mich auch. Wie wichtige sachen muss einen Mann im Hinterland haben, um ihm hinter zwei Tage vor der größten militärischen Operation des Jahres zu senden? Ich weiß es nicht. Auch habe ich keine Ideen.

Schreibe mir,

Chaim»⁸.

Я попытался представить себе, что в июле сорок третьего может быть важнее битвы на Курской дуге. Получалось скверно. Вообще вся картина у меня в голове никак не хотела

⁶ «Привет, Клётс.

В общем, я умудрился кое-что для тебя раскопать – приблизительное место исчезновения Ганса Брейгеля. У меня в руках сейчас копия командировочного удостоверения Брейгеля, выданного третьего июля 1943 года. Он был командирован в тыл, в управление города Каменец-Подольский генерального округа Волынь-Подолье рейхскомиссариата Украина. Причём на удостоверении стоят штампы и генерал-комиссариата, и городского управления, то есть Брейгель сначала поехал в Луцк, а затем в Каменец, причём до Каменца он доехал. Насколько я могу судить, это последний документ солдатской судьбы Брейгеля, пятнадцатого июля он был объявлен пропавшим без вести.

Завтра буду в ВАС и федеральном архиве, возможно, найду ещё что-нибудь.

Пиши,

Хаим».

⁷ «Привет, Хаим.

Спасибо за хорошие новости, рейхскомиссариат Украина – это, как ты понимаешь, куда лучше, чем рейхскомиссариат Нидерланды. Только почему мне кажется странным, что штабного офицера дивизии, где наблюдается хроническая нехватка кадров, командируют в глубокий тыл накануне крупнейшего наступления? Третьего июля весь фронт уже был в предвкушении операции «Цитадель», и никаких командировок боевых офицеров быть не могло. Уточни ещё раз дату, пожалуйста. Ты не ошибся?

Клётс».

⁸ «Клётс,

мне отсканировать и прислать тебе командировочное удостоверение?

ТРЕТЬЕ ИЮЛЯ. Два раза – сначала цифрой, потом прописью. Я сам удивился. Насколько важные дела должны быть у человека в тылу, чтоб командировать его за два дня до крупнейшей армейской операции года? Не знаю. Даже идей никаких нет.

Пиши,

Хаим».

складываться. Вербa позвала меня есть, и я в задумчивости дошёл до кухни и начал ковыряться вилкой в тарелке.

«Курская дуга, – бубнил я себе под нос, – Курская дуга. Курская дуга».

–□ Cellar door, – сказала вдруг Вербa.

–□ Что?

–□ Cellar door. Это лучше, чем «Курская дуга».

–□ А, да, это... самое красивое словосочетание в английском языке? Эдгар Аллан По так считал, если я не ошибаюсь.

–□ Ошибаешься, – кивнула головой Вербa, – это ты Келли насмотрелся, он говорил про Эдгара По, но он тоже ошибается. Джон Рональд Руэл Толкиен писал об этом словосочетании. Он писал о слове «красивый» – beautiful – и о том, что само это слово не является красивым. А вот словосочетание «дверь в подвал» – «cellar door» – является красивым или уж, по крайней мере, более красивым, чем «beautiful».

–□ Ну, в русском языке «дверь в подвал» совершенно некрасивое. Убогое словосочетание.

–□ А какое, по-твоему, слово или словосочетание в русском языке является красивым? Я задумался.

–□ Ну, не знаю... «питьевой спирт». Я думаю, «питьевой спирт» может претендовать на то, чтобы называться самым красивым словосочетанием в русском языке.

Вербa кивнула:

–□ С этим трудно спорить.

–□ Интересно, – задумался я, – а в украинском языке какое словосочетание было бы красивым? Как ты думаешь?

–□ Не знаю, как насчёт самого красивого, но мне очень нравится «вкоськався пантрувати». Вычитала в одной статье, с тех пор стараюсь использовать в речи.

–□ Слушай, я даже не знаю, что это значит...

–□ Я тоже не знаю. Ты ешь давай, остынет.

Я натолкал себе полный рот картошки, и в этот момент у меня на поясе начал вибрировать мобильный телефон. Звонил отец.

–□ Привет, пап, – сказал я, дожёвывая.

–□ Привет, сынок. Я сижу тут у волшебника. В общем, он проверил твой... жетон, определил состав, и сейчас... Что? – вопрос был явно адресован не мне, а кому-то за трубкой. – А, да... рассказывает мне разные смешные вещи. Когда, ты говоришь, сделали этот твой жетон?

–□ В сорок третьем году прошедшего века. Наверное.

–□ Так вот, волшебник говорит, что этого быть не может. Твой жетон состоит практически из чистой латуни: медь – 72, цинк – 28. А блеск, на который ты обратил внимание, – из-за отсутствия патины.

–□ Из-за чего?

–□ Отсутствия патины. Её нет. Вообще. Мы тут с микрометром сидим, вымеряем, проверили уже, не травили ли образец – нет, не травили. Просто нет её, и всё тут.

–□ Это точно?

–□ Так говорит волшебник. То есть – точнее не бывает.

–□ Ну тогда ладно. Привет волшебнику передавай и скажи – с меня причитается.

–□ Привет тебе. Говорит, с него причитается, – сказал отец кому-то за трубкой, выслушал ответ и засмеялся. – Он говорит, что с тебя уже столько причитается, что он за всю свою жизнь столько не выпьет. Ладно, пока.

–□ Пока, пап.

Я положил трубку и посмотрел на Вербу.

–□ Что-то случилось? – спросила она.

–□ Да нет, ничего особенного. Просто металл, из которого сделана половина жетона, которую мне отдал Караим, не покрылся патиной.

–□ Чем?

–□ Оксидная плёнка. Короча, ржавчина. Она возникает практически на любом металле, это естественный процесс его старения.

–□ И что это значит?

–□ Что это очень-очень новое изделие. Ни в какую войну этот жетон сделать не могли. Вербка какое-то время помолчала, переваривая информацию, затем пожала плечами.

–□ Может быть, он был выдан солдату уже после войны.

–□ Одиннадцатому номеру штаба второй дивизии СС? СС, если ты не знала, была запрещена нюрнбергским трибуналом как преступная организация.

–□ Может быть, ты неправильно расшифровал надпись?

–□ Даже если допустить, что надпись расшифрована неправильно, жетон, выданный после войны, не мог выглядеть так же, как жетон военного времени. И в бундесвере ФРГ, и в народной армии ГДР (если допустить, что нашему образцу хотя бы двадцать лет) были совершенно другие форматы, отличавшиеся и по размеру, и по структуре.

–□ Ну тогда... я вижу только один вариант. Это поддельный жетон.

Ну да. Абсолютно всё говорит в пользу этой гипотезы. Караим намекал мне, что это подделка. Хаим уверен, что вольфсангеля на жетоне быть не может. Отец говорит, что это новое изделие.

Я закрыл глаза. Всю свою жизнь я учил себя доверять фактам, логическим конструкциям и научным построениям. И всю жизнь по-прежнему доверяю только и исключительно своей интуиции. Я УВЕРЕН, что жетон – настоящий. И точка.

–□ До конца сегодняшнего дня официально объявляю выходной, – сказал я, – предлагаю тебе воспользоваться этой возможностью, чтобы отдохнуть, потому что завтра мы отправляемся в дорогу.

–□ А куда едем?

–□ В Каменец-Подольский.

–□ Куда?

–□ В Каменец-Подольский. Районный центр Хмельницкой области.

–□ Я знаю, где это. А почему Каменец-Подольский? Там были какие-то бои?

–□ Нет. То есть да, бои там были, но мы туда едем не поэтому. Туда накануне своего исчезновения был командирован Ганс Брейгель, которого мы продолжаем искать. И которого мы найдём.

–□ Заказать гостиницу?

–□ Не надо. Сейчас не сезон, я думаю, в будние дни там должно быть свободно. Завтра, перед выездом, подыщем подходящий отель.

Я допил своё пиво и поблагодарил Вербку за обед. Затем залез в холодильник и достал из морозилки «Ardbeq».

–□ Будешь? – спросил я Вербку.

–□ А что это? Водка?

–□ Водка водке рознь. Одно из самых страшных открытий в моей жизни состояло в том, что у водки есть вкус и что бывает *вкусная* водка и *невкусная* водка. Когда такое понимаешь впервые, трудно сразу оправиться. Я месяц потом на спиртное смотреть не мог, но постепенно, конечно, пришел в себя. Нет, это не совсем водка.

–□ Ну налей, попробую.

Я достал стаканы для виски и налил себе на два пальца и ей на доньшко.

–□ Это надо пить так, – объяснял я, – сначала вдыхаешь, потом отпиваешь немножко, даёшь жидкости растечься по нёбу и после этого плавно выдыхаешь воздух через нос.

Вербка понюхала виски, засунув нос в стакан.

–□ Слушай, я и так уже чувствую по запаху, что я это пить не буду.

–□ Так ты ничего не почувствуешь. Сделай, как я сказал, и ты всё поймёшь.

Вербка вдохнула, глотнула, подождала и выдохнула через нос, затем закашлялась.

–□ Всё. Я всё поняла. Я это ТОЧНО пить не буду.

—□Отлично, — кивнул я, — именно на такую реакцию я и рассчитываю, когда даю попробовать. Никто не будет пить мой «Ardbeg», он мне достанется весь. Никто не нарушит нашего тет-а-тет. Никто не заберёт мою прелесть. Иди ко мне, мой маленький...

—□Придётся допивать живое пиво, — тоскливо сказала Верба, — стану толстая и некрасивая.

—□Как будто ты от виски станешь стройная и красивая. Ешь лучше овощи. Помидоры, брокколи и салат.

Верба скривилась и налила себе пива:

—□Я лучше оккупирую ванную. Последую твоему совету и как следует отдохну.

—□Вперёд, — сказал я, взял бутылку и пошёл к себе в комнату. — Подъём завтра в восемь ноль-ноль. Тачанка никого не ждёт.

—□Как будто это ты меня будил сегодня утром! — крикнула мне Верба вдогонку.

В комнате я остановился перед шкафом и задумчиво оглядел ряды книг на полках.

Каменец-Подольский.

Рейхскомиссариат Украина.

Что у меня вообще есть по рейхскомиссариату? Похоже, немного. В Советском Союзе не было выпущено ни одной книги на эту тему — ни одной! Какие-то обрывки есть в немецких и англоязычных источниках, но, как правило, они касаются Третьего рейха вообще, со списочным перечислением его сателлитов и доминионов, их структуры и организации. В новейшей истории Украины на эту тему тоже не пишут, есть масса более интересных вещей, трипольская культура и политический цирк.

Я перебрал два десятка книг, но почти ничего нового не узнал, лишь с нескольких страниц снял копии. Затем порылся в Интернете. Нашёл ещё меньше. Чёрт с ним, возьму то, что есть, а там на месте поищу какие-нибудь библиотеки и архивы. Я написал короткую записку Хаиму о том, что завтра к вечеру буду в Каменце, и сложил все книги назад на полки.

Потом сел в кресло, откинулся на спинку, положил ногу на ногу, закрыл глаза и сделал большой глоток «Ардбега».

Пока Верба паковала свои вещи, я вынес и закинул в машину свой дежурный походный набор: четыре лопаты, две большие и две складные сапёрные, большой лом и маленький лом, щуп, свой «Minelab», ножовку, маленькую двухместную палатку и два спальных мешка, два ручных фонарика, фонарь на шапку и большую ручную фару, перчатки, пинцет, щётки разных размеров, метр, соль, спички, две зажигалки, свою обычную сумку с минимумом одежды, полевым ноутбуком и несколькими справочниками по униформе, наградам, отличительным знакам и оружию. Затем, подумав, завернул в холст и аккуратно уложил под двойное дно старое отцовское ружьё, которое папа подарил мне в прошлом году вместе с патронами и приспособлениями для чистки. Пусть лежит на всякий случай, разрешение у меня с собой. Все остальное, что могло понадобиться, лежало в машине постоянно.

Ещё раз всё проверив и убедившись, что ничего не забыл, я поднялся за Вербой.

—□Смотри, какое смешное у гостиницы название, — сказала она. — Отель «Заблудившийся единорог». Кстати, номера, судя по фото, симпатичные, иди посмотри.

Я подошёл к монитору.

—□Да, ничего. Вай-фай у них там есть?

—□Пишут, что есть.

—□Подходит. Запиши их телефон и адрес.

—□Да я и номера нам сейчас забронирую.

—□Сейчас ты выключишь компьютер и пойдёшь в машину. Нам ехать надо. По дороге можно кому хочешь позвонить и что хочешь забронировать, времени у нас вагон, путь неблизкий.

Я взял сумку Вербы, спустился и поставил её в багажник, затем снова поднялся, чтобы проверить, что всё выключено. Потом запер дверь и глубоко вдохнул. Где-то под диафрагмой дрожала мышца, названия которой я не знал, так было всегда, когда я бросал всё

на несколько недель и уезжал на коп в глухую волынскую чащу.

«Это всего на пару дней. Никакого криминала, никаких разборок, просто съездить в Каменец и обратно», – сказал я себе, выдохнул и спустился к машине.

Отец приоткрыл дверь и просунул сонный глаз в щель.

–□А? А, это ты. Сейчас.

Он закрыл дверь, снял цепочку и снова открыл её.

–□А ты чего не позвонил, что приедешь?

–□Я не приехал, я на секунду зашёл, за жетоном.

–□А, сейчас принесу. – Отец зашаркал по коридору к себе в комнату. – А если бы меня дома не было? Если бы я на работу пошёл?

–□На какую работу ты в такую рань можешь пойти, пап?

–□Ну мало ли. – Он возвращался назад, зажав в руке половину жетона Ганса Брейгеля. – И что за спешка такая? Зачем он тебе вдруг утром в понедельник понадобился?

–□Я уезжаю на пару дней, и он мне будет нужен.

–□Куда, куда уезжаешь?

–□Недалеко. – Я взял жетон и обнял отца. – Всё, пап, давай, я скоро вернусь, звоните, если что.

Верба позвонила в гостиницу и забронировала нам два одноместных номера, после чего на выезде из города задремала, а затем и вовсе провалилась в глубокий сон. Она продрала глаза уже на объездной дороге Кировограда и стала изумлённо оглядываться по сторонам:

–□Где это мы? Что, уже подъезжаем?

Я усмехнулся:

–□Ну да, ещё каких-то полтысячи километров, и приехали. Всего ничего осталось.

За окном тянулась унылая промзона. Я проехал развилку, развернулся на светофоре и выбрался на Е50, по которой мне теперь предстояло ехать почти до самого вечера. В первой половине дня здесь было более или менее свободно, но для езды по дорогам Кировоградской области нужен особый навык. Я сосредоточился на дороге, железнодорожных переездах и огромных ямах, пока Верба смотрела в окно.

–□Красиво, – вдруг сказала она.

За окном широченными холмами, будто гигантскими серыми шапками, уходили вдаль убранные поля, разделённые узкими лесными полосами. Дорога шла то вверх, то вниз, и если пристально следить за холмами вокруг, то казалось, будто они живые, будто они всё время поднимаются и опускаются, одни вверх, другие вниз, заменяя друг друга перед твоими глазами, словно сама земля, заставленная снопами и стогами соломы, дышит под колёсами нашей машины.

–□Слушай, – спросила меня Верба, – а чем твои друзья занимаются? А то я по разговорам так поняла, что они разбойники с большой дороги.

–□Ну, ты почти правильно всё уловила. Борода – IT-консультант, кстати, довольно известный в узких кругах. Кун какие-то сайты продвигает, то ли порнуху, то ли интернет-стриптиз, я не вдаюсь в детали, мне неинтересно. А Высокий – торговый посредник, реализует списанные с заводов вагоны. Продаёт вагон за двадцать тысяч, платит десять тысяч заводу и ещё десять тысяч – откат заводскому завхозу.

–□А что ж он сам с этого имеет?

–□Головную боль. Ну так я понял, по крайней мере.

–□А этот твой... Че Гевара? Он копатель, да?

–□Да, Чеги – копатель. Этому прикурку не страшны ни менты, ни беспредельщики. Он из тех, кто однажды умрёт на копе. Причём я удивляюсь, как он до сегодняшнего дня вообще дожил. Они в прошлом году с бригадой идиотов ездили под Скадовск, расковыряли там греческое поселение позапрошлого тысячелетия. Так их посреди ночи выволокли из палатки люди в чёрных масках, построили в ряд и дали залп из автомата поверх голов. Честно говоря, я бы после такого решил завязывать. Я, собственно, после куда меньших неприятностей завязал.

—□ А Чеги?

—□ А он в этом году с компанией опять туда же ездил. Западнее, правда, за Лазурное. Тоже что-то там раскопали. У Чеги отличная интуиция, как, впрочем, у любого настоящего копателя.

—□ И что, много на этом можно заработать?

—□ Ну... смотря где копать, смотря что копать, смотря для чего копать.

—□ А что можно копать?

—□ Можно клады копать. Монеты там, иконы старые... хотя это лучше с металлоискателем по чердакам и подвалам поползать в старых домах. Можно золото мыть, правда, это лучше в Россию ехать.

—□ Клёст, ну я не об этом спрашиваю. Ты вот что копаешь, например?

—□ Я ничего уже не копаю, — я посмотрел на неё назидательно, — но если тебе интересно, то большинство копателей ковыряются в каком-то одном пласте. Во-первых, при изучении истории ты можешь уже специализироваться на каком-то периоде и какой-то культуре, а во-вторых, проще выбрать металлодетектор, если знаешь, на какой глубине твой слой лежит, со щупом проще работать, где ты одни и те же материалы прощупываешь, и так далее. Самый старый местный слой — это Триполье. На запад от нас, там, куда мы едем. Он глубоко лежит — метров до шести. Хотя так глубоко почти никто не копает, ищут, что поближе к поверхности. Железного там ничего не бывает, так что металлодетектор для этой темы не берут.

—□ А что берут?

—□ Щуп и прекрасные археологические труды отечественных учёных.

—□ Ты иронизируешь?

—□ Немного. Карты берут, в общем. А там — как повезёт. Это коп керамики, она довольно хрупкая и не слишком дорогая, тем более что интересуются ею, как правило, только отечественные коллекционеры. Так что разбогатеть на этом нельзя.

—□ А на чём можно?

—□ На следующих слоях. Скифы — на юго-востоке страны, мы как раз сейчас от них уезжаем, — я махнул рукой назад, — эти от двух-трёх метров лежат и глубже. Особенно глубоко копать надо, если курганы раскапываешь, но этим любители почти не занимаются. Убить могут. Тут надо иметь «крышу» и «лапу». Подгоняешь экскаватор — и достаёшь из кургана всё, что там есть, пока нервные вооруженные парни охраняют территорию.

—□ И много там есть?

—□ Бывает — почти ничего, а бывает — десять-двадцать килограммов золота. Впрочем, курганы разрыли уже почти все. Чуть южнее лежит ещё один слой — греки. Это в ту сторону от нас, — я показал рукой. — Они селились по всему побережью, и, бывает, ребята раскапывают довольно приличные хабары.

—□ Что раскапывают?

—□ Хабары.

—□ Взятки, что ли?

—□ Нет, — засмеялся я, — так называют добычу на копе. Я помню, у меня в Питере с этим словом смешная была история. Они там бычки сигаретные называют «хабариками».

—□ Хабарики у поребриков.

—□ Перед парадными. Хабарики у поребриков перед парадными.

—□ И куда эти хабарики продают? Я имею в виду, с копа, а не от поребриков перед парадными...

—□ Смотри какой хабарик. В Россию в основном вывозят. Там большой рынок антики. Особо редкие штуки везут в Европу, там их можно продать дороже.

—□ А что ещё копают?

—□ Ну ещё, конечно, копают войну. Тут географических ограничений нет. Война — она кругом вокруг нас. И там, откуда мы уезжаем, и на севере, и на юге, и впереди, там, куда мы едем. Впрочем, тут есть, конечно, свои нюансы.

–□И с чем они связаны?

–□В первую очередь с тем, какую именно войну ты копаешь.

–□И что, можно Куликовскую битву раскопать?

–□Не хочется тебя расстраивать, подруга, но Куликовскую битву уже раскопали до нас. Там не только останков – даже следов уже не осталось. А вообще, реально начинать раньше, скажем, наполеоновских войн нет смысла. Слишком мало информации по движению войск, локальным схваткам, карт почти не осталось.

–□А металл что, не сгнил с тех пор?

–□О, поверь. Тогда оружие делали из такого металла, что нынешнее по сравнению с ним – просто мусор. Оружие Второй мировой сгнило быстрее, чем пищали Бородинского сражения.

–□Серьёзно? И много тут копают, скажем, Отечественную войну восьмьсот двенадцатого?

–□Ну, тут её, положим, вообще не копают. Это надо на север ехать, в Беларусь, в Россию, всё интересное вдоль смоленской дороги лежит. Её не так уж много копают, но есть любители. Можно ещё на юг поехать, в Одесскую область, Румынию, Болгарию – поковыряться в русско-турецких войнах. Встречаются интересные находки. А здесь, на Украине, три главные войны – Первая мировая, она же Великая Отечественная, Гражданская и Вторая мировая, она же... тоже Великая Отечественная. У людей, которые давали войнам названия, с фантазией всегда было туго. Вот Вторую мировую в основном и копают, конечно.

–□И ты её копаешь?

–□Копал.

–□И что ищут?

–□Всё, что можно продать.

–□А что можно продать?

Я посмотрел на неё:

–□Зайти на «райберт» или на «аукцион» и посмотри. Оружие, боеприпасы, амуницию, деньги (хотя это редкость, конечно), документы. Иногда личные вещи солдат забирают, хотя нормальные копатели их не берут – это плохая примета. Ну и самое дорогое – награды, личные знаки и знаки отличия. Если не привередничать, то можно оптом всё толкать на слётах или через местные сайты. Но чтоб нормально на войне зарабатывать, надо искать редкие коллекционные экземпляры и продавать американцам. Эти за фашистскую атрибутику платят в среднем вдвое дороже, чем все остальные.

–□И за солдатские жетоны вроде того, что ты мне показывал?

–□Ну... да, и за них тоже. Хотя жетоны относительно недорогие, на них можно заработать, только если сотрудничать с фольксбундом или ещё какими-нибудь заинтересованными немцами.

–□А почему ты всё время про немцев говоришь? Что, у советских солдат не было жетонов?

–□Что ты, конечно, были! Такие коробочки из хрупкого дерьма, в которых лежал рулончик туалетной бумаги. На нём полагалось подробно записывать, кто ты, откуда, как звали твою собаку, с кем спал твоего деда дядя и всю историю государства Российского аж до Рюрика. От руки записывать, карандашом, своим почерком солдатским. Эти коробочки сгнивали в земле быстрее, чем успевал остыть убитый солдат. Но и те в сорок третьем году отменили.

–□И что, сегодня они никому не нужны?

–□Коробочки? Нет, они почти ничего не стоят. Или ты про солдат спрашиваешь?

–□Похоже, незавидная у советских солдат судьба.

–□Ну, я бы даже сказал, что сложно себе представить ещё какую-то группу людей в истории двадцатого века, у которых была бы такая же незавидная судьба, как у советских солдат. Они и при жизни никому не были нужны, и после смерти, в общем, не нужны

никому. Есть несколько поисковых организаций, которые занимаются перезахоронением в России, у нас и в Беларуси, но опознать же невозможно почти никого. То есть как выкопал, так и закопал обратно в землю. Непонятно, зачем вообще выкапывал.

Верба замолчала, видимо, удручённая незавидной судьбой советского солдата, и стала разглядывать бесконечные поля по сторонам дороги.

В Умани мы пообедали, и вскоре после выезда из города Верба опять уснула. Она проспала постепенную смену ландшафта, уменьшение числа полей вокруг и медленное, но уверенное наступление леса. Когда она снова проснулась, лес вокруг тянулся сплошной глухой стеной – настоящий, первобытный лес, изрядно, правда, пообтрёпанный многовековым соседством с людьми. Начинало темнеть, и я включил фары.

–□Где это мы? – спросила Верба.

–□Если верить дорожным знакам, только что проехали Летичев.

–□Хм... а более понятно ты можешь объяснить?

–□Где-то посередине между Винницей и Хмельницким. Скоро поворот на Меджибож.

–□Меджибож? Знакомое название. Там крепость какая-то, что ли?

–□Да, крепость. И могила основателя хасидизма.

–□Могила основателя хасидизма в Умани, где мы обедали. Ты всё перепутал.

–□Да, там тоже могила и тоже основателя хасидизма. Но другого. Это другой хасидизм.

–□Другой? Я не знала, что их несколько...

–□Да их до чёрта.

–□И что, у каждого хасидизма свой основатель, у каждого основателя – своя могила и каждая могила – еврейская святыня?

–□А ты как думала? Должны же жители центральной Украины хоть на чём-то деньги зарабатывать.

–□Пусть работать идут, – недовольно проворчала Верба и стала смотреть в окно.

Мы проехали поворот на Меджибож, затем ещё пару каких-то сёл и подъехали к Хмельницкому. Я свернул, оставаясь на Е50, переехал мосты и повернул вместе с дорогой. Было уже совсем темно, когда я съехал перед аэропортом на Н03.

–□До Каменца меньше ста километров, – сказал я и посмотрел на Вербу. Она улыбнулась мне сонной улыбкой, и я, стараясь запечатлеть в памяти этот момент, плавно повернул голову обратно, чтобы посмотреть на дорогу.

И окаменел.

Прямо на меня с бешеной скоростью нёсся огромный зубастый зверь.

Гадалка

Я ударил по тормозам, и машину немедленно занесло. С огромным трудом удержавшись на мокрой дороге, я в конце концов таки съехал одним колесом на обочину, но остановил машину за секунду до падения в глубокий кювет. Сила инерции наклонила нас с Вербой вперёд, натянув ремни безопасности, и отбросила назад после полной остановки.

Две или три секунды я сидел не шевелясь. Затем отстегнул ремень, распахнул дверь и выскочил из машины.

Дорога была свобода в обе стороны – наша машина была единственным объектом, способным двигаться, на несколько сотен метров, которые просматривались вокруг. Через несколько секунд сзади, по Е50, неторопливо проехал грузовик. Затем в воздух плавно поднялся самолёт с аэродрома справа от нас. По Н03 никто не ехал, не шёл и не бежал. Я хотел было залезть в багажник и достать фонарик, чтобы рассмотреть всё подробно, но успокоился и передумал. Нет, я ничего не увижу.

Открылась дверь пассажирского места, и из машины вышла Верба.

–□Что это было?..

–□А что ты видела?

Она посмотрела на меня и медленно пожала плечами:

–□ Не знаю... какую-то тень... чёрт, я ТАК испугалась!

–□ Ну, ты знаешь, тут я с тобой солидарен. Это было чертовски страшно.

–□ А что ты видел?

–□ Это... какой-то зверь... да, словно тень, но огромная, очень чёткая тень, бежала по дороге прямо на нас и бросилась на лобовое стекло. А потом растворилась...

–□ Чёрный пёс?

–□ Что?

–□ Ну, знаешь, эти байки про чёрного пса, который рыщет по дорогам и бросается на спящих водителей?

–□ Да я вроде не спал... Я ж как раз сказал что-то... что до Каменца меньше ста километров, вот что я сказал. Помнишь?

–□ Да. Да, сказал. Слушай. А может, это был волк? Ну, там... отбилась от своей стаи, вышел из тростников и безобразничает...

–□ Нет, это был не волк. Я представляю себе, как выглядит волк, и это был не он. Это был не пёс, это был не волк, это была не лиса, это вообще не было похоже ни на одно животное, которое я знаю.

–□ Так что ж это было такое?

Остаток пути мы проделали без приключений и без единого слова. В Каменец мы въехали уже поздним вечером – город горел множеством огней, над которыми возвышалась ярко подсвеченная громада замка.

Гостиницу мы нашли практически сразу по описанию маршрута с сайта: за переездом через Смотрич налево и ещё раз налево, к реке. «Заблудившийся единорог» представлял собой трехэтажное здание, обшитое деревом, с маленьким фонтанчиком перед входом и фигурной решёткой в полтора человеческих роста вокруг территории. Справа была небольшая стоянка, машин на десять. Сейчас на ней стояли две машины: одна аккуратно на одном парковочном месте, другая – поперёк, перегораживая сразу три. Я поставил свою машину сбоку, подхватил сумку с ноутбуком и сумку Вербы, и мы направились к гостинице.

Фойе «Единорога» от пола до потолка было отделано деревом, в том же стиле, что и фасад гостиницы. За деревянной стойкой рецепции на фоне деревянной стены стояло маленькое бесполое существо неопределённого возраста с огромной копной рыжих волос и смотрело прямо перед собой. Мы подошли к стойке.

–□ Добрый день, – сказал я.

Существо не ответило. Я внимательно разглядывал его. Крохотного роста – стойка рецепции была ему по шею – существо было довольно толстым. Оно было одето в форменную одежду гостиницы с бейджем, на котором, наверное, было его имя. Но бейдж был пристёгнут к груди существа ниже уровня стойки и под каким-то странным углом смотрел вниз, поэтому имя мы прочесть не смогли. Сверху на бочковидном туловище располагалась круглая, даже чуть приплюснутая голова со спутанными крашеными волосами и совершенно жабым лицом. Существо смотрело прямо перед собой, не поднимая глаза на посетителей.

–□ Мы бронировали номер, – сказал я, подождал ещё секунду и пощёлкал пальцами в воздухе. – Алё-о. Добрый день. Вы здесь, с нами?

–□ Я тут, с вами, – ответил мне сзади приятный женский голос.

Я обернулся. От входных дверей к нам шла симпатичная молодая девушка в гостиничной униформе с бейджем, на котором было отчётливо написано: «Оксана».

–□ Всё, Марыля, можешь идти, – сказала девушка, зайдя за стойку, и медленно погладила существо по голове. Марыля повернулась и, так и не взглянув на нас, обошла стойку и скрылась за боковой деревянной дверью.

–□ Мы бронировали номер, – сказал я и положил на стойку паспорт. Верба положила свой.

–□ Один номер или два? – спросила Оксана.

–□ Два одноместных, – сказала Верба, – я сегодня утром звонила.

—□ Да-да, конечно, — сказал Оксана, отскерила наши паспорта, попросила расписаться в журнале и протянула нам наши ключи: — Вот, пожалуйста. По лестнице на второй этаж и налево. Ваши номера рядом. Желаю хорошо отдохнуть в отеле «Заблудившийся единорог».

—□ Спасибо, — сказал я и поднял сумки. — Вай-фай у вас везде работает?

—□ У вас в номере должен быть. Подождите, вот, возьмите, — она протянула мне маленькую бумажечку, — это пароль авторизации. У нас тут... если без пароля включить... соседи подключаются и...

—□ Везде так, — успокоил я её.

Мы поднялись на второй этаж и разошлись по номерам. Я бросил сумку возле кровати и первым делом достал и включил компьютер. Я очень хотел залезть в душ и помыться, но любопытство оказалось сильнее. Синдром современного человека — мы проверяем почту с утра до того, как идём чистить зубы, и не можем заснуть без ровного гудения кулера.

Хаим прислал мне письмо шесть минут назад.

«Hallo, Kreuzschnabel.

Wir haben Geld bekommen, danke. Wie du wisst, das auswirkt sich sehr positiv auf meine Motivation, und ich habe im Stapels altens Papier durch ganz Berlin zu gewühlt gestürmt.

Ich kann nicht sagen, dass es einfach war, aber ich sammelte ein paar Dinge über Hans Brueghel. Und so seltsam zu sagen, aber ich erwartete, dass je mehr ich lerne, desto mehr klares Bild werden. In der Tat passiert ein Gegenteil.

Hans Brueghel wurde in Mühlhausen, Thüringen (Regierungsbezirk Erfurt), 1. November 1901 geboren. Er studierte in der Vorschule, dann Gymnasium. Anfang 1918 trat er in die Armee als Kriegsfreiwilliger ein, hat in den Krieg ein paar Monaten geführt, und sogar bis zu Unteroffizier gebracht. Nach dem Krieg er studiert Jura in Göttingen und München, dann im Freiburg und Marburg. Er dientet in verschiedenen staatlichen Strukturen als Regierungsreferendar, dann als Regierungsassessor. Im Jahre 1926 wurde er Mitglied der Deutschen Volkspartei, und im Jahre 1930 in der NSDAP beigetreten, im gleichen Jahr hat er zum ersten Mal Bolivien als militärischer Berater besucht. Aber laut Augenzeugen schimpft er mit Röhm, und fährt zurück nach Deutschland. Im Jahre 1931 hat er im SS beigetreten, und im Jahre 1932 ist er nach Bolivien in der Suite von Hans Kundt gekommen, wo das Kommando über die Batterie mit dem Rang eines Feldwebel nimmt, dann als Leutnant. Nach dem Rücktritt von Kundt dient weiterhin in der Armee von Bolivien unter dem Kommando von Dr. Wilhelm Brandt vor dem Ende der Chacokrieg.

Im Jahre 1935 kommt er nach Deutschland zurück, wo er in den Dienst zu SS Einheit «Totenkopf» getreten wurden. Vor 1938 — in Dachau, und dann in Oranienburg, in der Verwaltung der SS. Soviel ich verstehe, dass Brueghel einer besten Experte über dem KZ Rationierung in Deutschland war.

Im Jahr 1939 hat Brueghel um eine SS Verfügungsdivision als Offizier der VI Abteilung eingerückt, und bleibt bei der Division in dieser Position bis zu seiner Vermisung. Brueghel wurde nach Kamenez-Podolsk 3. Juli 1943 kommandieren, in der Fassung, die in den Dokumenten angegeben ist, im Zusammenhang mit der Reorganisation des jüdischen Ghettos — das heißt, als Rationierung Berater. Er kam in Kamenetz 7. Juli, hat registriert, und seit diesem Augenblick verlasstet er mehr auf die Beziehung mit einem offiziellen Personen nicht. 15. Juli wurde er als vermißt gemeldet, und in der Verluste Zusammenfassung ist der 2. SS Division «Das Reich» genannten.

Das ist eigentlich alles, was ich aus seine Biographie erfahren konnte.

Nun analysieren wir das.

Der Anfang Brueghels Biographie kam mir bekannt vor, und ich schnell mit anderen Quellen vergleicht: es wiederholt die Biographie von Regierungspräsident Kurt Klemm, aber mit einem Abstand von 7 Jahre. Klemm ist auch aus Mühlhausen, ging auch durch die erste Weltkrieg, ist auch Jurist, war Mitglied der Volkspartei, und hängte herum für eine lange Zeit in verschiedenen bürokratischen Positionen in der Staatsapparates. Jedoch konnte ich eine Verbindung zwischen diesen Personen bis zu 1943 nicht zu finden.

Gehen wir fort. Brueghels Dienst in Bolivien als militärischer Berater sieht seltsam aus. In der

Chacokrieg fuhr die ausgewachsener Wölfen, die Erste Weltkrieg meist in den Rang von Offizieren beendeten, das Durchschnittsalter der deutschen Berater betrug da 40–45 Jahre. Es waren Burschen jünger, sagen wir, Wilhelm Brandt ist nur ein Jahr älter als Brueghel, aber Brandt ist nicht ein Jurist, er ist ein professioneller Soldat! Was hat Brueghel da vergisst? Und was ist das ein idiotische Verweis auf den Streit Brueghels und Röhm's? Wie könnte Feldwebel, das interessiert mir, sich mit einem Mann auf den politischen Einfluss zu Hitler nahegelegen entzweien?

Weiter – Brueghel verändert unerwartet Spezialität, und von der Artillerie ein KZ Rationierung Normer geworden. Das ist ein seltener Beruf, und ich würde mich nicht wundern, wenn Sie vorher davon nicht gehört hat. Weil die Stärke der Konzentrationslager Häftlinge immer verändert, war es notwendig der Versorgungssystem und vor allem Profitpläne flexibel anzupassen.

Zum Beispiel sind ein Durchschnitt von 100 zufällig Häftlinge in die Munde 70 Goldzähne gehalten. Wenn ein Beispiel von Vertretern der reichen Kaufleute und der Bourgeoisie – dass für 100 Menschen 120 Goldzähne werden. Das ist ähnlich Berechnungen diese Kerle beschäftigt sich.

Wie lange kann ein Mensch durchschnittlich leben, wenn er eine Kartoffel am Tag gefüttert war, wie viele braucht man Häftlinge für die Asche auf 1 Hektar Saat zu düngen, und so weiter.

Es gibt über Brueghels Dienst in einem «Totenkopf» keine Fragen, nur ist es unklar, warum kurz zuvor dem Krieg ging er in der eigenen KZ Division «Totenkopf», die gleichzeitig mit «Das Reich» begründet wurde. Es kann übrigens durch Protektionismus erklärt werden: Wilhelm Brandt, ein guter Bekannt von Brueghel, befiehlt in dieser Zeit der 11. SS Regiment im Bestande von «Das Reich». Auf der anderen Seite – in der «Totenkopf» Brueghel sollte auf jeden Fall nicht weniger Freunde und Bekannte haben, als in «Das Reich». Rätsel...

Nun – Reise nach Kamenez-Podolsk. Erstens, wie du selbst bemerkt hast, am Vorabend einer Jahres großen Offensive sieht die Kommandierung nach Hinterland seltsam. Und so ein dummer Grund: die Reorganisation des Ghettos. Das ist kaum eine Erklärung. Da es ein Spezialist in der Hinterland nicht zu finden war, sollten auf jeden Fall von der Front heraustrufen?

Zweitens, im Sommer in der 43. gab es keine Reorganisation des Ghettos in Kamenez, zumindest, soweit ich weiß.

Die Erklärung für diese Reise könnte ein Zusammenhang zwischen Brueghel und Kurt Klemm sein, der damals als General-Kommissar der Wolhynien-Podolien war. Brueghel eingekehrt gerade nach Luzk zu ihm wurde, bevor der Reise nach Kamenetz. Aber, wie ich habe gesagt, außer eine Reihe von gleichen Elementen der Biographie, fand ich keine Verbindung zwischen diesen Personen.

Das ist Alles für heute.

Ich sitze immer noch mit eine Paar Folianten, die aus den Archiven entnommen war, aber ich bin nicht sicher, ob ich dort etwas nützlich finden wäre. Morgen wird ich fortsetzen.

Schreibe mir,

Chaim»⁹.

⁹ «Привет, Клест.

Деньги мы получили, спасибо. Как ты понимаешь, это самым благотворным образом сказало на моей мотивации, и я ломанулс ковыряться в стопках старых бумаг по всему Берлину.

Не могу сказать, что это было легко, но я собрал кое-что о Гансе Брейгеле. Причём, странное дело, но я ожидал, что чем больше я буду узнавать, тем более ясной будет становиться картина. В действительности же происходит наоборот.

Ганс Брейгель родился в Мюльхаузене, Тюрингия, 1 ноября 1901 года. Окончил начальную школу, потом гимназию. В начале 1918 года ушёл в армию добровольцем, успел повоевать несколько месяцев и даже дослужиться до унтер-офицера. После войны учился праву в Гёттингене и Мюнхене, затем во Фрайбурге и Марбурге. Служил в различных государственных структурах регирунгсreferentом, затем регирунгсассессором. В 1926 году стал членом Немецкой народной партии, в 1930 году вступил в НСДАП, в том же году впервые посещает Боливию, как военный советник, но, по свидетельствам очевидцев, ругается там с Рёмом и уезжает назад в Германию. В 1931 году вступает в СС и в 1932 году приезжает в Боливию уже в свите Ганса Кундта, где принимает командование батареей в звании фельдфебеля, затем лейтенанта. После отставки Кундта продолжает служить в армии Боливии под командой Вильгельма Брандта до конца Чакской войны.

В 1935 году возвращается в Германию, где поступает на службу в подразделение СС «Мёртвая голова». До 1938 года – в Дахау, затем – в Ораниенбурге, в управлении СС. Насколько я понял, Брейгель был одним из

Я перечитал письмо два раза. Всё-таки Хаим был отличным историком, не знаю даже, где он всё это откапывал. Я поднял ноутбук с кровати, поставил себе на колени и написал ответ:

«Hallo, mein Freund.

Danke vielmals, hier gibt es von dem ausgehen.

Aber ich habe wieder eine dumme Frage. War Kurt Klemm als Generalkommissar der Wolhynien-Podolien? Warum dachtete ich immer, dass er die Generalbezirk Shitomir verwaltet, und der Generalkommissar der Wolhynien-Podolien war Schöne?

Kreuzschnabel»¹⁰.

лучших в Германии специалистов по лагерному нормированию.

В 1939 году Брейгель вступает в резервную дивизию СС в качестве офицера VI отдела и остаётся в дивизии на этой должности до момента своего исчезновения. Брейгель был командирован в Каменец-Подольский 3 июля 1943 года по той версии, которая указана в документах, в связи с реорганизацией еврейского гетто – то есть как консультант-нормировщик. Он приехал в Каменец 7 июля, зарегистрировался и с этого момента не выходил больше на связь ни с одним официальным лицом. 15 июля объявлен пропавшим без вести и указан в сводке потерь 2-й дивизии СС «Дас Райх».

Вот, в общем-то, всё, что мне удалось узнать из его биографии. Теперь проанализируем всё это.

Начало биографии Брейгеля показалось мне знакомым, и я быстро сверился с другими источниками: оно повторяет биографию рейхсфюрера Курта Клемма, но с интервалом в 7 лет. Клемм тоже из Мюльхаузена, тоже прошёл Первую мировую, тоже юрист, был членом народной партии и довольно долго околачивался на разных бюрократических должностях в госаппарате. Однако обнаружить какую-то связь между этими людьми вплоть до 1943 года мне не удалось.

Идём дальше. Служба Брейгеля в Боливии в качестве военного консультанта выглядит странно. На Чакскую войну ехали матёрые волки, в основном закончившие Первую мировую в ранге офицеров, средний возраст немецких консультантов там был 40–45 лет. Были ребята моложе, скажем, Вильгельм Брандт всего на год старше Брейгеля, но Брандт не юрист, а профессиональный военный! Что Брейгель там забыл? И что это за идиотская ссылка на ссору Брейгеля и Рёма? Как это, интересно, фельдфебель мог поссориться с человеком, по политическому влиянию приближающимся к Гитлеру?

Далее Брейгель неожиданно меняет специальность и из артиллериста становится концлагерным нормировщиком. Это редкая профессия, и я не удивлюсь, если ты раньше о ней ничего не слышал. Поскольку численный состав заключённых в концлагерях всё время менялся, необходимо было гибко адаптировать системы снабжения и, главное, планы по прибыли. Например, в среднем 100 случайных заключённых содержат во ртах 70 золотых зубов. Если в выборке представители зажиточного купечества и буржуазии – то на 100 человек будет 120 золотых зубов. Вот подобными расчётами и занимались эти ребята.

Сколько в среднем может прожить человек, если кормить его одной картошкой в день, сколько заключённых уходит на пепел для удобрения 1 гектара посевов, ну и так далее.

По самой службе Брейгеля в «Мёртвой голове» вопросов нет, непонятно только, почему накануне войны он не пошёл служить в собственную дивизию концлагерников «Тотенкопф», которая создавалась одновременно с «Дас Райх». Впрочем, это можно объяснить протекционизмом: Вильгельм Брандт, хороший знакомый Брейгеля, в этот момент командовал 11-м полком СС в составе «Дас Райх». С другой стороны, в «Тотенкопфе» у Брейгеля точно должно быть не меньше друзей и знакомых, чем в «Дас Райх». Загадка...

Теперь – командировка в Каменец-Подольский. Во-первых, как ты и сам заметил, накануне крупнейшего наступления года командировка в тыл выглядит странно. И такой идиотский повод, как реорганизация гетто, едва ли может быть объяснением. Что, нельзя было найти специалиста в тылу, обязательно надо вызывать с линии фронта? Во-вторых, летом 43-го в Каменце не было никакой реорганизации гетто, по крайней мере, насколько я знаю.

Объяснением этой поездки могла бы быть связь между Брейгелем и Куртом Клеммом, который тогда был генерал-комиссаром Волыни – Подолья. Именно к нему Брейгель заезжал в Луцк перед поездкой в Каменец. Но, как я уже сказал, кроме ряда идентичных элементов биографии, я не обнаружил больше никакой связи между этими людьми.

На сегодня всё.

Я ещё сижу над парой позаимствованных из архивов фолиантов, но не уверен, что найду там что-нибудь полезное. Завтра продолжу.

Пиши,
Хаим».

¹⁰ «Привет, друг.

Спасибо огромное, здесь есть, от чего оттолкнуться.

Только у меня опять глупый вопрос. Разве Курт Клемм был генерал-комиссаром Волыни – Подолья? Почему

Ответ от Хаима пришёл сразу:

«Komm zu ICQ»¹¹.

Пока я удалял спам, Хаим уже накатал мне целую повесть.

«Chaim : Hallo, hallo, tausend Jahre hat mit dir on-line nicht kommuniziert. Ich bin froh, dass du dich nach dem Klemm erkundigst, ich habe noch nicht alles geschrieben, was ich wollte. Seit 20. Oktober 1941 Kurt Klemm war Generalkommissar des Generalbezirk Shitomir. 26. Oktober 1942 gibt er seinen Bezirk dem Ernst Ludwig Leyser über, um den 28. Oktober nehmen Generalbezirk Wolhynien-Podolien beim Heinrich Schöne über, der seinerseits begibt sich zurück nach Königsberg als Inspekteur der Marine-SA. Diese völlig offen, einfache und konsistente Information gelingt jedoch immer wieder in die Weite der Bücher-Forschung und On-linelexik verloren in denen es oft kein Wort gibt, dass Klemm Wolhynien-Podolien angenommen hat und nach Luzk umgezogen ist. Es gibt eine Reihe von Quellen, wo es sich enthält, dass Klemm Schitomir Leysers vorübergehend gab, und dann nimmt es zurück über – wobei man selbst nicht phantasiert, wo Klemm den wenigen Monaten war, dass Leyser der Bezirk geführt hat. Wovon kommt diese Verwirrung in einen so einfache und bekannte Satz der Tatsache?

Crossbill : Freund, na, wie kann ich wissen?

Chaim : Es war eine rhetorische Frage.

Chaim : Wartst du, ich sage noch dir.

Chaim : Da ist noch seltsam mit Klemm. Er war an der Generalbezirk Schitomir so spät im September 1941 eingesetzt, wenn die Hälfte der Ukraine schon besetzt war. Klemm, zu erinnern, war der einzige zivile Generalkommissar in der Ukraine, der Rest war Berufssoldaten.

Chaim : Warum, zum Teufel, muss ein Zivilist, professioneller Juristen alles verlassen und gehen, wo man die Füchse gute Nacht sagt, in der Mitte des blutiges Gemetzel? Darüber einer Person, wer die etwas verlieren hat – nach unseren Maßstäben war er Bürgermeister einer mittelgroßen und relativ wohlhabenden Stadt.

Crossbill : Na, vielleicht war er ein Fanatiker der Idee?

Chaim : Vielleicht. Weiter sehen. Klemm kam nach Shitomir, und in ein paar Monate, nach fragmentarische Daten ich habe, beginnt dem Schöne ein Bein zu stellen. Er hat einer komplizierten Intrige mit der Versetzung Schöne in der Marine-SA begonnen, für ein Jahr später versetzt sich schließlich zum Wolhynien-Podolien. Was treibt ihn aus Schitomir?

Crossbill : Hat verpasst?

Chaim : Ja, ja, es ist ähnlich schon.

Chaim : Sehen weiter.

Chaim : Im Juli 1943 Klemm herbestellt Brueghel brieflich (Ich habe keine Dokumente, aber wer sonst zum Bezirk Rationierungsspezialist anfordern könnte?). 3. Juli Brueghel verlässt der Standort der Einheit. 6. Juli Brueghel kommt nach Lutsck. Wahrscheinlich hat er mit Klemm getroffen. 7. Juli Brueghel kommt nach Kamenez-Podolsk, und dann hat niemand ihm gesehen. Nach 8 Tagen, am 15. Juli, wurde Breughel als vermißt gemeldet. Und nach 5 mehr Tagen, am 20. Juli, als es klar wird, dass Brueghel wieder nicht kommt, wurde Klemm seines Amtes enthoben.

Crossbill : Zufall?

Chaim : Vielleicht. Mindestens so würde ich vor einer Woche beschlossen haben. Im Krieg sind Zufälle überall. Aber vor vier Tagen werde ich einen Brief an meinen alten Freund aus der Ukraine mit einem gefälschten EM Brueghels bekommen, der behauptet, dass er ein Kunde hat, der in diesem Charakter und sein Los interessiert hat. So ist es nicht so einfach:-)

Crossbill : Du hast recht, mein Freund. Es ist nicht so einfach:-)

Chaim : Nun, eigentlich, habe ich nicht für dass dich im ICQ zu kommen gebeten. Ich

я всё время думал, что он управлял генеральным округом Житомир, а генерал-комиссаром Волыни – Подолья был Шёне?

Клёст».

¹¹ «Выйди в ICQ».

möchte dir zu erfreuen – ich grub noch ein nützliches Stück.

Crossbill : Welches?

Chaim : Es ist eine Adresse von Hans Brueghels im Kamenez.

Crossbill : IST DAS ERNST?

Chaim : Absolut, mein Freund. Ich habe dir nicht sofort geschrieben, denn ich verstehen versucht, wo es ist – die Besatzungsmacht die ganze Zeit auf die Straße umzubenennen, den deutschen Namen, den lokalen vorrevolutionären, dann wieder zurück. Brueghel lebte auf der Straße Russisch, 46, in der vierten Wohnung. Soviel verstehe Ich von den Karten, es ist aus Novoplanovskiy Brücke links, das sechste Haus auf der rechten Seite der Straße. Wenn es nicht abgebrochen sein, natürlich, so viele Jahre vergangen sind.

Chaim : Fertigbringst zu finden?

Crossbill : Natürlich! Danke vielmals!¹²

¹² **Chaim** : Привет, привет, тысячу лет с тобой в онлайн не общался. Хорошо, что ты спросил про Клемма, я про него не всё написал, что хотел. С 20 октября 1941 года Курт Клемм был генерал-комиссаром генерального округа Житомир. 26 октября 1942 года он сдаёт свой округ Эрнсту Людвигу Лейсеру с тем, чтобы 28 октября принять генеральный округ Волынь – Подолье у Генриха Шёне, который, в свою очередь, отправился назад в Кёнигсберг на должность инспектора ВМФ. Эта абсолютно открытая, простая и непротиворечивая информация умудряется раз за разом теряться на просторах книжных исследований и интернет-энциклопедий, где часто нет ни слова о том, что Клемм принял Волынь – Подолье и переехал в Луцк. Есть целый ряд источников, где утверждается, что Клемм передал Лейсеру Житомир временно, а потом принял его обратно – причём там даже не пытаются фантазировать о том, где был Клемм те несколько месяцев, что округ возглавлял Лейзер. Откуда взялась эта путаница в таком простом и хорошо известном наборе фактов?

Crossbill : Друг, ну откуда я знаю?

Chaim : Это был риторический вопрос.

Chaim : погоди, я тебе ещё расскажу.

Chaim : С Клеммом ещё вот что странно. Он был нанят на генеральный округ Житомир в сентябре 1941 года, когда пол-Украины уже было оккупировано. Клемм, напомним, был единственным гражданским генерал-комиссаром на Украине, все остальные были кадровыми военными.

Chaim : На кой чёрт гражданскому лицу, профессиональному юристу, бросать всё и отправляться к чёрту на кулички, в центр кровопролитнейшей бойни? Причём лицу, которому было что бросать, – по нашим меркам он был мэром среднего по величине и довольно преуспевающего города.

Crossbill : Может быть, он был фанатиком идеи?

Chaim : Может быть. Смотрим дальше. Клемм приезжает в Житомир и уже через несколько месяцев, по обрывочным данным, которые есть у меня, начинает подсиживать Шёне. Ему приходится идти на какую-то сложную интригу с переводом Шёне в ВМФ, чтобы через год в конце концов перевестись в Волынь – Подолье. Чего ему не сиделось в Житомире?

Crossbill : Промахнулся?

Chaim : Вот-вот, похоже на то.

Chaim : Смотрим дальше.

Chaim : В июле 1943 года Клемм выписывает к себе Брейгеля (у меня нет никаких документов, но кто же ещё мог запросить в округ специалиста-нормировщика с фронта?). 3 июля Брейгель уезжает из расположения части. 6 июля Брейгель приезжает в Луцк. Вероятно, встречается с Клеммом.

7 июля Брейгель приезжает в Каменец-Подольский, и больше его никто не видит. Через 8 дней, 15 июля, Брейгеля объявляют пропавшим без вести. И ещё через 5 дней, 20 июля, когда становится понятно, что Брейгель не вернётся, Клемма отстраняют от должности.

Crossbill : Совпадение?

Chaim : Может быть. По крайней мере, именно так бы я и решил ещё неделю тому. На войне повсюду совпадения. Но четыре дня назад мне написал письмо мой старый друг из Украины с поддельным жетоном Брейгеля, который утверждает, что у него есть заказчик, интересующийся этим персонажем и его судьбой. Так что не всё так просто:-)

Crossbill : Ты прав, друг. Не всё так просто:-)

Chaim : Ну я, собственно, не для того тебя просил в ICQ выйти. Я хотел тебя порадовать – я всё-таки раскопал одну полезную штуку.

Crossbill : Какую?

Chaim : Адрес Ганса Брейгеля в Каменце.

Crossbill : ЧТО, СЕРЬЁЗНО???

Chaim : Абсолютно, друг. Я не написал тебе сразу, потому что пытался понять, где это – оккупационные власти всё время переименовывали улицы то в немецкие названия, то в местные дореволюционные, то обратно. Брейгель жил на улице Русской, 46, в четвёртой квартире. Насколько я понял по тем картам, что есть у меня,

Мы потрепались с Хаимом немного о жизни, он рассказал мне свежий анекдот про Марту и отправился пить кофе. Я отложил ноутбук и пошёл в ванную.

Когда я уже начал расстёгивать ремень на джинсах, в дверь громко и отчётливо постучали.

—□ Кто там? – спросил я.

Никто не ответил.

Я застегнул ремень и открыл дверь – никого не было. Я высунул голову в коридор, посмотрел налево, а затем направо за долю секунды до того, как кто-то маленький и рыжеволосый скрылся за поворотом коридора.

—□ Эй! – крикнул я и выскочил в коридор в одних носках. – Кто там? Марыля?

В коридоре стояла мёртвая тишина.

Полубегом я допрыгал до поворота коридора и столкнулся нос к носу с Вербой.

—□ Ой! Ты чего тут бегаешь? Да ещё босиком?

Я посмотрел за поворот коридора, но там никого не было.

—□ Я... да я тут... а ты здесь чего делаешь?

—□ Я ходила проверять, что тут за ресторан. Выглядит довольно прилично. Ты ужинать собираешься?

—□ Я... ну да, наверное.

—□ Тогда идём.

Я ещё раз посмотрел по сторонам и кивнул:

—□ Сейчас, только обуюсь.

За ужином я сказал Вербе, что знаю адрес места, где останавливался Брейгель, и завтра мы туда сходим, а Верба спросила у меня, не боюсь ли я искать то, не знаю что.

—□ Что ты имеешь в виду?

—□ Ну, ты ведь понятия не имеешь, что в конце концов найдёшь.

—□ Естественно. Если бы я знал, что найду, – какой смысл был бы искать?

—□ А вдруг этот Брейгель... ну, не знаю. Дьявол во плоти какой-нибудь. И ты его воскресишь своими поисками.

—□ Ну да, а вдруг этот жетон на самом деле – атомная бомба.

Какое-то время мы ели молча, потом Верба посмотрела на меня и начала рассказывать не замолкая:

—□ Знаешь, у меня когда-то был знакомый маркетолог. Он рекламировал кучу всякой ерунды, и в конце концов каким-то из продуктов, которые он разрабатывал, отравились маленькие дети. После этого он ушёл из своего агентства, а через несколько недель притащил к нам в издательство роман про PR-кампанию ада. Сюжет у него был такой.

В департаменте управления делами ада начали понимать, что проигрывают битву добра и зла, причём не на ратном поле, а в массмедиа. Они решили нанять маркетолога – человека, который берётся опротестовать доктрину христианской церкви на основе того, что выбор места для блаженства и для страдания был сделан церковью без проведения соответствующего тендера. При подготовке к тендеру проводится полный аудит всех служб ада (производство – смолы, металлы, горючие смеси и так далее, вся логистическая цепочка – от добычи ископаемых и смерти грешников до конечного потребления; служба обслуживания клиентов – непосредственно котлы, и черти, и всё такое), проводится сертификация по ISO9001, организуется call-центр, assessment-центр, всё приводится в соответствие с нормами. В итоге по правилам Евросоюза католической церковью проводится тендер, который выигрывает ад, причём на оба места пребывания, как для грешников, так и для праведников.

это от Новоплановского моста налево, шестой дом по правой стороне улицы. Если его не снесли, конечно, столько лет прошло.

Chaim : Сумеешь найти?

Crossbill : Конечно! Спасибо огромное!

–□И чем всё закончилось?

–□В итоге маркетолог прозрел. Он понял, что теперь все люди до скончания века будут попадать только в ад, и сидит на факсе, отправляет своё резюме в небесную канцелярию. А там всё время: занято, занято, занято...

Я улыбнулся:

–□То есть ты хочешь сказать, что мне пора садиться на факс отправлять своё резюме в небесную канцелярию?..

–□Я думаю, что всем нам пора садиться на факс отправлять своё резюме в небесную канцелярию.

–□С этим я не стану спорить. Но это не исключает того факта, что перед тем, как принимать решение – любое решение, надо сначала понять, с чем ты имеешь дело. Собрать информацию, изучить вопрос, получить контроль над ситуацией. И уже после этого решать, куда бежать и что делать. Разве нет?

Верба задумчиво жевала. В конце концов она проглотила то, что у неё было во рту, запила вином и посмотрела на меня:

–□В чём-то ты прав. В любом случае, свернуть с этой дороги мы с тобой уже не можем, я это чувствую. Ну так давай доедем по ней до конца и посмотрим, что там.

Дом номер сорок шесть по улице Русской не имел вывески, говорящей о том, на какой улице он находится и какой у него номер, и никто из находящихся на улице людей не смог нам подсказать. Я ещё раз проверил описание Хаима по карте, которая у него была – да, это тот дом, сомнений быть не могло.

Это была старая – девятнадцатого или даже восемнадцатого века – двухэтажная постройка в стиле позднего барокко. Она была изрядно обветшалой, и в осыпавшейся местами фасадной штукатурке с трудом угадывался салатовый цвет – дом красили последний раз не меньше двадцати лет назад. Здание стояло не на улице, а чуть-чуть в глубине, за линией неплохо сохранившихся и отреставрированных домов, небольшим палисадником и огромной мусорной свалкой. По центру дома был подъезд – большая двустворчатая дверь, заколоченная деревянными досками. Я прошёлся вдоль фасада. Здание не было сильно обжитым, но и брошенным тоже не выглядело. Я пару раз подпрыгнул, чтобы заглянуть в окна. Нет, в доме точно кто-то жил.

–□Давай обойдём дом по периметру. Я справа, ты слева, встретимся с обратной стороны.

Верба кивнула, и мы разошлись. Я успел обогнуть угол, как услышал её голос:

–□Клёт!

Крик был громким, но не звучал испуганным, поэтому я спокойно вернулся и зашёл с другой стороны, вслед за Вербой. Она стояла перед незаметной со стороны лестничкой вниз, упиравшейся в прочную дубовую дверь какого-то полуподвального помещения. На двери большими буквами было написано:

«КОРЕКЦІЯ КАРМИ» и ниже – «Відкрито завжди».

–□Это то, что мы искали? – спросила Верба и посмотрела на меня.

–□Уверен, – сказал я, спустился по лестнице и постучал в дверь.

Никто не ответил.

Тогда я взялся за дверную ручку и потянул дверь на себя. Та нехотя открылась.

Мы попали в небольшую прихожую, из которой, кроме двери с улицы, было ещё два выхода: тяжёлая дверь с кованой решёткой справа вела, вероятно, куда-то в подвал, и прямо перед нами находились деревянные, крашенные отвратительной белой краской двери со стёклами, закрытыми тканевыми занавесками. Я толкнул двери и прошёл вперёд, в комнату. Одна из дверей зацепила висящий под потолком колокольчик, сообщивший хозяину о нашем присутствии.

Комната, в которую мы вошли, была погружена в полумрак – в ней не было окон, и единственным источником света была лампа с тяжёлым тканевым абажуром с рюшечками. Это была небольшая комната, набитая всякой всячиной: на полу лежал потёртый ковёр,

справа стояла большая плетёная корзина с копьями, а за ней – сервант с посудой, янтарными стопками, чёрными африканскими статуэтками и тайскими жабами с палочками во рту, огромными ракушками и деревянными шкатулками. Слева на полу стояла кадка с фикусом, торшер невразумительного цвета, а в углу – здоровенное потёртое кресло с отделкой из вельвета. На стенах висели букеты сухих цветов, карта звёздного неба, небольшая янтарная икона и репродукция «Юдифи» Джорджоне. В комнате никого не было.

Двери за нами плавно закрылись, хотя я и не заметил доводчиков. Обернувшись, чтобы посмотреть на Вербу, я увидел над входной дверью оберег. В стене впереди перед нами был ещё один дверной проём, только он был завешен стеклярусными занавесками, за которыми ничего не было видно.

– □ Добрый день, – сказал я громко, – кто-нибудь тут есть?

В глубине второй комнаты раздалось какое-то шуршание, затем чьи-то руки резким движением раздвинули занавески. В комнату к нам вышла женщина в огромном мешковатом платье, подпоясанном каким-то мужским кушаком. Голову ее покрывал чудно завязанный большой платок. Женщине было на вид от сорока до пятидесяти, точнее в полумраке не определишь. Я разглядел острое злое лицо с тонкими чертами, большие уродливые складки на шее, прикрытые рядами янтарных бус, тонкие запястья в янтарных браслетах и красивые не во возрасту кисти рук, пальцы украшены кольцами.

– □ Добрый день, – спокойно сказала она и замолчала.

– □ Мы... мы увидели вывеску, – сказал я.

Она молчала, ожидая, когда я продолжу.

– □ Вы... можете нам помочь? Нам кое-что нужно.

– □ Я всегда готова помочь, – сказала женщина и посмотрела на меня долгим вызывающим взглядом.

– □ Мы заплатим, – сказал я, и она резко повернулась, пригласив нас жестом следовать за ней, словно ждала именно этих слов.

Мы зашли во вторую комнату. Она оказалась чуть больше первой, но и вещей здесь было больше. В центре комнаты, под тяжёлым низким абажуром, стоял круглый стол, на тёмной грязной скатерти стоял стеклянный шар. Вокруг стола были расставлены четыре деревянных стула. Слева громоздился большой буфет со стеклянными дверцами, справа – огромный книжный шкаф. Все вокруг было заставлено разнообразными мелочами, причём количество янтарных изделий здесь поражало воображение: тут были янтарные тарелки, янтарные чашки, янтарные ложки и вилки, янтарные статуэтки, изображавшие скорпионов, рыбок, медведей и зайцев, и маленькие янтарные подсвечники. На стене в светлой деревянной раме висело изображение тигра из янтарной крошки, а на трюмо сбоку от стола стояла копия Тадж-Махала из янтаря сантиметров в пятнадцать высотой.

Книжный шкаф был набит книгами, и я, пройдясь взглядом по корешкам, не сразу сообразил, что здесь хранилось множество экземпляров одной и той же книги: «Назову себя Гантенбайном» Макса Фриша. Здесь были собраны экземпляры, наверное, всех существовавших изданий этого романа: на немецком, английском, французском, испанском, русском языках, на языках, которые я не мог опознать; корешки были заполнены буквами латиницы, кириллицы, китайскими иероглифами, хангылем, катаханой и хироганой, арабскими, армянскими, грузинскими, греческими буквами, буквами каких-то восточных алфавитов, которых я не знал.

Кроме книг и янтарных мелочей в шкафу стояли разноцветные керамические фигурки, маленькая ваза с сухими цветами, часы, свечи в подсвечниках и без, на углу висела гроздь пластикового винограда. Противоположную от входа стену почти целиком занимал большой гобелен с картиной «Неизвестная» Крамского. В углу, между стеной и шкафом, от пола до потолка боковая стена была завешана ковром – было похоже, что за ним находится ещё одна дверь, но проверить эту гипотезу мне не удалось. В другом углу стоял маленький круглый деревянный столик с облупленным лаком и на нем – здоровенный доисторический дисковый телефон. Все свободные поверхности в комнате были завалены какими-то бумажками,

гадальными картами, раскрытыми книгами и молитвословами, обрывками тетрадных листов с текстом и без. Окон в этой комнате также не было.

—□ Садитесь, — показала рукой женщина и сама села за стол лицом ко входу, схватив в руки янтарные чётки.

Мы сели на неудобные и скрипучие стулья. Я запустил руку во внутренний карман и, не извлекая наружу весь бумажник, достал одну крупную купюру, которую я продолжал держать в руке в течение следующего диалога.

—□ Для начала я хотел спросить, — начал я, — насчёт вашей вывески. Там написано «Коррекция кармы». Вы — корректор?

Женщина поморщилась и наклонилась к пятну света, висевшему между столом и лампой.

—□ Не говорите так. Не употребляйте это слово.

—□ Почему? Разве вы не корректируете карму?

Она медленно покачала головой:

—□ Карма корректируется на гораздо более высоких уровнях.

Я ждал, что она продолжит, но она молчала.

—□ В таком случае, что же вы делаете?

Она запрокинула голову и театрально расхохоталась. Потом посмотрела на меня и медленно сказала:

—□ Я много что делаю. Я умею гадать. Я вижу карму. Я могу помочь.

—□ То есть вы — гадалка?

—□ Не только. Вы сказали, что вам нужна помощь. Говорите, какая помощь вам нужна?

—□ Да, хорошо, что вы спросили. Мы, собственно, ищем одного человека, который когда-то здесь жил. И надеемся, что вы сумеете нам что-то подсказать.

—□ Какого человека?

Я наклонился вперёд, чтобы хорошо видеть её лицо, и сказал:

—□ Его звали Ганс Брейгель.

В этот момент с лицом, руками, всей статью гадалки случилось что-то невероятное. Было похоже, что её с размаха ударили сзади по затылку деревянным веслом, но она стоически старалась делать вид, что ничего не происходит, и спокойно продолжать беседу.

—□ Как вы сказали?

—□ Ганс Брейгель. Вам что-то говорит это имя?

—□ Трудно сказать. Я знаю так много имён...

—□ Я вам напомню. Он жил в этом доме очень много лет назад. В квартире номер четыре. Я не думаю, что вы могли быть с ним знакомы, но мне почему-то кажется, что вы знаете, кто это.

—□ Вы от деда?

—□ Что вы спросили?

—□ Старый козёл! — Она вдруг резко подалась вперёд, схватила меня за кисть левой руки и отдернула рукав моей рубашки вверх, обнажив запястье.

Назову себя Гантенбайном

—□ С вами всё в порядке? — спросил я.

Гадалка отпустила моё запястье, медленно убрала руки со стола и тоскливо посмотрела по сторонам. Она вдруг как-то изменилась — словно тот человек, та надменная, уверенная в себе женщина, которая знала ответы на все вопросы, вышла куда-то, а её место заняла уставшая и осторожная девочка. Из её взгляда исчез напор, зато в нём вдруг появилась острота, присущая умным и вьедливым людям. Выражение её лица и манера говорить дальше решительно диссонировали с её внешним видом и антуражем комнаты.

—□ Вы спросили, не от деда ли я. От какого деда? Что вы имели в виду?

Гадалка тоскливо махнула рукой и посмотрела на меня:

–□Зачем вам Брейгель?

–□Я... я историк. У меня есть одно... скажем, дело. Касающееся истории рейхскомиссариата Украина и конкретно – генерального округа Волынь – Подолье.

Гадалка криво усмехнулась, и мне показалось, что она не верит ни единому моему слову.

–□Послушайте, – сказал я, – давайте начнём сначала. Вы ведь предсказываете будущее? Вы можете предсказать мне моё будущее?

–□Не могу, – сказала она, медленно протянула свою изящную кисть и взяла у меня купюру, которую я держал в руке.

–□Почему? – спросил я.

–□Потому что никто не видит будущего.

–□Как же вы тогда гадаете? – спросил я.

–□Никак не гадаю, – сказала она, взяла со стола стеклянный шар и поставила его на трюмо. – Я просто обманываю людей, которые приходят ко мне. Будущего не существует. Его невозможно увидеть. Его невозможно узнать. Его не существует, как ещё я могу это объяснить?

–□Но ведь карма существует? И вы в это верите.

Она злобно сверкнула на меня глазами:

–□Вы ничего не понимаете. Вам кажется, что вы проникли в какую-то тайну, что вы прикоснулись к чему-то, но вы ничего не понимаете.

–□Так объясните мне! – Я запустил руку во внутренний карман и достал ещё одну купюру – я понятливый.

–□Вы думаете, что карма – это будущее, – сказала Гадалка и медленно взяла у меня из руки купюру.

–□Ну... да, что-то вроде того.

–□Но это не так.

–□А что же тогда такое «карма»?

–□Карма – это... это проект будущего. И как любой проект, он кем-то создан и должен кем-то поддерживаться, претворяться в жизнь.

–□Словами «проект будущего» можно что угодно назвать. Квартальный план компании «Пупкин и сыновья» по продажам веников – это тоже проект будущего. Но это же не карма! Смысл кармы в том, чтобы указывать на то, что произойдёт, насколько я понимаю.

–□И вы понимаете неправильно. Ну... как же вам объяснить... – Она в задумчивости наклонила голову. – Ну вот представьте себе карму. Грубо. Как некий текст. Записанный на небесных скрижалях. Или на бесконечном небесном папирусе. Или... не важно. Что это?

–□В смысле? Вы же сами только что сказали – текст.

–□Да, текст, но какова природа этого текста? На Земле ведь постоянно что-то происходит, есть масса мелочей, которые вступают в соприкосновение друг с другом и влияют на итоговый результат. Крылья бабочки и ураганы. По-вашему, карма – это когда кто-то сидит, пытается проанализировать всё, что происходит на Земле, не упустив ни одной мелочи, и *прогнозирует* то, что случится? То есть карма, этот текст, о котором я говорю, – это чей-то прогноз? Чья-то попытка понять, что будет потом?

–□Хм... Нет, наверное.

–□Но тогда это будет означать, что существует множество процессов на Земле, стохастических, бифуркационных... – Она так легко произносила эти термины, что я всерьёз засомневался, действительно ли я говорю с простой гадалкой в подвале заколоченного дома. – Каких угодно. И они начнут вступать в противоречие друг с другом. Вы должны понять, что карма – не прогноз, а проект. А ни один проект никогда не претворяется в жизнь стопроцентно точно, насколько бы он ни был совершенен.

–□И что это означает? Что карму можно узнать?

–□Да, карма – это не будущее. И карму можно узнать. Хотя иногда это бывает очень сложно.

–□И вы можете узнать карму? Например, мою?

Гадалка медленно покачала головой:

–□Человек не может узнать, что захочет и когда захочет. Но иногда человеку открывается что-то. Иногда ему открывается часть общего замысла. И место в этом замысле разных людей, животных или... предметов. Их карма.

–□А у каждого человека есть своё место?

–□Большинство людей бесполезны. Карма этих людей состоит из трёх действий: родиться, прожить свою серую никчёмную жизнь и умереть. Но есть люди, у которых есть какое-то место. У которых есть предназначение.

–□А у вас есть предназначение? – спросила Верба.

–□Да, – ответила Гадалка, и столько гордости, сколько прозвучало в её ответе, сложно было ждать от этой грубой и циничной женщины.

–□И каково ваше предназначение?

Гадалка молча посмотрела на Вербу. Потом на меня.

–□Я должна родить сына, – сказала она.

–□Хм... а когда вы собираетесь это делать? – спросила Верба со столь лёгкой издёвкой, что не каждый мог её заметить.

–□Я не собираюсь этого делать.

–□Как это? – спросил я. – Ведь это же ваше предназначение!

–□Именно поэтому и не собираюсь. Знаете, многие люди моей профессии считают себя... слугами кармы. Они считают, что они обязаны что-то делать. Что они обязаны жить своей жизнью. Своей, а не какой-то другой. Что они обязаны видеть то, что им показывают, и не видеть того, что от них скрыто. Они ведут себя... хм... как рабы. Безвольные холуи.

–□А вы? Вы боретесь с кармой?

Она ещё раз запрокинула голову вверх и громко расхохоталась, но на этот раз очень естественно.

–□Борюсь с кармой? Что за вздор! С кармой невозможно бороться, она просто есть. Но у нас, у людей, есть свобода воли. До каких-то пределов, конечно. Я не могу отказаться от своего предназначения. Я не могу передать его кому-то. Я не могу его изменить.

–□Что же вы можете?

–□Не выполнять его. Не следовать ему. Выбирать себе другую дорогу. Выбирать другой путь, чей-то чужой путь и идти по этому другому пути.

–□Назвать себя Гантенбайном, – медленно проговорил я. – Поэтому у вас вся полка заполнена этой единственной книгой?

Гадалка улыбнулась и медленно покачала головой:

–□Это не важно. Одним людям помогают книги, другим – нет. Это индивидуально.

–□А у меня есть предназначение? – спросила Верба.

–□Я не знаю.

–□Так узнайте!

Гадалка опять медленно покачала головой. Я запустил руку во внутренний карман, но она неожиданно остановила меня:

–□Вопрос не в деньгах. Я же сказала: иногда это открывается человеку, иногда – нет. Моё предназначение было открыто ещё моей матери, много лет назад. Её предназначение и моё.

–□Она тоже была гадалкой?

–□Нет, она... она была швеёй.

–□А как она узнала своё и ваше предназначение? Вы можете узнать так же?

–□Нет, я... послушайте. Это ведь не игра. Я много лет изучаю карму, много лет экспериментирую, но людям открываются лишь крохи, ничтожные крохи знания.

–□Но вы можете рассказать нам, как ваша мать получила свою часть знания?

–□Это долгая и неприятная история.

–□Я заплачу.

Гадалка подумала несколько секунд, потом махнула рукой в знак согласия, но не начала говорить, пока я не достал и не протянул ей ещё одну купюру.

—□ Это было много лет назад. Моя мать была очень сильной женщиной. Она родилась в колхозе, в ста километрах от Каменца, вскоре после того, как колхозы появились. Вы ведь сейчас вряд ли представляете себе, что за жизнь тогда была. Постоянные продразвёрстки, голод год за годом, иногда такой, что из ста больших семей в селе выживало двадцать-тридцать человек. Из колхоза нельзя было уехать — селянам не выдавали паспорта. Если ты бежал без паспорта, тебя ловили и ссылали в Сибирь. Единственное, для чего девушке могли выдать паспорт, — чтобы выйти замуж за городского. Однажды к соседям через три дома приехал в гости парень, родственник из Хмельницкого, — и моя мать оделась в самое своё красивое платье и пошла охмурять его. Через месяц уже сыграли свадьбу, она получила паспорт, уехала в Хмельницкий, но они быстро развелись — он пил. Она научилась шить и переехала в Каменец — тут было небольшое ателье и требовалась швея. Но это всё я так рассказываю, к делу это не относится.

Она поселилась в этом доме, в квартире номер четыре, — ей сдала квартиру зажиточная еврейская семья. Это было как раз накануне войны.

Когда началась война, никто поначалу ничего не понял. Люди ждали, что им кто-то что-то объяснит, но вместо этого советские войска в один день взорвали в городе мост и все заводы и ушли. Стали ждать немцев. Старики начали вспоминать, как было в прошлую войну, рассказывали разное — кому что запомнилось. Кому хорошее, кому плохое, но больше было хорошего. Немцы были вежливыми, аккуратными — такими их помнили с Первой мировой. Так что ждали их в основном с надеждами, кто-то сдержанно, а кто-то прямо с цветами готовился встречать. Только жида не ждали ничего хорошего — кто успевал, те собирали вещи и уезжали. Но многие, конечно, остались — тоже надеялись на что-то, наверное.

Но когда немцы пришли, все быстро всё поняли. Хотя для многих уже поздно было. Хозяев квартиры, которую снимала моя мать, забрали в гетто и расстреляли ещё до зимы. Квартиру конфисковали. Заселять её не стали: тогда места в городе для немцев было достаточно, а власти знали, что в квартире живёт человек. Но когда приезжали командированные или когда через город шли части, в доме часто останавливались на постой. Матери идти было некуда — родное село её сожгли, ещё когда немцы наступали. Она и не уходила. Кто-то из постояльцев её насиловал. Кто-то брезговал. Кто-то стеснялся. Она рассказывала, что бывали такие, кто тихо закрывался в одной комнате и даже не выходил, пока она была в доме, а сталкиваясь с ней в коридоре, извинялся. Люди разные.

Через год уже не верилось в то, что война когда-то закончится. Все уже привыкли к тому, что было, а кто не привык, тот умер. Мужчин в городе осталось мало — перед приходом немцев призвали всех, кого могли, потом кто-то в партизаны уходил, кого-то убили, кого-то в Германию угнали. На все работы тогда сгоняли женщин — кто мог держать в руках инструменты. Мать мою всегда гнали среди первых. Она жила вроде как в государственной квартире и потому числилась у них там вечным должником. В августе сорок второго под городом строили какие-то укрепления, и согнали опять на работу женщин. Командовал ими толстый майор с широким приплюснутым носом. Мать много раз мне его описывала, кажется, что я даже узнала бы его, если б сейчас увидела. Они копали землю, а он прохаживался над ними и прикрикивал на тех, кто работал недостаточно хорошо. Стояла дикая жара, вокруг кружили мухи и комары, и сотни женщин стояли в ряд в огромном рву и махали лопатами. Девочке справа от матери, лет шестнадцати, не досталось лопаты, она ковыряла землю мотыгой. Ступнёй, обутой в сандалию, — как схватили на улице, так и привели, — она упиралась в землю перед собой, — Гадалка даже слегка отодвинулась от стола, чтобы изобразить это, — а на второй ноге раскачивалась и что есть силы била мотыгой в землю. Один раз она так сильно размахнулась, что не удержала равновесия и врезала мотыгой себе по ноге, отрубив этим ударом два пальца. Она закричала, подбежал какой-то рядовой, посмотрел её ногу, достал бинт, начал перевязывать, но тут подошёл этот майор. Он

спросил, что случилось, и солдат сказал ему, что девушка отрубила себе два пальца и её нужно отвести в госпиталь. Майор сказал, что это вздор. И что если эта неуклюжая корова не умеет стоять на ногах, то два пальца – ещё не большая плата за такой урок. Он позволил перевязать ей ногу и приказал ей копать дальше.

И тут у моей матери что-то оборвалось внутри. Она поняла, что это всё. Что у неё нет больше сил, что она не выдержит ни одной секунды подчинения всему этому, что она уже не сможет себя успокоить, не сможет собраться, не сможет терпеть. Она часто видела такое раньше, и она знала, что это – конец. Человек, который не мог себя заставить, просто останавливался, и после этого его убивали. Она ещё раз перебрала в уме всё, за что можно было зацепиться, всё, ради чего ей стоило жить, о чём она ещё могла себя попросить, но ничего уже не осталось. Совсем ничего. И тогда она положила лопату и замерла.

К ней подбежал солдат и крикнул, чтобы она продолжала копать. Она не шевельнулась. Ей было неприятно всё это – все эти... неудобства, так говорила мать, все эти неудобства, которые она доставляла людям вокруг – надсмотрщикам, охранникам, женщинам, которые копали рядом с ней, ведь их могли наказать за её поведение. Она просто хотела, чтобы это всё закончилось как можно скорее. Чтобы её пристрелили, и всё. Солдат ещё раз крикнул на неё, потом размахнулся, будто для удара. Она не двинулась, и солдат медленно опустил руку. После этого он позвал майора.

Майор подошёл, посмотрел на мою мать и объявил: если она не будет копать, он пристрелит её. Она ничего не говорила и ничего не делала, просто стояла. Солдат, который позвал майора, стал было говорить, что она, наверное, не в своём уме, что сейчас очень жарко, а работницам совсем не дают пить, вот она и не выдержала, но майор остановил его и приказал отойти. Солдат отошёл. И тогда майор прыгнул в ров и стал прямо напротив моей матери. Он посмотрел ей в глаза и сказал, что досчитает до трёх, и если она не начнёт копать, когда он скажет «три», то он пристрелит её как собаку и прикажет зарыть в этом рве. Моя мать смотрела на него и ждала, когда он её убьёт. Ей хотелось сказать: «Не надо считать, просто стреляйте», но она не могла вымолвить ни слова.

Майор сказал: «Айнс». Налетел ветер, мать хорошо запомнила его – это был первый порыв ветра за день. Волосы моей матери свободно трепетали на ветру, но сама она не шевелилась.

Майор сказал: «Цвай». Все продолжали работать, даже девочка с отрубленными пальцами, все вокруг шевелились и что-то делали, но моей маме запомнилось почему-то, что стояла мёртвая тишина. Будто всё, что происходило вокруг, не производило никаких звуков, будто весь мир вдруг стал беззвучным.

Майор сказал: «Драй» – и выхватил из кобуры пистолет молниеносным движением, словно в вестерне. Он приставил пистолет к голове моей матери и посмотрел ей в лицо. Они стояли так секунду или две, глядя друг на друга, и потом мама закрыла глаза. Это был конец.

Она не помнила, сколько прошло времени, пока она была с закрытыми глазами, но, когда она открыла их, майор всё так же стоял с пистолетом и смотрел на неё. Но взгляд его теперь был совсем другим – не уверенным и наглым, а каким-то... растерянным. И в эту секунду мама вдруг отчётливо поняла, что он не может её убить. Что он хочет – может быть, больше, чем он чего-либо и когда-либо хотел в этой жизни, – но не может. Что он пытается спустить курок, но его собственный палец не слушается его. Она вдруг поняла, что у неё есть карма. Она не знала этого слова, но она очень хорошо поняла, что это такое и что её карма не в том, чтобы быть застреленной в этой яме и закопанной без креста.

Гадалка замолчала, плавно перевела взгляд с меня на Вербу и обратно. Она явно собиралась продолжать, поэтому я не стал её перебивать.

–□Майор не мог оставить её, – начала она снова, – у любой борьбы свои правила. Если ты подчиняешь других людей силой, ты не можешь размениваться на пустые угрозы. Он сказал ей ещё раз, что нужно копать, и, когда она не послушалась, он вдруг стал орать на неё. Она не всё понимала, он кричал по-немецки, но в конце концов она разобрала, что он говорит об оплате. О том, что, если она не хочет работать даром, он заплатит ей. Он нагнулся

и поднял с земли два пальца девушки справа, которые продолжали валяться в грязи. Он стал совать моей матери эти пальцы, словно безумец, и говорить, что этого должно быть достаточно, что это щедрая плата всего за один день работы. Потом он опять начал кричать. Что моя мать – грязная шлюха и вымогательница и что из-за таких, как она, весь их род и называют недолжьюми. И что, если ей этого мало, он заплатит ей ещё.

Он выхватил откуда-то нож – мать говорила, что это был огромный нож, настоящий тесак, – и схватил работавшую рядом девушку. Он взял её за кисть руки и лёгким, незаметным движением отрезал ей палец. Девушка закричала, но он не обращал на это внимание. Он отпустил её и нагнулся, чтобы поднять палец, а затем начал совать его прямо в лицо моей матери, заявляя, что он готов сделать ради неё всё, что угодно, а если ей мало, он даст ей ещё. Моя мать по-прежнему не могла пошевелиться. Она смотрела на всё происходящее, будто это было не с ней, словно она сидела в зрительном зале и, не отрываясь, глядела на экран.

Немец снова схватил плачущую девушку. Она пыталась сопротивляться, но он с размаха ударил её ладонью по лицу и сжал кисть её руки в своей. Он кричал моей матери, чтобы она смотрела внимательно и не пропустила ни одного мгновения, и моя мать смотрела – но не на руку, а в глаза этой девушки, заплаканные, полные ужаса. Немец отсек ей ещё два пальца. И в эту секунду – мама так и не смогла объяснить, что произошло, но она говорила, что именно в это мгновение в глазах несчастной девочки она... – Гадалка задумчиво пялилась в стол, откуда она не поднимала взгляда уже несколько минут. – ...Она увидела ток времени.

–□ Увидела ток времени?

–□ Она так сказала. В это мгновение она увидела ток времени. Она вдруг поняла, что у неё есть предназначение. Её предназначение – встретить человека, который приедет к ней, и проводить этого человека в его последнюю дорогу. И она узнала, что она родит дочь и что у этой дочери тоже будет предназначение, и оно будет состоять в том, чтобы родить сына. Она поняла, почему её не может пристрелить немецкий майор. Из-за этого предназначения и из-за этого человека.

–□ Этот человек – Ганс Брейгель?

–□ Да. Это был Ганс Брейгель. Но моя мать тогда не знала его имени, она лишь знала, что, как бы она ни хотела прекратить всё здесь и сейчас, этому не суждено случиться. И тогда она словно проснулась. Словно вернулась обратно оттуда, куда она чуть было не ушла. Она взяла лопату и снова начала копать. Майор постоял какое-то время у неё за спиной, а потом ушёл. Больше он не подходил к матери, и с тех пор её никогда не вызывали ни на какие работы.

–□ А что стало с той девушкой? – спросила Вербя.

–□ Мама взяла её себе помощницей. Научила шить. Девочка пережила войну, как и моя мама. Но в тот день она онемела, с тех пор она не произнесла ни единого слова. Никогда.

–□ Вы сказали, – спросил я, – что ваша мать должна была проводить Ганса Брейгеля в его последнюю дорогу. Вы знаете, что он мёртв? Что с ним случилось?

–□ Я не знаю, что с ним случилось, но я знаю, что он мёртв. Потому что это знала моя мать. Мне трудно сейчас сказать, поняла она ли она это действительно тогда... когда увидела ток времени... или почувствовала позднее... но я рассказала вам всё так, как она мне рассказывала. Хранитель приехал через год после этого случая на работах.

–□ «Хранитель»? Вы сказали «хранитель»?

–□ Да, так называла его моя мать.

–□ А что он хранил?

–□ Я не знаю, но она называла его Хранитель, и я не спрашивала почему. Он приехал в город. Пробыл в доме один день. Не сказал маме ни слова. Ничего. И ушёл. Больше мама его не видела.

–□ А куда он ушёл? Зачем он приезжал? Что ему здесь было нужно?

Я задавал вопросы, Гадалка отрицательно качала головой:

–□ Не знаю. Я ничего не знаю. Поймите же наконец, что высшие силы не отчитываются перед людьми. Те обрывки знания, что нам даны, – уже благо сами по себе. Мы должны быть счастливы, что они нам даны, и не стремиться к большему.

–□ Но вы же стремитесь! Вы же сами рассказывали, что не хотите жить своей жизнью, что хотите жить чьей-то чужой.

Гадалка посмотрела на меня очень серьёзно:

–□ Слушайте. Я уже битый час пытаюсь вам объяснить, но вы словно ребёнок. Для вас это что – игрушки? Вам кажется, что вы на сафари поехали? Хочу – живу этой жизнью, хочу – живу той, да? Это очень опасно! Очень, очень опасно. Когда ты... заступаешь за линию... тебя начинают корректировать...

–□ Приходят корректоры?

Гадалка вдруг встрепенулась и активно замахала руками:

–□ Нет-нет. Нет. Пока твои действия обратимы, корректоры не явятся сюда сами. Есть много других способов корректировок. Сами они приходят тогда, когда речь идёт...

–□ О жизни и смерти? – спросил я.

–□ О смерти, – сказала Гадалка.

–□ Поэтому вы не рождаете? – спросил я. – Вы знаете, что вам ничего не угрожает, пока вы не выполнили своего предназначения, верно?

Она усмехнулась:

–□ Послушайте, я и так уже потратила на вас много времени. Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы изучать мою карму, верно? – Последнее слово она произнесла, явно передразнивая меня. – Я уже сказала вам всё, что знала. Ганс Брейгель ушёл на следующий день после приезда и больше сюда не вернулся. Что ещё вас интересует?

–□ А мы можем увидеть комнату, в которой он жил?

–□ Нет, не можете. Если вы думаете, что моя мать трепетно хранила вещи так, как они лежали после его ухода, то вы ошибаетесь. Это теперь моя комната, и там лежат мои вещи. Это мой дом. Имею я право не впускать в свой дом наглых пришельцев, как вы думаете?

–□ Имеете, – сказал я и встал, чтобы уходить.

Верба тоже встала.

–□ Не спотыкайся, – вдруг сказала Гадалка Вербе.

–□ Я... не спотыкаюсь, – ответила она.

–□ Вот и не спотыкайся, – повторила Гадалка, и лицо её при этом было убийственно серьёзно.

Мы вышли на улицу и пошли по мостовой.

Старый город Каменца-Подольского был красив, но беден, как принцесса в изгнании. Древние здания, крепостные стены и башни внушали благоговение и отдавали даже какой-то чопорностью, но местами то тут, то там вдруг появлялись проплешины, строительные леса или провалы, заделанные кирпичом.

Город жил неторопливой жизнью середины буднего дня маленького западного городка. Люди не ходили, а прохаживались по тротуарам, временами попадались туристы с фотоаппаратами и неизменными сувенирами, уличные лоточники присматривали впологлаза за проходящими мимо, и даже машины, казалось, ехали медленно и тихо, чтобы не нарушать размеренного ритма провинциальной жизни.

Но я не замечал всего этого – мои мысли вертелись вокруг Гадалки, нашего разговора и Ганса Брейгеля, от которого я был, казалось, так же далеко, как и до приезда сюда. Ну что ж, по крайней мере теперь я был почти уверен в том, что Ганс Брейгель действительно погиб и что погиб он где-то в зоне притяжения Каменца.

–□ У меня у одного сложилось впечатление, что она говорит куда меньше, чем знает? – спросил я у Вербы.

–□ А, ты тоже заметил! – кивнула она. – Я думаю, что процентов тридцать из того, что она нам сказала, – враньё. А оставшиеся семьдесят она тщательно фильтровала, чтобы не выболтать нам чего-то важного.

–□Зачем? – спросил я.

–□Откуда я знаю? Я только начинающий детектив, не то что ты. – Она взяла меня под руку и осторожно прижалась. – Мне кажется, нам стоит подумать вот над чем: как всё это связано с Русалкой и её отцом?

–□Нет уж, дорогая, – сказал я, – давай решать задачи по одной. Думая обо всём сразу, можно мозги себе свернуть. Слушай, а Тадж-Махал – это ведь мавзолей, да?

–□Ага, я тоже об этом подумала. Янтарный мавзолей – и свечей у неё в доме хоть отбавляй. И всё равно ни черта не понятно. Чёрт-те сколько с ней разговаривали – и ничего не узнали.

–□Всё-таки кое-что она нам выболтала.

–□Что?

–□Она сказала, что её мать работала над строительством каких-то укреплений.

–□И что?

–□Летом сорок второго Каменец-Подольский находился в глубоком тылу немецкой армии. Никаких фортификаций здесь строить не могли, тем более что Красная армия оставила нетронутым каменец-подольский укрепрайон. Немцы его обошли сбоку, и гарнизон просто снялся и ушёл, оставив всё фашистам.

–□Тогда что же они тут строили?

–□А вот что происходило здесь летом сорок второго – так это реструктуризация гетто. В районе Каменца раньше было несколько еврейских гетто, а летом и осенью сорок второго их все ликвидировали, убив большую часть заключённых и переведя остальных в гетто города. Вот его-то и надо было перестроить. И именно на эти-то работы и сгоняли местных женщин. Я всё это вчера освежил в памяти, потому что Ганс Брейгель, по официальной версии, приехал в Каменец как раз для того, чтобы участвовать в реорганизации гетто. Оно было недалеко от города, вон там, – я показал рукой, – так что, мне кажется, мы просто должны туда наведаться.

–□Думаешь, мы что-то там найдём?

–□Нет, я думаю, вряд ли. Но может быть, появится какая-то зацепка.

–□Едем?

–□Нет, не сейчас. Там сейчас чьи-то огороды, лучше съездим вечером, когда стемнеет. А сейчас давай проверим, есть ли в этом городе исторический архив.

Музеев в городе оказалось множество, включая даже музей хлеба, однако ни в одном из них не было ничего из того, что нам нужно. Мы прошлись по библиотекам, но вопросы о том, где мы можем увидеть документы времени фашистской оккупации, вызывали самые разнообразные ответы – и ни одного хоть сколько-нибудь внятного. Мы зашли в мэрию, а затем обошли ещё полдюжины различных инстанций, чиновники которых футболили нас друг к другу.

В конце концов парень, пойманный нами в коридоре какого-то очередного муниципального рассадника бюрократов, объяснил нам причины этой недоброжелательности. Оказалось, что три года назад в городском архиве Каменца произошёл пожар по не установленной до сих пор причине, в котором погибла большая часть документов. Всё, что осталось, было перевезено в Хмельницкий, а местные чиновники с тех пор не любят разговоров про архив.

–□Если хотите, я вам адрес хмельницкого архива могу дать, – сказал парень.

–□Да нет... мы туда вряд ли сейчас поедem... спасибо вам большое за помощь.

–□Ну как хотите. – Парень пожал плечами и пошёл дальше, но вдруг остановился и вернулся к нам. – Слушайте, у меня ещё есть телефон нашего бывшего архивариуса. По моему, у него тут по-прежнему что-то хранится. Не знаю, есть ли у него те документы, что вам нужны, но чем чёрт не шутит?..

Мы с благодарностью взяли телефон и, выйдя из здания, позвонили архивариусу. Оказалось, что у него не просто «что-то хранилось», но даже было выделено целых две комнаты бывшего детского сада под импровизированный мини-архив: бумаги, в которых

есть постоянная потребность в городе, и самые ценные экземпляры старых документов, утаенные от «хмельницких».

Архивариус оказался смешным маленьким мужичонкой неопределенного возраста, в засаленном сером свитере, с большими, вполлица, усами и взъерошенными нематыми волосами на голове. Он всё время суетился и повторял:

–□ Да-да, вот так.

Он рассказал нам о пожаре в архиве, поплакался о том, в каком чудовищном состоянии находятся сейчас все фонды, похвастался тем, что у него хранился почти весь архив подольского губернаторства и что кое-какую часть этих сокровищ ему даже удалось спасти. После того как пожар потушили, всё оказалось залито водой, и сотрудники архива заморозили документы, сложив их в нескольких крупных мясных холодильниках различных пищевых предприятий. А потом постепенно размораживали и сушили. Правда, «хмельницкие» всё равно почти всё забрали, будто это он виноват в пожаре, будто проблема в местных архивариусах, а не в ужасном недостатке финансирования. А он, если хотите знать, ни в чём не виноват. Он вообще думает, что это был поджог, хоть по официальной версии это был то ли неисправный силовой кабель, то ли авария печного отопления.

–□ А кому же могло понадобиться сжигать городской архив? – спросил я.

Архивариус пожал плечами:

–□ Мало ли... кто-то хотел что-то утаить... стереть своё прошлое... знаете, у нас столько всего хранилось. – Архивариус махнул рукой. – Это кто угодно мог быть. Да-да, вот так. Если тогда не поймали, сейчас уже не дознаемся.

–□ А мог кто-то хотеть уничтожить документы военного времени?

–□ Конечно. Странно, что вы спрашиваете.

–□ Что ж тут странного?

–□ Сроду никому архивы военного времени нужны не были, а тут вдруг снова и снова ими интересуются.

Это было неожиданно.

–□ А кто ещё ими интересовался?

–□ Да буквально... ну, с месяц, может, тому назад приходили два парня, тоже всё выпрашивали про военные архивы.

–□ А вы что сказали?

–□ Да что я мог сказать? Оно ведь, если вы времена оккупации имеете в виду, то тут мало что было. У нас и хранилось мало, и уцелело почти ничего, вам и в Хмельницкий ездить смысла нет. Да-да, вот так. Это разве что в Луцк ехать, там столица генералбецирка была, или в Ровно, но и там мало что осталось. Немцы, когда отступали, почти все свои бумаги с собой прихватили. Разве что в Берлин можно попробовать обратиться, хотя с того времени и в Берлине не уцелело почти ничего.

–□ Ну, с Берлином мы как-нибудь разберёмся, – перебил я его, – нам сейчас очень хотелось бы знать, не осталось ли чего-то здесь, у вас, что могло бы нам помочь.

Архивариус оживился и бойко поскакал по коридору, пригласив нас за собой. По дороге я расспросил его, как выглядели эти двое. Он мало что помнил. Один парень был высоким, второй – пониже, в очках, сильно заикался. А больше он ничего и не помнит, он ведь архивариус, а не фоторобот, – его так рассмешила собственная шутка, что он тихо хихикал остаток пути.

Проведя нас по коридорам в мрачный полуподвальный тупик, он с гордостью заявил, что сейчас мы вступим в его царство. Затем открыл железную дверь, покрытую облупленной жёлтой краской, и включил свет. В комнате зажглась лампочка без абажура, осветив несколько рядов шкафов, беспорядочно стоявших в помещении, и груды папок и сегрегаторов, сваленных повсюду. Комната была не очень большой, но в конце нее обнаружилась ещё одна дверь, она была открыта, и в дверной проём виднелись такие же точно стеллажи и сваленные повсюду папки. Архивариус сначала прошёл вперёд, чтобы включить свет и во второй комнате тоже, после чего начал деловито бегать туда-сюда,

поднимая и снова бросая какие-то папки, роясь в стеллажах и приговаривая, что к его стройной системе лучше никому не прикасаться. Пока он проверял свои фонды, мы с Вербой медленно прохаживались вдоль стеллажей, стараясь не наступать на бумаги. Раньше, в доисторические времена, это был, вероятно, какой-то пищеблок, по крайней мере, следы еды на стенах здесь оставались до сих пор, хоть их и старались завесить календарями с голыми женщинами и плакатами голливудских фильмов. Я зашёл во вторую комнату. Стены здесь тоже были завешаны всякой всячиной – от портрета президента до... карты звёздного неба.

Я встал как вкопанный.

Другой сорт неприятностей

Увидев мой взгляд, подошла Верба:

–□Что такое? Что-то случилось?

Я вплотную приблизился к стене и прикоснулся к карте. Это был рисунок масляными красками на хорошей папирусной бумаге. Явно оригинал.

–□Точно такая же карта звёздного неба висела дома у Гадалки, – сказал я. – И, если я не ошибаюсь, точно такая же была дома у Караима.

Верба внимательно посмотрела на рисунок и сказала:

–□Это не карта звёздного неба.

–□Что?

–□Я, может быть, не была лучшей студенткой на курсе, но уж карту звёздного неба-то я узнаю, можешь быть уверен. Такой конфигурации звёзд, как на этом рисунке, не видно ни из одной точки земного шара. Только если это сильное укрупнение маленького участка, с мелкими, не видимыми глазу звёздами.

Я подозвал архивариуса и спросил, что это за рисунок и откуда он здесь.

–□Ах это... Он в старом архиве ещё хранился и при пожаре уцелел чудом. Даже не знаю, как... да-да, вот так. Это рисунок одного местного художника, его подарили архиву давным-давно. Один... старик.

–□Старик?

–□Да, один егерь из Закарпатья...

–□Вы сказали «старик».

–□Он очень стар, да. И рисунок очень давно подарил, до меня ещё, я просто фонды

свои регулярно перебирал, потому и знаю так хорошо, что откуда...

—□ А где этот старик сейчас? У вас есть его адрес? Ведь адреса дарителей должны где-то храниться, верно?..

—□ Так... в архиве же и хранился... который сгорел... а вообще, где-то должен быть... — Архивариус задумался. — Знаете, я могу посмотреть, может, и есть.

Он снова забегал по комнатам, на этот раз извлекая из-под папок какие-то блокноты и записные книжки и в конце концов произнес над одной из них победный вопль:

—□ Ага, вот. Пилипец. Закарпатская область, Межгорский район, село Пилипец, 404. Тут и фамилия его написана... а, нет, не прочесть.

Я записал адрес.

Архивариус ещё минут пятнадцать рылся в бумагах в поисках военных архивов, но оказалось, что, кроме купчей на какой-то дом на краю города, датированной сорок третьим годом, в архиве нет больше ни единого документа времени рейхскомиссариата. Тем не менее мы тепло поблагодарили его и поехали в гостиницу. Пора была готовиться к вечернему копу.

На инструктаж Вербы ушло около получаса. Я сказал, что она будет стоять на стрёме, а затем объяснил тонкости копа недалеко от людского жилья. Я рассказал ей, как именно держаться возле деревьев, чтоб быть незаметным в темноте, показал, как пользоваться фонариком и как направлять его, чтобы свет, словно бы случайно, бил в глаза человеку, с которым общаешься. Дал ей несколько простых диалоговых фраз, позволявших делать вид, что отвечаешь на вопросы, но при этом заворачивающих разговор по кругу. Я вручил ей археологическую ксиву с именем «Елена Ямпольская», строго-настрого запретив вытаскивать её при ментах или лицах, к ним приравненных.

—□ А кто такие «лица, к ним приравненные»?

—□ Это все, кто может тебя заломать, засунуть в машину и отвезти куда-то до выяснения обстоятельств. Тех, кому некуда тебя засовывать и некуда везти, можешь не бояться. Они могут только тебя прогнать и, как правило, именно это и хотят сделать.

—□ А у тебя тоже есть такая ксива?

—□ У меня их целая куча. Сегодня, в случае чего, буду пользоваться вот этой. На имя Александра Скорняка.

—□ Александр Скорняк. Надо бы не забыть.

—□ Да, мы с тобой теперь — Саша и Лена. По крайней мере, пока не вернёмся назад, в гостиницу.

Верба внимательно рассмотрела ксиву:

—□ Слушай, отлично сделана. Как настоящая.

—□ Откуда ты знаешь, ты же настоящую не видела никогда?

—□ Выглядит очень правдоподобно, вот что я хотела сказать. И что, она даёт нам какие-то права?

—□ Она не даёт другим права сразу в нас стрелять, если что. Чёрный археолог на самом деле отличается от белого наличием бумажек. И считанные люди знают, что это за бумажки и как они должны выглядеть. В случае конфликта главное — не лезть на рожон и вовремя ретироваться. Мы, в общем-то, скорее проводим рекогносцировку, чем что-то серьёзно будем копать. Наша задача на сегодняшний вечер — посмотреть, что там сейчас, на месте гетто, лежит ли там что-то в земле и если лежит, то как много. Ну и... так... сориентироваться на местности. Если будет что-то интересное — придём позже. Найдём, кому принадлежит земля, договоримся с хозяевами, возьмём себе копателей в помощники... но я думаю, до этого дело не дойдёт.

—□ А копать мне надо будет?

—□ А ты очень хочешь?

—□ Хм... даже не знаю. А это тяжело? Просто землю копать, что ли?

—□ Нет, устраивать ритуальные танцы с бубнами. Конечно, землю копать, что ж ещё?!

—□ Тогда не хочу, — уверенно сказала Верба.

—□ Ну тогда и не будешь. Смотри, — я показал ей инструменты, — вот эти вот, посмотри

внимательно, твои. Это значит, что ты их от машины несёшь к месту копа и ты их потом от копа несёшь до машины, даже если мы убегаем под выстрелами солью, нацеленными нам в задницы. Если что-то из этого останется на копе, это будет твоя вина, ясно?

–□ Ясно, – кивнула Верба, внимательно рассматривая «свои» инструменты. – А далеко их надо будет нести?

–□ Я постараюсь поставить машину не очень далеко, но и не очень близко. Метров двести, при хорошем раскладе.

–□ А при плохом?

–□ Не знаю. Ей-богу, я тебе могу сейчас сколько угодно рассказывать, что там будет и как себя вести в такой ситуации и в такой ситуации, а на месте всё окажется совершенно по-другому, и ситуация будет как раз такая, какую я не предусмотрел. В поле самое главное – вести себя естественно и ориентироваться по обстоятельствам. Надеюсь, у тебя с этим нет проблем?

–□ Думаю, нет.

Я посмотрел на часы.

–□ Всё, пора ехать. Десять минут на сборы – и жду тебя внизу. Да, и... Верба...

–□ Что?

–□ У тебя, хотя бы для копа, есть одежда, не подчёркивающая грудь?

–□ Не знаю. Я могу посмотреть.

–□ Посмотри, а? У меня уже сил нет свой взгляд контролировать.

–□ Так и не контролируй, – улыбнулась она, – зачем же я её подчёркиваю? Чтоб ты делал вид, что её нет, что ли?

Я аккуратно съехал на обочину, заглушил мотор и выключил фары, а затем погасил лампочку, которая автоматически зажглась в салоне. Вокруг нас было тихо. Я открыл дверь, вышел из машины и осмотрелся. Впереди, в конце просёлочной дороги, виднелись огоньки нескольких одноэтажных домов. Справа, в отдалении, горели огни города. Слева и сзади за нами было темно, и, если присмотреться, можно было разобрать расчерченные квадратами поля, перемежаемые кое-где изгородями и небольшими посадками.

–□ Ладно, – сказал я, – пошли.

Я открыл багажник и достал сумки. Мы медленно двинулись в глубь огородов, осторожно оглядываясь и время от времени сверяясь с GPS. Возле нескольких сгрудившихся на возвышении берёз мы поставили сумки на землю. Я расчехлил «Minelab» и посмотрел на Вербу.

–□ Хорошо, – сказал я, – смотри. Мне нужно будет пройтись вон оттуда, – я показал рукой, – вон дотуда, а потом ещё поперёк. Ты стой здесь, под берёзами, и смотри по сторонам, особенно на дорогу. Помни, что меня зовут Сашей, и окликать меня нужно именно так.

–□ Помню, – кивнула она.

–□ Смотри в оба, – сказал я, включил «Minelab», настроил его, надел наушники и плавно пошёл вдоль дорожки, разделявшей два ряда огородов.

Только сейчас я понял, что я чертовски соскучился по всему этому! По ощущению наполненности земли под ногами, тайнам, скрытым в толще почвы долгие годы. По ровному пицанию металлоискателя. По лопатам, щупу и той секунде, когда ты извлекаешь на свет божий память о людях, живших и умерших здесь десятки или даже сотни лет назад.

На глубине в метр было множество какого-то армированного дерьма, похожего на остатки бетонных строений, но возле них ничего больше не было. Чуть дальше, приблизительно на такой же глубине, лежали куски, вероятно, железных проводов – похоже было на какую-то ограду, основную массу которой давно растащили, оставив в земле только то, что не заметили. Я решил, что эти провода являлись колючей проволокой, означавшей границу гетто, и плавно пошёл вдоль неё, время от времени зондируя территорию вглубь. Практически ничего интересного. Какая-то жестянка – то ли каска, то ли ведро. Довольно большой столб, лежащий поперёк моей траектории. Затем – плотный продолговатый предмет

с несколькими разными типами металла, насколько можно было судить, не выкапывая, похож на винтовку. Больше вокруг ничего не было.

Линия колючей проволоки завернула, потом завернула опять. Теперь я шёл назад – линия ограды проходила между кучкой берёз, под которыми я оставил Вербу, и опушкой небольшой посадки сбоку. В земле по-прежнему попадалась малоинтересная мелочовка, и чем дальше я шёл теперь, тем ближе к поверхности она лежала. С одного метра глубина залегания мелочовки уменьшилась до семидесяти, а потом и вовсе до сорока сантиметров. Вскоре я набрёл на какую-то россыпь всякой всячины и, попытавшись сообразить, что тут к чему, в следующую секунду провалился правой ногой во внезапно открывшуюся передо мной яму.

С трудом удержав равновесие, я снял наушники и осмотрелся.

Я стоял посреди небольшого пустыря, оставленного между огородами, словно его специально решили на засаживать. Прямо передо мной начинались какие-то буераки, тут и там торчали росшие невпопад сорняки, валялся мусор. Было очень похоже на то, что тут уже копали. Я присел, включил фонарик, и попробовал поскрести землю рукой. Хм... или здесь все-таки не копали, или копали давно.

Я выключил фонарик, встал в полный рост и махал Вербе руками, пока она не начала махать в ответ.

–□Лена, – приглушенно крикнул я, – щуп. И лопату.

Она нагнулась за инструментами и торопливо зашагала ко мне, внимательно глядя себе под ноги.

–□Вот, – сказала она, подойдя, и протянула мне щуп, затем бросила на землю две лопаты, большую и сапёрную.

Я надел на голову фонарик, включил его и начал осматривать землю под ногами. Затем вытащил из кармана наконечники для щупа, выбрал нужный и накрутил. Вогнал щуп в грунт и, когда он упёрся во что-то твёрдое, покрутил туда-сюда. Да, это была кость. Внизу, под нами, лежали черепа. Я несколько раз прошупал почву в разных местах, чтобы оценить размеры захоронения. Довольно приличное. Исходя из моего опыта внизу могло лежать несколько десятков, а то и сотен человек. Это или затерянный могильник гетто, или захоронение более раннего времени.

–□Что-то интересное? – тихо спросила Верба.

– Если несколько сотен трупов в земле – это интересное, то да. Но если ты имеешь в виду, поможет ли это нам в поиске, то нет.

–□Почему?

–□Потому что Ганс Брейгель приезжал в Каменец не для реорганизации гетто. И здесь, где мы сейчас ищем, его нет.

–□А что мы тогда здесь делаем?

–□Проверяем мою гипотезу, – сказал я и взял в руки сапёрную лопатку.

Я обошёл могильник по периметру, ненадолго зарываясь под верхний слой земли и проверяя, как роется. В земле было множество разного мусора, но, если зарываться чуть глубже, можно было наткнуться на старые, полуистлевшие ткани и детали одежды. Это было похоже на робы. Пару раз приходилось брать в руки «Майнлаб» и время от времени менять лопаты – маленькую на большую и наоборот. На одной из роб я заметил оловянные пуговицы. Взял одну из них в руки и легко растёр пальцами в порошок.

–□Какая сейчас температура? – спросил я.

–□Градусов десять, – сказала Верба. – Было двенадцать, когда мы выходили, но тут, по-моему, холоднее.

Отлично, с этим ясно.

Я обошёл могильник ещё раз, внимательно осматривая землю в тех местах, где я ещё не копал. Вот, вроде бы тут. Я осторожно, пальцами, поскрёб землю. Здесь явно были следы лопаты, хоть и размытые прошедшими дождями. Стоило мне лишь немного углубиться вниз, как я обнаружил почти под верхним слоем земли робу с оловянными

пуговицами. Они были твёрдыми.

–□Слушай, если мы не ищем здесь Ганса Брейгеля, то что нам тут нужно? – спросила Верба.

–□Мы ищем тех, кто искал Ганса Брейгеля, – ответил я, – это захоронение явственно копали уже несколько раз, и я затрудняюсь сказать, почему оно до сих пор не раскопано полностью. Но важно не это, а то, когда его копали.

–□И когда же его копали?

–□Вот смотри. – Я вернулся к робе, раскопанной мною ранее, и посветил на одну из пуговиц. – Видишь это?

–□А что это?

–□Оловянная пуговица. Смотри – я растёр её в пыль.

–□А что с ней такое? Проржавела?

–□Металл, лежавший на месте, не растирается в пыль, даже если он очень ржавый. Это оловянная чума.

–□Что это?

–□Оловянная чума. Если олово переохладить, у него меняется структура кристаллической решётки... короче, оно становится ломким, как труха. Эта зараза передаётся от больного олова здоровому, но в земле пуговицы роб из разных частей могильника не могли соприкасаться. Так что мы знаем, что если пуговица растирается в пыль – значит, её выкопали и оставили, лишь немного прикрыв землей, по крайней мере на одну зиму. А теперь смотри.

Я вернулся к другой робе, посветил на пуговицу фонарём и сдвинул её что есть силы. Пальцы соскользнули, очистив металл от земли.

–□Целая, – сказала Верба.

–□И что это значит?

–□Что металл не переохлаждался. То есть эту часть могильника раскопали в этом году, за последние семь-восемь месяцев.

–□Молодец! – Я удовлетворённо кивнул. – Из тебя выйдет отличный копатель. Тебе осталось купить металлоискатель, прочитать историю Второй мировой – и можно регистрироваться на «райберте». А пока сходи, пожалуйста, ещё раз к берёзам, принеси мне пинцет и щётки.

Я углубился в изучение копанных слоёв земли, когда Верба вдруг громко сказала каким-то деревянным голосом:

–□Саша?

Я встал.

Прямо перед нами, приблизительно в четырёх метрах, стояли два мужика – оба примерно моего роста, может, чуть ниже. Они просто стояли на месте, держа руки за спиной. В темноте трудно было разобрать их лица, одежду и понять, было ли у них что-то в руках или нет. Я вылез из ямы с лопатой в руке и сделал шаг вперёд, осветив их лица фонариком. Ничего необычного – просто мужики. Они синхронно прищурились, но не отвернулись и не попытались закрыться от света.

Пока я соображал, какие шансы у меня одного против этих двоих, я заметил, что сзади, за ними, возле наших берёз, стояли ещё три человека. И стоило мне присмотреться, как я увидел, что дальше, на опушке посадки, стояли ещё несколько мужиков, трудно даже сказать сколько – около десятка, наверное. Силы были слишком неравны.

Верба отступила назад и спряталась за моё плечо.

–□Клёт, мне страшно, – шепнула она мне.

Я сжал крепче лопату, а мужики перед нами медленно сделали по паре шагов вперёд, почти одновременно, остановившись вплотную ко мне.

–□Вы б это, – сказал тот из них, что был ближе, – шли бы отсюда. Нечего вам тут делать.

–□Да, нечего, – сказал второй.

Боковым зрением я старался следить за мужиками у берёз и в посадке, но они, похоже просто переминались с ноги на ногу.

–□ А вы кто? – спросил я. – По какому праву вы нас гоните?..

–□ Мы это... – сказал тот, что был ближе, – местные мы.

–□ Местные, – сказал второй.

–□ Вы б не копали тут, – сказал опять первый, – не надо тут ничего копать.

–□ Не надо, – сказал второй.

–□ А у вас документы есть? – спросил я и достал свою археологическую ксиву. – Меня зовут Александр, я отвечаю за...

–□ Не надо нам рассказывать, за что ты отвечаешь, – сказал вдруг первый. – Вы забирайте своё барахло и идите себе.

–□ Идите себе, – сказал второй, – а то как бы чего не вышло... знаете...

–□ Ладно, – сказал я, – нам неприятности не нужны. Мы сейчас соберёмся и уйдём. И копать мы не будем. Мы бы и не собирались копать, но увидели, что тут до нас уже копали. А у нас с этим знаете как строго? Если у нас выяснят, что тут копали, да кто-то без разрешения, знаете, нас накажут. А потом сюда придут и вообще всё выколют, чтоб выяснить, кто копал. Знаете?

Мужики не отреагировали. Они по-прежнему стояли в тех же позах, не закрываясь от света фонарика и не попросив меня его выключить.

–□ Давайте так: мы прямо сейчас уйдём, только вы нам скажете, кто тут копал. Недавно, да?

Мужики явно замаялись. Второй посмотрел куда-то в сторону, потом снова на нас, затем и первый куда-то оглянулся. Было видно, что им неприятности тоже не нужны.

–□ Вы бы шли, а? – неуверенно сказал второй.

–□ Двое тут было, парни какие-то, – сказал вдруг первый.

–□ А как они выглядели? – спросил я.

–□ Один высокий такой, – сказал первый, – в полосатом был. С громким голосом. Другой – пониже такой, светловолосый. В куртке был. И в очках. Заикается.

–□ Искали тут что-то, – сказал второй, – да только ничего не нашли. Нечего тут искать. Нету тут ничего.

–□ Хорошо, – сказал я, – нету так нету. Мы уходим.

Мы с Вербой подняли наши вещи и медленно пошли к берёзам. Мужики, стоявшие у берёз, отошли в сторону посадки, дав нам спокойно уложить вещи в сумки и подойти к машине. Верба всё время держала меня под руку, хотя идти так было труднее. Но заставить её отпустить мою руку я не мог.

Мы загрузили вещи в машину и сели сами. Я завёл мотор и включил фары. В свете фар впереди вдруг показались ещё люди. Они были повсюду, словно здесь было какое-то собрание: они стояли на дороге, возле дороги, на обочине, в поле, возле деревьев, дальше, возле домов и ещё дальше.

Прямо перед машиной, метрах в десяти, сидела на корточках женщина с длинными кучерявыми волосами и кавказскими чертами лица. Несмотря на причёску, я моментально узнал её: это была лысая женщина из моего сна. Она молча смотрела прямо в свет фар и не двигалась. Когда я уже начал соображать, как мне её объехать, она подняла глаза, будто посмотрев на меня, и что-то беззвучно проговорила. Затем встала и отошла в сторону.

Я плавно тронулся с места.

Только когда мы въехали в город и поехали по освещённым улицам, Верба громко выдохнула и сползла по креслу набок.

–□ С тобой всё в порядке? – спросил я.

–□ Ага, – кивнула она почти без сил.

–□ Испугалась?

–□ Ты видел, сколько их было?

–□ Да, видел. Я сам немного испугался. Всё, расслабься. Мы уехали оттуда и больше в

это место не вернёмся. Главное – мы сумели выяснить то, что нам было нужно.

–□ А кто эти двое-то? Ну, которые там до нас копали?

–□ Понятия не имею, – сказал я и припарковал машину под знаком «Стоянка запрещена». Затем достал мобильный и набрал номер Чеги.

–□ Клёст, – раздался в трубке его голос, – а ты куда делся? Опять уехал, что ли?

–□ Да... ненадолго. Слушай, я хотел у тебя кое-что спросить. Ты, случайно, не знаешь двух копателей? Один такой высокий, его видели в какой-то полосатой одежде, а второй – маленький, в очках, сильно заикается, его видели в кур...

–□ Дылда и Заика? – перебил меня Чеги. – Знаю этих двух гавриков, конечно. Они в основном на западе околачиваются. Бродивский котёл копали, Первую мировую немножко. Это люди Влада.

–□ Кого?

–□ У тебя со слухом что-то? Или с телефоном? Влада.

–□ Того самого? Я надеялся, мне послышалось.

–□ Нет, друг, тебе не послышалось. Того самого Влада, с которым вы своё кольцо всевластия делили.

–□ Ладно, – грустно сказал я, – спасибо.

–□ Да не за что. Звони, если что.

Я спрятал трубку и завёл мотор.

–□ Какие-то проблемы? – спросила Вербка.

–□ Да как тебе сказать... Эти двое, которые тут ковырялись... в общем, они работают на одного... ну, скажем, знакомого...

–□ А что с ним не так? С этим знакомым?

–□ Хм... понимаешь... на копе, в общем-то, практически все – любители. Просто люди, которым нравится ковыряться в земле, нравится что-то из неё доставать. Даже мы с Чеги, по большому счёту, – хорошо подкованные любители. Но в этом бизнесе есть и профессионалы.

–□ И этот твой знакомый – профессионал?

–□ В общем, да. Он из России, у него штат копателей – человек двадцать, целая сеть реализации и хорошая крыша. И у меня с ним довольно натянутые отношения после одного... инцидента...

–□ Знаешь, – сказала Вербка и спокойно посмотрела за окно, – после этих мужиков в поле, мне кажется, какие-то копатели, с которыми ты что-то не поделил, – это мелочи.

–□ Ну... – я пожал плечами, – не скажи. Влад – это совсем, совсем другой сорт неприятностей.

Мы припарковались возле гостиницы, и Вербка пулей полетела в свой номер, сказав, что ей нужно под горячую воду, чтоб унять дрожь, а я зашёл в свой и включил компьютер. В почтовом ящике был только спам. Я зашёл в аську. Хаим был онлайн.

Crossbill : Hallo, wir sind gleich zurückgekehrt.

Chaim : Hallo, und ich schreibe dir gerade jetzt einen Brief.

Chaim : Wo warst du? Haben Sie die Adresse besucht, die ich gefunden habe?

Crossbill : Ja, wir waren dort. Und haben viel Interessantes gefunden, Hans Brueghel haben wir leider nicht gefunden.

Chaim : Was ist es nun an diese Adresse?

Crossbill : Es ist eine lange Geschichte. Ich würde dir lieber gelegentlich persönlich erzählen.

Chaim : Abgemacht. Und ich habe schon eigentlich beendet. Es gibt gar nichts mehr über deinen Brueghel. Ich werde dir einen detaillierten Bericht erstellen, wo ich war, was ich sah, wen ich traf – glaub mir, ich ging alle Orte um, wo seine Anzeichen sein könnte. Es git nichts mehr. Spurlos verschwunden.

Crossbill : So was könnte man erwarten.

Chaim : Na ja, es gibt einen Moment...

Crossbill : Was für ein?

Chaim : In den Memoiren von Otto Skorzeny fand ich ein paar Zeilen über Brueghel und

seine letzte Reise.

Crossbill : Chaim, du spinnst wohl. Ich habe absichtlich die Erinnerungen von Skorzeny ausgelesen – es gibt kein Wort über Brueghel.

Chaim : Das ist, weil du die veröffentlichten Memoiren gelesen hast. Und ich habe eine Kopie des Manuskripts, bevor sie bearbeitet wurde. Da... gibt es Momente...die zu bearbeiten waren.

Chaim : Hier in Deutschland so eine Disko begonnen würde, wenn die Memoiren ohne Verkürzungen veröffentlicht waren... und nicht nur in Deutschland. Dort wären auch die Franzosen fröhlich, und die Spanier, und sogar die Briten...

Crossbill : Woher hast du die?..

Chaim : Na, ich habe Bekannten... die alten Freunde des Großvaters...

Chaim : eigentlich, das ist nicht wichtig.

Crossbill : Und was ist da?

Chaim : Skorzeny schreibt, dass Brueghel in die Division eintrat und ging nach Osten mit nur einem Ziel – sich mit einigen Menschen, die in der Sowjetunion lebten, zu treffen. Was für Menschen die waren und warum Brueghel sich mit denen treffen musste – ist überhaupt nicht klar. Aber Skorzeny erinnert sich, dass es keine Seltenheit war, wenn Brueghel den Einheitsstandort für drei bis fünf Tage verließ, um häufig in eine Art Wüste zu abfahren, manchmal sogar über die Frontlinie – und dann kehrte er zurück. Er berichtete dem Divisionsgefechtsstand über diese Reisen nicht, und eine Art von höherer Leitung hat ihn immer gedeckt. Zufällig war Skorzeny ein Zeuge des Telefonats von Hausser mit dem OKW, offenbar, mit jemandem aus dem «Oberen». Hausser erzählte, dass er nicht zulassen kann, dass die Person aus dem Einheitsstandort die Frontlinie kreuzt und keine Information weder dem Nachrichtendienst noch der Spionageabwehr vermittelt. Dann hat Hausser die Antwort lange zugehört, und ungern etwas beigestimmt.

Crossbill : Und was ist da mit Kamenez?

Chaim : Um diese Zeitpunkt diente Skorzeny schon nicht in «Das Reich». Aber er schreibt, dass Brueghel seit zweiundvierzig Jahre auf die Information von Reichskommissariat Ukraine gewartet hat. Und schließlich bekam er das. Jemand hat ihm ein Treffen angesetzt. Und gerade zu diesem Treffen mit einem «jemanden» ist Brueghel hingefahren.

Crossbill : Und wer ist dieser «jemand»? Hast du einige Hypothesen?

Chaim : Weisst du, lustig – Skorzeny war mit Hitler gut persönlich bekannt. Aber er hat nicht erfahren, womit Brueghel sich beschäftigt hat, und mit wem er sich getroffen hat. Er schreibt: «Für mich ist eine große Versuchung zu glauben, dass dies ein nächstes togeborenes Projekt von Führer war, aber am wahrscheinlichsten, war ich einfach nicht würdig, in solche Geheimnisse eingeweiht zu sein».

Chaim : Alles.

Chaim : Was glaubst du, habe ich Hypothesen?

Crossbill : Ich habe auch keine, Chaim. Nun, ich werde die Fäden in der Hand ziehen, vielleicht führen sie mich irgendwohin. Sechzig Jahre sind vergangen – ich hoffe, dass diese Geheimnisse nicht mehr so gespannt geschützt werden¹³.

¹³ **Crossbill**: Привет, мы только что вернулись.

Chaim: Привет, а я как раз тебе письмо пишу.

Chaim: Где были? Ходили по адресу, который я нашёл?

Crossbill: Да, ходили. Нашли много интересного, хотя Ганса Брейгеля, к сожалению, не нашли.

Chaim: А что там сейчас, по этому адресу?

Crossbill: Долго рассказывать. Я уж лучше тебе как-нибудь при личной встрече.

Chaim: Договорились. А я, в общем, закончил. Нету больше ничего про твоего Брейгеля. Я тебе подготовлю подробный отчёт, где я был, что видел, с кем общался – поверь, я обошёл все места, где могли быть его признаки. Ничего больше нет. Как сквозь землю провалился.

Crossbill: Чего-то подобного и стоило ждать.

Chaim: Ну, только один момент...

Crossbill: Какой?

Chaim: В воспоминаниях Отто Скорцени я нашёл несколько строк о Брейгеле и его последней

Написав это, я вспомнил о нашей сегодняшней встрече на копе и содрогнулся. Мы с Хаимом тепло попрощались, договорились созвониться и всё-таки пересечься где-нибудь в ближайшем будущем.

Я сходил в душ, вышел и упал на постель. Надо было провести Вербу и спросить, как там она. Но было ещё одно дело, которое лучше было закончить сейчас, потому что чем дальше, чем сложнее мне будет набраться смелости.

Я сел за компьютер и добавил Влада в визибль-лист. Он был офлайн, очевидно, сидел в инвизе. Я постучался.

Crossbill: Ты тут?

Vlad2308: Ба, Клэст! Какие люди! Сколько лет, сколько зим!

Crossbill: Как дела?

Vlad2308: Никогда не поверю, что ты постучался, чтобы спросить, как у меня дела. Спорю на сто рублей, что ты пришёл позлорадствовать по поводу того, что снова увёл у меня какой-то артефакт.

Crossbill: Ты проспорил. Сто рублей можешь на мой карточный счёт бросить, он не поменялся.

Crossbill: Я постучался, чтобы кое-что спросить.

Vlad2308: И что же тебе нужно?

Crossbill: Два парня – Дылда и Заика – на тебя работают?

Vlad2308: Ну... есть такие... а что?

Crossbill: Они сейчас в Каменце?

Vlad2308: А они в Каменце?

Crossbill: Ты у меня спрашиваешь? Это же твои люди?!

командировке.

Crossbill: Хаим, ты шутишь. Я специально перебрал воспоминания Скорцени – там ни слова нет о Брейгеле.

Chaim: Это потому, что ты читал опубликованные воспоминания. А у меня есть копия рукописи, ещё до того, как её отредактировали. Там... есть моменты... которые стоило отредактировать.

Chaim: Тут в Германии такая дискотека бы началась, если б их опубликовали без купюр... да не только в Германии. Там и французы бы порадовались, и испанцы, и даже британцы...

Crossbill: Откуда они у тебя?..

Chaim: Ну, есть у меня знакомые... старые дедовские друзья...

Chaim: В общем, не важно.

Crossbill: И что там?

Chaim: Скорцени пишет, что Брейгель поступил в дивизию и поехал на Восток с единственной целью – встречаться с какими-то людьми, жившими в Советском Союзе. Что это были за люди и зачем Брейгелю с ними надо было встречаться – совершенно неясно. Но Скорцени вспоминает, что не редкостью были ситуации, когда Брейгель уезжал из расположения части на три-пять дней, часто отправляясь в какую-то глухомань, иногда даже через линию фронта, а потом возвращался обратно. Он не отчитывался перед дивизионным командованием об этих поездках, и его всегда прикрывало какое-то высшее руководство. Один раз Скорцени стал свидетелем телефонного разговора Хауссера с ОКВ, судя по всему, с кем-то из «верхов». Хауссер рассказывал, что не может допустить того, что человек из расположения части пересекает линию фронта и не передаёт никакой информации ни разведке, ни контрразведке. После этого Хауссер долго слушал ответ и нехотя с чем-то соглашался.

Crossbill: А что там с Каменцом?

Chaim: К этому моменту Скорцени уже не служил в «Дас Райх». Но он пишет, что с сорок второго года Брейгель ждал информации из рейхскомиссариата Украина. И что в конце концов он её дождался. Кто-то там назначил ему встречу. И именно на встречу с этим кем-то и поехал Брейгель.

Crossbill: И кто этот «кто-то»? Есть хоть какие-то гипотезы?

Chaim: Знаешь, забавно – Скорцени был хорошо лично знаком с Гитлером. Но он так и не узнал, чем занимался Брейгель и с кем он встречался. Он пишет: «Для меня велик соблазн считать, что это был какой-то очередной мертворожденный проект фюрера, но, скорее всего, я просто не был достоин того, чтобы быть посвящённым в такие тайны».

Chaim: Всё.

Chaim: Как ты думаешь, у меня есть гипотезы?

Crossbill: У меня тоже нет, Хаим. Что ж, буду тянуть за те ниточки, что есть, может быть, они к чему-то приведут. Прошло шестьдесят лет – надеюсь, эти тайны не охраняются больше так пристально.

Влад ответил почти через минуту.

Vlad2308: Клёст, они пропали несколько недель назад.

Crossbill: Что значит «пропали»?

Vlad2308: То и значит. Доложились о проделанной работе, сообщили о ближайших планах и больше на связь не выходили. Мобильники вне зоны, ни с кем из знакомых не связывались.

Crossbill: А чем они занимались? Где они были?

Vlad2308: Ну... не то чтобы я не хотел сразу всё тебе рассказать о моих делах... но пойми меня правильно, пожалуйста...:-Р

Vlad2308: С какой стати мне тебе что-то рассказывать?

Vlad2308: Или ты – мой близкий друг? Или это не ты совсем недавно посылал меня и орал, чтобы я убирался в Россию, к своим медведям и кровавой гебне?.. Как там... «Дякую тобі боже, що я не москаль», да?

Чёрт, пожалуй, я тогда погорячился. Не стоило всего этого Владу говорить, хотя, когда я чувствую свою правоту, а кто-то пытается отобрать мой потом-кровью заработанный кусок хлеба, я могу стать невменяемым.

Crossbill: Влад, это было два года назад.

Vlad2308: А я злопамятный.

Crossbill: Я давно уже не копаю.

Vlad2308: Ага. Конечно. И поэтому ты сейчас сидишь в Каменце и спрашиваешь у меня, не мои ли парни Дылда и Заика, да?

Vlad2308: Давай колись, куда они делись?

Vlad2308: Выкопали что-то ценное и решили дать дёру?

Vlad2308: Ты их перекупил, а?

Vlad2308: Давай, Клёст, рассказывай, я всё равно узнаю.

Crossbill: Я не знаю, Влад.

Crossbill: Я честно не знаю.

Crossbill: Я их даже не видел своими глазами – я приехал вчера в город и за один день уже дважды натыкался на их следы.

Crossbill: Но я боюсь, что с ними могло случиться что-то плохое.

Vlad2308: Насколько плохое?

Crossbill: Чтобы понять это, мне нужны ответы на мои вопросы.

Crossbill: Влад, у меня такое чувство, что я влез куда-то... в какое-то дерьмо, причём по самую шею.

Crossbill: У тебя было когда-нибудь ощущение, что вокруг тебя происходит какой-то сюр?

Crossbill: Как будто ты видишь то, чего не должен видеть.

Crossbill: Словно весь мир сговорился и издевается над тобой...

Влад ответил не сразу.

Vlad2308: Было

Vlad2308: Когда-то давно, когда я был маленьким, я читал одну книжку в библиотеке.

Vlad2308: Мне было лет восемь, мы жили в небольшом посёлке. Родители у меня работали на каком-то местном оборонном заводе, и в доме из книжек были только монографии по квантовой физике. Поэтому, чтобы почитать вечером, я заходил в поселковую библиотеку.

Vlad2308: Я нашёл там одну книжку. Весёлую такую, про какого-то советского школьника, который путешествовал по морям, попал куда-то в Латинскую Америку, в футбол там играл...

Vlad2308: Я приходил каждый день и читал с того места, где вчера остановился.

Vlad2308: И вот однажды я пришёл, хотел взять её с полки – а её там нет. Я просмотрел всю полку, очень внимательно, – книги не было. Я просмотрел все соседние полки, соседние стеллажи, весь раздел детских книжек – нет её! По каталогу проверил...

Vlad2308: И не нашёл.

Vlad2308: Тогда я подошёл к библиотекарше и спросил, где эта книжка, которую я вчера читал. Почему я её найти не могу, кто-то её взял, что ли?

Vlad2308: А библиотекарша мне и отвечает:

Vlad2308: «Нету, мальчик, такой книжки. И НЕ БЫЛО НИКОГДА».

Vlad2308: Вот в эту секунду, Клётс, у меня было именно такое ощущение, как ты сейчас описываешь.

Crossbill: Так что это была за книжка? Что с ней случилось-то?

Vlad2308: А ларчик просто открывался.

Vlad2308: Это была книга «Мой дедушка – памятник» Василия Аксёнова.

Vlad2308: В тот день, когда я последний раз её видел, Аксёнов эмигрировал в США, и всем библиотекам дали команду извлечь его книги из всех фондов.

Vlad2308: Но я об этом уже после развала Союза узнал. А десять лет перед этим жил в сюрреалистическом мире, где вещи могут материализоваться и дематериализоваться прямо у тебя на глазах.

Vlad2308: Ладно, какая разница, я тебе расскажу.

Vlad2308: Если ты пообещаешь мне, что, когда найдёшь этих двоих, дашь мне знать.

Crossbill: Обещаю.

Vlad2308: Какие ответы тебе нужны?

Crossbill: Чем они занимались? Что они тут рыли?

Vlad2308: Я деталей, на самом деле, не знаю. Они работали на Бродивском котле, когда, с пару месяцев назад, у нас появилась новая заказчица.

Crossbill: Что за заказчица?

Vlad2308: Какая-то девчонка из Одессы.

Crossbill: Из Одессы?

Vlad2308: Да, а что? Ты знаешь, кто она?

Crossbill: Возможно.

Crossbill: И что дальше?

Vlad2308: Ей что-то нужно было помочь в Каменце. Они поехали. Что-то там искали. Что-то рыли. Но по их отчётам я так понял, что они практически ничего не нашли.

Vlad2308: Они больше архивы искали какие-то.

Crossbill: Какие архивы?

Vlad2308: Не знаю, Клётс. Они мне должны были подробно отчитаться после возвращения. И вот однажды она к ним приехала. Ребята её встретили, сказали, симпатичная, молоденькая такая. Ну мне было всё равно, она деньги платила, причём авансом.

Vlad2308: Она с ними походила немного. Съездила в Каменец ненадолго. А потом собралась уезжать. Они сказали: сейчас на вокзал её проводим и всё расскажем.

Vlad2308: И всё. Больше они на связь не вышли.

Crossbill: Ты написал «съездила в Каменец». Они что, не в Каменце были? Откуда они последний раз выходили на связь?

Vlad2308: Нет, не в Каменце. В Олыке. Не знаю почему, заказчица эта настаивала, что она будет жить в Олыке. И оттуда уже разъезжали – в Каменец, на коп. Выезжали, я так понял, ненадолго – туда и сразу обратно.

Crossbill: От Олыки до Каменца – неблизкий свет.

Vlad2308: Это по вашим, хохляцким, меркам – неблизкий.

Vlad2308: В вашей крошечной стране сто километров – уже расстояние. А для нас, бешеных собак, десять тысяч вёрст – не крюк, так что я даже не спрашивал, почему в Олыке.

Crossbill: Ясно.

Vlad2308: Найди их, Клётс.

Vlad2308: Они хорошие парни, и мне не хотелось бы, чтоб с ними что-то произошло.

Vlad2308: Если они в беде – помоги им.

Crossbill: Попробую.

Я написал последнее слово и откинулся на спинку кровати. Что ещё я мог написать? Попробую.

Я постучал в дверь. Раздалось какое-то шуршание, потом приглушённый голос Вербы:

—□Кто там?

—□Это я, Клёст.

Опять какое-то шуршание, потом что-то грохнулось на пол, раздались тихие ругательства и снова шуршание. Дверь открылась.

На пороге стояла Верба, без косметики, с распущенными волосами и замотанная в одеяло.

—□Заходи. — Она повернулась и пошла назад в комнату.

—□Да я на секунду. Хотел спросить, как у тебя тут дела. Всё в порядке?

—□Да, всё путём.

—□Успокоилась?

—□Я распарилась как следует. А потом вина напилась.

—□Да, пожалуй, это лучшее лекарство. Я думаю, зря я тебя сегодня с собой взял. Надо было тебя в гостинице оставить.

—□Да ну... ты же не знал, что нас там целая делегация встречать придёт...

—□Да, это точно. Такой встречи я не ожидал. Ну что... — Я осмотрел комнату долгим взглядом и нашёл, что всё действительно в порядке. — ...Тогда спокойной ночи.

Я повернулся и сделал пару шагов в сторону своей двери.

—□Клёст, — окликнула меня Верба.

—□Что?

Я оглянулся. Она стояла, сложив руки на груди и опершись плечом на дверной косяк.

—□Послушай. Я нормальная половозрелая женщина из плоти и крови. Ты долго будешь надо мной издеваться?

Я сделал шаг вперёд, схватил её в охапку и впился своими губами ей в губы.

Подобные моменты всегда откладываются в моей памяти какими-то кусками.

Я помню ощущение упругости, которое словно клеится к ладоням и остаётся на них долго после того, как они никого уже не гладят и ничего не касаются.

Я помню большой красивый левый глаз Вербы (куда из моих воспоминаний делся правый глаз?).

И волосы — я помню её волосы повсюду — у неё на плечах, у неё на спине, на подушке, на моём лице.

А потом — бесконечный диалог, из которого остались только какие-то фрагменты...

—□С повидлом. И сахарной пудрой присыпанные.

—□Треугольные?

—□Да, такие вот приблизительно.

—□Нет, не видел никогда.

—□Потрясающе. Значит, они действительно только с Запорожья были. А я-то была уверена, что в Советском Союзе «романтики» продавались на каждом углу. И что каждый советский ребёнок их должен помнить!

—□Нет, не видел никогда. Я, как ты понимаешь, недалеко от Запорожья вырос, но не видел этих «романтик» ни разу. А что ты делала в Запорожье? Ты же коренная одесситка?

—□У меня там бабушка жила.

—□Нет, я думаю, для писателей, которые писали книги толще пятисот страниц, в аду должна существовать отдельная — эксклюзивная — комната. Они сидят там на жёстких стульях и читают вслух полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина в одном томе, держа его в руках на весу. Вечность.

—□Ты жестокий.

—□Да, в моём личном аду много таких эксклюзивных комнат.

—□А для кого ещё есть?

—□Ну, например, для тех, кто что-то сверлит по утрам в выходные дни. У них в аду

отдельная комната, где им сверлят механической дрелью головы. Целую вечность.

–□Кстати, они же в своём опросе выяснили, что у среднего жителя Земли в жизни бывает десять с половиной половых партнёров.

–□Сколько?

–□Десять с половиной.

–□Здорово. А я никогда не занималась сексом с половиной партнёра. А ты когда-нибудь занимался сексом с половиной партнёра?

–□Нет, я тоже нет.

–□Надо у знакомых поспрашивать. Может, у кого было в опыте? Очень интересно, каково оно – трахаться с половиной партнёра...

–□А у тебя какое слово самое любимое?

–□В каком языке?

–□А что, у тебя в каждом языке своё любимое слово? В русском давай.

–□Ну... наверное, «заподлицо». Это как бы такое запаadlo, но вот не какое-то там вселенское запаadlo, а такое ма-а-аленькое запаadlo, запаadleцо такое.

–□Да, прикольное слово. А ещё в каких языках у тебя есть любимые?

–□В английском есть.

–□И что это за слово?

–□Вентрилоквист.

–□Как?

–□Вентрилоквист.

–□И что оно значит?

–□Ну это вариация поговорки «Всё хорошо, что хорошо кончается».

–□И какая?

–□«Все хороши, кто хорошо кончает».

–□Да, ничего. Я бы ещё так сказал: «Всё хорошо, где кто-то с кем-то в конце переспал».

Я проснулся около восьми утра, довольно рано, учитывая, каким долгим и насыщенным оказался вчерашний вечер. Солнце поднималось над горизонтом в небо без единой тучки и тёмного пятнышка. Вербка спала, подоткнув под себя подушку и ровно сопя носом, очень смешно отворачиваясь от солнечных лучей, когда блики падали ей на лицо.

Я сходил в душ, а потом к себе в номер, чтобы переодеться. Когда я вернулся, Вербка уже проснулась и лежала на постели вполоборота, подложив руку под голову.

–□Ну, что мы делаем дальше?

–□Дальше мы разделимся, – сказал я. – География поисков за последние сутки слишком усложнилась. Я поеду в Пилипец и найду этого деда. А ты поедешь в Олыку.

–□Куда?

–□Олыка. Небольшой посёлок между Ровно и Луцком.

–□А чем стереть след от стирательной резинки, не подскажешь?

–□Что?

–□Забудь. Так что там, в Олыке?

–□Средневековый замок, переделанный в дурдом. Больше ничего там не знаю.

–□А что мне там делать?

–□В общем, есть основания думать, что там жила Русалка, но где именно – непонятно. Так что попробуй просто собрать информацию. Пройдись по ней, найди какую-нибудь местную власть, узнай, где находятся местные архивы. Если там есть какие-нибудь гостиницы – посети все. Присмотрись, можно ли как-то выудить информацию о посетителях. Если что – звони.

–□Ясно, – кивнула она.

–□Тут до Ровно или Луцка должны ходить какие-нибудь автобусы, а там – маршруткой или возьми такси. Вечером я тебя заберу оттуда, как закончу в Пилипце.

–□Если закончишь, – предусмотрительно сказала Вербка.

–□Если будут какие-то трудности, я тебе позвоню.
–□А если ты будешь вне зоны? Это же Карпаты...
–□Давай так, если до шести вечера я тебе не позвоню и на звонки не буду откликаться, лови машину обратно до Каменца. Вот деньги. – Я положил деньги на столик возле постели и пошёл к двери, проверяя карманы.

–□А что, ты со мной не позавтракаешь? – разочарованно спросила Верба.

Я обернулся. Она привстала на постели и трогательно смотрела на меня ожидающим взглядом, закусив губу.

–□Позавтракаю, – кивнул я, – вымогательница. Только вставай быстрее и иди умывайся, а то завтрак в гостинице скоро закончится.

Я выехал из города около девяти. Дорога была влажной, но в целом нормальной, и погода стояла отличная. Я разогнался – мне предстояло проделать за сегодняшний день не меньше тысячи километров и позволить себе вальяжности я не мог.

До Хмельницкого время пролетело незаметно. Я выехал возле аэропорта обратно на Е50, с которой съехал по дороге сюда и продолжил движение по ней дальше на запад. Солнце после Хмельницкого переместилось с правой стороны машины на левую и всерьёз взялось за меня: казалось, оно двигалось по небу точно за моей машиной, припекая левую сторону тела и заставляя щуриться, даже солнцезащитные очки не спасали. Дорога всё время виляла то вправо, то влево, но почти не шла через населённые пункты с ограничениями скорости и неизменными гаишниками в кустах. Я доехал до Тернополя, объехал центр города по окружной дороге и продолжил путь дальше на запад.

Рельеф постепенно менялся. Неуверенные подольские лесополосы плавно превращались в бурную прикарпатскую поросль. Вокруг начинались холмы, которые с каждым километром всё больше и больше напоминали горы, а впереди передо мной постепенно вставала шириной во весь горизонт зелёная стена Карпат.

Я проехал Рогатин, затем Стрый и оказался окружён горами со всех сторон.

Дорога шла между двумя огромными хребтами, но для горной дороги была на удивление прямой. Вокруг был бесконечный карпатский лес, время от времени разбавляемый большими опушками, всё ещё зелёными долинами и уже заснеженными шапками гор вдалеке. Солнце то скрывалось за полонинами, то снова выныривало из-за леса, оживляя мой путь. В обе стороны по трассе ползли фуры, и иногда приходилось ползти вслед за ними по несколько километров, пока не появится возможность обгона.

За Тухолькой дорога раздваивалась, но я переборол в себе желание срезать, потому что на карте не было видно, есть ли вообще на короткой дороге проезд по Средневерецкому перевалу. Я поехал в объезд по Е50, и за Нижними Воротами съехал с трассы. За Воловцом дорога испортилась окончательно, и приходилось тщательно рассматривать дорожное покрытие перед машиной, перед тем как решать, по какой обочине объезжать очередную яму. В конце концов впереди появился аккуратный знак «Пилипець». Я был на месте. Посмотрел на часы – начало второго. Неплохо, учитывая качество украинских дорог.

Доехав до ближайшего магазина, я припарковал машину и остановил какого-то местного жителя:

–□Простите, не подскажете мне, где здесь дом номер 404?

–□Тут нету такого дома, – ответил он мне.

Старик

–□Как нету? – спросил я.

–□Ну вот так нету, – сказал местный житель, – у нас тут меньше четырёхста домов. Пилипец маленький... а что вам там нужно? Базу какую-то ищите?

–□Нет, мне нужен... старик. Егерь.

–□А, так Старик не тут живёт. Это вам наверх надо, на полонину.

–□Куда?

–□ Вот тут, – он показал рукой, – надо подняться наверх. Можете на канатке подняться. И дальше туда. – Он махнул рукой с такой силой, что я понял – идти надо будет далеко.

–□ А вы откуда знаете, про какого я старика спрашиваю? У вас что, в посёлке всего один старик живёт?

Местный пожал плечами, но я понял: сколько бы тут ни было стариков, Старик был один! Я посмотрел туда, куда показывал мне местный:

–□ А на машине туда как-то можно подняться?

–□ Не-е-е... на машине никак нельзя. Это только пешком.

–□ А куда идти-то? – спросил я, осматривая гору. – Я не заблужусь там?

–□ Да вы там спросите, наверху, как к Старiku добраться. Вам подскажут.

Я попросил местного показать, где здесь есть автостоянка, чтобы оставить машину на несколько часов, и поблагодарил его за помощь. Затем припарковал машину и прошёлся пешком к нижней станции канатной дороги. До начала сезона оставалось, наверное, с месяц, но карпатский «несезон», в отличие от черноморского, не навевал мысли о самоубийстве. Долина, в которой находился Пилипец, стояла зелёной, светило солнце, висевшее посреди яркого, будто нарисованного неба, весело журчал ручей возле дороги, вокруг него паслись овцы и козы.

Кресельный подъёмник начинался в километре от подножия. Желающих подняться, кроме меня, не было, но в ожидании сезона всё уже работало, так что я купил билет и уселся поудобнее.

Меньше чем за полчаса перед моими глазами прошла полная смена сезонов. У подножия ещё было лето, на склоне с зарослями черники и брусники – ранняя осень, над билетными кассами уже накрапывал дождик из невесть откуда появившейся тучи, а по дороге на гору он превратился в снег. Я приехал наверх уже в лютую метель и порадовался, что не оставил куртку в машине.

Среди множества пустынных бревенчатых забегаловок для горнолыжников попалась одна работающая, и парень за стойкой сказал мне, что к Старiku попасть очень просто.

–□ Вот по этой дороге, – он показал рукой на еле заметную под снегом тропу, – сквозь лес. Тут, наверное, километра три, а там впереди вы увидите на возвышении кафе для лыжников. Это для тех, кто на «дикий спуск» ходит. Кафе это сейчас не работает, они только в сезон открываются. Но хозяин там есть. Вот если вам повезёт, Старик будет в этом кафе.

–□ А если не повезёт? – спросил я.

–□ Тогда вам надо будет в лес идти. Но это я вам не подскажу, я не знаю, как до его дома добраться.

«Отлично, – подумал я, – три километра через чащу, и дальше – в лес. Лучше не придумаешь».

Ботинки тонули в снегу, ноги постоянно скользили, съезжали с тропинки, проваливались в какие-то ямы. Бревенчатый городок из забегаловок скоро скрылся сзади за поворотом, и я оказался полностью окружён густым хвойным лесом. По мере движения пару раз мне казалось, что я сбился с пути, тропинка постоянно терялась, и лес вокруг меня менялся до неузнаваемости каждые несколько метров. Я был в той части Украины, где можно было пойти за грибами, заблудиться и выйти к людям в центре какой-нибудь маленькой европейской страны, так что мои опасения не казались мне смешными. Однако каждый раз по каким-то второстепенным признакам я убеждался, что иду правильно и других тропинок тут нет. В конце концов впереди показалась опушка, и за последним рядом деревьев перед моим взором вдруг открылось огромное пустое пространство.

Я замер – у меня захватило дух. Передо мной простиралась полонина – огромная, поворачивающая то вправо, то влево, уходящая вдаль за горизонт и тающая впереди в дымке горная гряда с поросшими лесом склонами и крутыми камнепадами, припорошенными снегом. По этим-то камнепадам, как я понял, и гоняли здесь экстремалы – это был «дикий спуск». Впереди, приблизительно в километре, стоял небольшой бревенчатый домик с огромным дымоходом по центру. Наверное, это и было то самое «кафе», где мог оказаться

Старик. По крайней мере, других кафе здесь не было видно.

Я двинулся вперёд, проваливаясь ногами в снег и стараясь защититься воротом куртки от порывов ветра, бившего меня в лицо мириадами острых снежинок. Краем глаза я вдруг заметил в лесу, за деревьями, какое-то движение, но, когда я повернулся, там ничего не было. Показалось, решил я, но шёл дальше на всякий случай очень осторожно – и, как выяснилось, не зря. Тропинка здесь закончилась – или я её потерял, – и под ногами постоянно оказывались какие-то провалы, коварные скользкие русла дождевого смыва и брёвна, о которые я спотыкался и летел в снег, разбивая лицо в кровь.

Преодолев все коварные преграды, я дошёл до здания, но мне понадобилось ещё несколько минут, чтобы обойти его и обнаружить вход. Вблизи было видно, что из трубы тянется чуть заметный прозрачный дымок – скорее даже плотный пар, чем дым разожжённой печи. Видимо, внутри кто-то был. Я нашёл дверь, взобрался на утопающее в снегу крыльцо и постучал. Изнутри донесся нечленораздельный возглас, и я, приняв его за приглашение, толкнул дверь и вошёл.

Я оказался внутри довольно большого и очень светлого зала, заставленного пустыми дубовыми столами. Посреди зала я увидел огромный мангал, над которым нависала вытяжка такого же размера, плавно переходящая в дымоход. Множество больших окон давали достаточно света, чтобы можно было не включать искусственное освещение. У одного из окон за столом, облокотившись левой рукой на спинку резной лавки и держа в правой большую кружку с чем-то дымящимся, сидел Старик и смотрел на меня прищуренными глазами.

–□Заходи, заходи, не бойся, – сказал он и сделал приглашающий жест рукой. – Мороз выпускаешь.

Я закрыл за собой дверь, прошёл внутрь и сел на лавку напротив Старика.

–□Глинтвейну? – Старик подмигнул мне. – Лучшее средство, чтоб согреться после карбканья через снег.

Я кивнул.

–□Сейчас попросим хозяина. – Старик повернулся в сторону мангала, и неизвестно откуда, словно из-за ширмы, отделявшей эту реальность от какой-то другой, появился плотный лысоватый мужчина в переднике.

–□Кружку глинтвейна, – сказал Старик, и хозяин так же внезапно исчез.

Я оглядел Старика. Он был одет в обычную для этого времени года одежду – тёплая куртка поверх тёплого свитера, а свитер поверх тёплой, шерстяной рубашки. Волосы – чёрные пополам с седыми – коротко подстрижены, большая, но аккуратная борода «Гарибальди». Вокруг глаз у него было множество морщин – как у человека, который часто смеётся. Старик сидел в свободной, расслабленной позе, но при этом казался собранным, и каждое его движение было четким, словно он не просто поворачивал голову, опирался на спинку лавки, подносил кружку ко рту, а показывал, как это надо делать.

–□Ну что, – спросил Старик и посмотрел мне в глаза, – поговорим?

Я кивнул. Он поставил кружку на стол и прикрыл глаза рукой.

–□Дай угадаю, – сказал он, – ты – Клэст. Верно? Третий день в Каменце ошиваешься. Ты давно меня интересуешь.

–□Я? – удивлённо спросил я, и первое произнесённое мною в этом доме слово как-то странно отозвалось в пространстве вокруг. Словно пространство было готово к тому, что я буду сидеть здесь, но не ожидало, что я буду ещё и говорить. Я смущённо замолчал.

–□Да, ты, – сказал Старик, – ты знаешь, сколько «Мёртвых голов» было найдено на Украине? Нет? Четыре. Всего четыре штуки за всё время, прошедшее с окончания войны до сегодняшнего дня. И две из них нашёл ты. Не надо только скромничать и рассказывать мне про удачу. Ты ведь не будешь мне рассказывать про удачу, верно?

–□Нет, – хрипло сказал я, всё ещё не в силах привыкнуть к тому, как реальность вокруг отзывалась на мои слова, – не буду. Это не удача. Это долгий и упорный труд. Списки пропавших без вести и списки кавалеров Кольца. Сопоставление, анализ, поиски и

длительный, тяжёлый коп. Это долгий и упорный труд.

– □ Долгий и упорный труд, – повторил Старик, довольно кивая головой, – всё, что нас с тобой окружает, – это долгий и упорный труд. Дома, дороги, космические корабли. Леса и долины, реки и степи. История человеческой цивилизации и каждая отдельная судьба. Кто-то долго и упорно трудился, чтобы создать всё это. И, признайся, результат впечатляет.

Я не понимал, о чём он говорит, но согласился. Много из того, что нас окружает, действительно производит впечатление. Из-за моей спины вдруг появился хозяин, поставил на стол кружку с дымящимся содержимым и ушёл из поля зрения.

– □ Открой мне одну тайну. – Старик доверительно наклонился вперёд, будто собирался что-то мне шепнуть. – Какого года были кольца? Я, по понятным причинам, коллекционер. Мне было ужасно интересно, я даже пытался как-то выйти на тебя, чтобы обсудить их покупку... но, говорят, у тебя постоянные клиенты.

– □ Да, у меня на каждое кольцо был покупатель. Первое было тридцать восьмого года – с совершенно стёртой мордой. А второе – сорок третьего, зубастенькое такое. Отлично сохранилось.

– □ Сорок третий год! – Старик в восторге всплеснул руками. – Моя любовь! Огромный нос с перегородкой и восемь отличных арийских зубов, да?

– □ Ну, я бы сказал – восемь с половиной. Там кусочек сбоку ещё торчал.

– □ Какая вещь! И кому же ты её продал?..

– □ Ну... одному старому заказчику...

– □ Да-да, конечно. Конфиденциальность превыше всего! Не надо мне рассказывать, – Старик протянул вперёд руку, будто останавливая меня, потом взял кружку и сделал большой глоток.

Я поднял со стола свою и понюхал содержимое. В нос мне ударил богатый аромат вина и разнообразных приправ. Я осторожно поднёс кружку ко рту и попробовал. Вино было терпким, горячим и сладковатым. Кроме кориандра и гвоздики в нём были ещё какие-то специи, названия которых я не знал, и что-то такое, запах чего я раньше даже ни разу не слышал.

Я сделал несколько небольших глотков и почувствовал, как по телу разливается тепло. Я посмотрел в окно – в метре от нас, за двойным стеклом с налипшим снаружи снегом, завывала настоящая зима. В середине осени, после утренней езды под палящим солнцем, это было удивительное ощущение. Дальше, сквозь метель, можно было увидеть длинную снежную шапку полонины.

– □ У меня есть для вас сообщение, – сказал я и посмотрел на Старика.

– □ Для меня? – удивлённо спросил Старик (И я смущённо пожал плечами.). – Интересно, от кого?

– □ От одного... пациента психиатрической больницы.

– □ А, от потерянного, что ли? – Старик сделал ещё один большой глоток глинтвейна и довольно покивал. – И что же он просил передать?

– □ Он сказал, что там нет белок.

– □ Как нет? Что, ни одной, что ли? Ни одиночных, ни парных?

Я пожал плечами:

– □ Не знаю, я передал слово в слово так, как он просил. Там нет белок.

– □ Как же тогда с ними общаться-то, без белок? – Старик задумчиво посмотрел в кружку, а потом поднял глаза на меня и весело, как-то по-озорному, подмигнул: – А, ладно. Что-нибудь придумаем. И не такие проблемы решали.

Я опять пожал плечами. Наверное, что-то можно было придумать.

– □ Как там потерянный? – спросил Старик. – Всё так же ждёт, когда за ним придут?

– □ Ждёт, – кивнул я, – странный человек.

– □ Он не человек, – покачал головой Старик. – Вот ты хочешь разобраться во всём, но никак не можешь понять один момент. Вещи вокруг тебя далеко не всегда являются тем, чем кажутся. Если у кого-то две руки, две ноги и он говорит на языке, который ты понимаешь, –

это ещё не значит, что он – человек. Это не значит, что он родом из этого мира, что у него так же, как у тебя, болит горло, если он простудился, что он с ностальгией вспоминает мультфильмы, которые смотрел в детстве, что у него такие же представления о добре и зле, наконец. Не давай внешнему виду обмануть себя.

–□ Как же мне отличить человека от... от нечеловека?

–□ А никак. Доверяй интуиции. Вот ты лично видел когда-нибудь таких людей, как он?

–□ Хм... наверное, нет.

–□ Вот видишь – это несложно. Следующий шаг – понять, что таких людей и вовсе нет. Потерянный не отсюда. Он... очень издалека. И его место – в другом мире. И его когда-нибудь заберут, конечно. Давно бы забрали, если бы видели.

–□ А почему его не видят?

–□ Он находится... как тебе объяснить... ну вот у тебя есть мобильный телефон?

–□ Есть, – кивнул я.

–□ У тебя здесь есть связь?

Я достал мобильник. Возле изображения антенны не было ни одной полоски.

–□ Нет, нету.

–□ А почему?

–□ Тут... наверное, нет покрытия.

–□ Вот-вот, «нет покрытия». Что-то вроде того и с корректорами. Есть такие места или даже целые зоны, где у них... как бы нет покрытия. И они не могут контролировать то, что там происходит.

–□ И где есть какие зоны?

–□ Да повсюду. Их не так уж много, иногда они маленькие, иногда побольше, но они всегда обращают на себя внимание. Люди издавна это чувствуют. По этим местам часто проводят межу, когда что-то делят. На границах и возле них полно таких зон. Ещё в них очень любят строить дома для умалишённых. Не знаю, почему. Так как-то само складывается.

–□ Вроде игренского?

–□ Да, там вообще одна из самых больших зон в мире. Ну и больница огромная.

–□ А в Олыке? – вдруг сообразил я.

–□ О-о, смешной вышел случай. Старик Радзивилл всё хотел там себе дом построить. Прятался он от кого-то, что ли?.. Не знаю. Но у каждого здания, как и у каждого человека, – свой путь. Теперь и там тоже клиника.

–□ Хм... а если бы потерянный был не там, а в другом месте... ну, там, где его было бы видно... за ним бы сразу пришли?

–□ Нет, что ты. Корректоры никогда в жизни не явятся сюда во плоти ради одного потерянного дурака, к тому же неопасного. У них и без него дел хватает, ты уж поверь мне. Нет, сами они приходят исключительно редко. Только тогда, когда кто-то вносит серьёзные, непоправимые нарушения в общий ход...

–□ А это так редко происходит? – недоверчиво спросил я.

–□ Ты должен понимать, что обычный человек – такой, как ты, как эта твоя Верба или те, кто катаются тут зимой на лыжах, – не может нарушить правильный ход вещей и уж тем более – хе-хе! – поломать его. Уготованный тебе путь похож на... на бобслейную трассу. Ты несёшься, не задумываясь о том, что тащат тебя вперёд не твои усилия, а сила земного притяжения. Тебе кажется, что ты выбираешь путь, что ты сворачиваешь вправо или влево, но в действительности поворачиваешь не ты, а бобслейная трасса, по которой ты катишься. А это значит, что, как бы ты ни крутился, тебя всё равно будет тащить вниз по твоей колее. Понимаешь?

Я кивнул.

–□ Я раньше, – продолжал Старик, – сравнивал ход вещей с рекой, мне так самому легче было понять. Есть некое течение, постоянный ток. И твоё движение вниз по течению не зависит от твоего решения, – ты можешь лежать расслабившись, можешь грести, помогая

этому течению, или, наоборот, грести против него. При этом твои усилия куда слабее реки, и она всё равно продолжает тащить тебя вниз, что бы ты ни делал. Но потом я понял, что в этой аналогии есть один изъян.

–□Какой?

–□У любой реки есть берег. И это значит, что ты можешь грести в сторону и в итоге выбраться. Выбраться из тока. Остаться снаружи.

–□А это невозможно?

Старик улыбнулся, поднял со стола кружку и сделал большой глоток глинтвейна. Потом посмотрел в окно. Затем снова улыбнулся и посмотрел мне в глаза.

–□Когда мне задают вот такие вопросы в лоб, я теряюсь. Я тебе сейчас отвечу честно, но только ты, пожалуйста, не задавай мне после этого глупых вопросов, хорошо?

–□Хорошо.

–□В этом мире – да и во всех других мирах – нет ничего невозможного. Конечно же, возможно всё. Но только тот, кто знает это и кто пытается, словно безумный, искать способы всех обмануть, обычно очень плохо заканчивает. Очень плохо. Конечно, можно отрицать предначертанное, пытаться жить чужой жизнью, а то и вовсе порвать эту реальность в клочья. Взять хотя бы Гадалку. Ты ведь знаком с этой дурой? Всю жизнь пытается доказать самой себе и окружающим, что она – не она, имя её – не её имя, а жизнь её – это не её жизнь. Елозит, эксперименты какие-то ставит, ритуалы проводит безумные, всё с янтарём своим носит. Якобы он обладает какими-то свойствами и влияет на течение времени...

–□А он не обладает?

–□Обладает. Ну и что? Он не для неё обладает, а для тех, кто знает, что с ним делать нужно. Она однажды чуть весь наш мир не разорвала, дура, как нерадивый школьник, что на уроке химии сделал из нитроглицерина и опилок динамит. Все это очень печально наблюдать. Столько усилий – и всё выбрасывается псу под хвост.

–□Ну почему же псу под хвост? Что-то же она меняет?

–□Да ничего она изменить не может! Откуда она вообще знает – может быть, каждое её действие на самом деле является простой корректировкой?! – Старик взял со стола кружку. – Вот смотри. Я взял кружку. Откуда я знаю, почему я её взял? Может быть, мне так захотелось. Может быть, так было предначертано, моя судьба – взять эту кружку. А может быть, кто-то просто что-то корректирует, и поэтому я взял кружку. Случайные люди совершают случайные действия, даже не подозревая о том, что являются лишь слепыми инструментами для достижения каких-то целей. Они никогда не узнают этих целей. Они никогда не узнают, каков результат всех этих случайных движений.

–□А потом во сне к ним приходят тростниковые волки. Так? – спросил я.

–□Тростниковые волки, – Старик усмехнулся, – цепные псы корректоров. Ну, иногда они приходят, да, хотя далеко не ко всем. Не каждый инструмент ломается в процессе использования. Не каждый инструмент оказывается больше непригоден. Не каждый надо выбрасывать. Его ведь можно использовать опять, снова и снова. Я могу ещё раз поднять кружку и ещё раз. – Старик поднёс кружку ко рту и сделал несколько глотков. Потом поставил её на стол, повернулся в сторону мангала, и, словно по волшебству, из ниоткуда снова возник хозяин.

–□Ещё одну, пожалуйста, – сказал Старик, и хозяин, забрав кружку со стола, отступил на шаг назад и исчез.

–□Что ж, – сказал я, раздумывая над словами Старика, – похоже, корректорам действительно нет смысла являться лично. Но ведь зачем-то они всё равно приходят?

–□Очень редко, – сказал Старик, – но приходят. И, должен тебе сказать, их приход не сулит ничего хорошего. Последний раз они приходили в 1959 году, собрались на драку.

–□На драку?

–□Да, я тебе как-нибудь расскажу. Знатное было побоище. В радиусе ста километров никто не выжил. Даже микробы, говорят, погибли. Но это ведь не каждый день бывает, верно?

–□Ну... пожалуй, – пожал я плечами.

–□Корректоры приходят, если возникает настоящая проблема. Такая, с которой нельзя справиться чужими руками.

–□Например? – спросил я.

–□Ну... – Старик задумался ненадолго, а потом махнул рукой, будто прогоняя какое-то видение. – Я расскажу тебе одну историю, если ты не торопишься.

Я покачал головой в знак того, что не тороплюсь. Старик посмотрел в окно, и я тоже повернулся в ту же сторону, не успев заметить, как на столе появилась новая кружка с дымящимся содержимым. Старик поднял кружку, сделал глоток и начал:

–□На юго-восток отсюда, дальше, за горами, ближе к Горганам, есть лес. Тут повсюду леса, но там лес особенно густой и тёмный. Огромные сосны вперемежку с пихтами и лиственницами, разные кусты, густой подлесок и огромные орешники, плотные, будто изгородь. Там и небольшому зверю тяжело – трудно развернуться, а уж человеку и подавно. И в этом дремучем лесу наш отряд попал в засаду.

Партизанское подразделение, в которое мы входили, тогда уже соединилось с регулярными частями. Мы прикрывали левый фланг восемнадцатой армии. Бои в то время шли почти непрерывно, мелким стычкам не было числа. Немцы отступали вязко – делали шаг назад и снова окапывались. На брошенных позициях они оставляли множество ловушек, минировали всё, что можно было заминировать, везде, где только можно было, оставляли засады. Наступать сплошным фронтом в таких условиях было опасно, даже если враг уже убежал и ты двигался вперёд по пустым лесам и долинам. Самыми главными людьми тогда были сапёры, но их вечно не хватало. Каждый полк, батальон, даже, наверное, каждый взвод имел разведчиков – несколько человек посылали вперёд проверять проходимость и безопасность дороги. Весь фронт тогда высылал вперёд небольшие группы на разведку, будто вытягивал вперёд щупальца, которыми прощупывал врага перед собой.

Наш разведотряд должен был проверить лес – ушёл ли отсюда враг, если не ушёл – то где закрепился. А если ушёл, то что тут после него осталось. Лес был сухой, но идти было сложно – из-за поломанных деревьев, коряг и множества нор, густых крон над головой и лёгкого тумана, неведь откуда взявшегося и стоявшего в лесу целый день.

Отряд был маленький – всего шесть человек, включая меня. Шесть совершенно разных людей, каждый со своим багажом прошлого, своими мыслями, чувствами и надеждами, каждый со своей судьбой. При взгляде на них я видел пять направляющих нитей, уходящих вперёд совершенно по-разному, под разными углами и на разную длину. Пересеклись в это время и в этом месте – и разошлись опять.

Слева от меня шёл командир – здоровенный русин, крепкий, как дуб, и отчаянный, как тореадор. До сорок второго он всё кичился своим «личным нейтралитетом», говорил, что это не его война, и пусть фашисты с коммунистами перебьют друг друга, и вот тогда все спокойно заживут. Но потом его угнали на работы в Германию, а деревню его сожгли. Он спрыгнул с поезда по дороге на Львов и подался к партизанам.

Ему не суждено было пережить войну – с регулярными частями он дойдёт до Праги и погибнет десятого мая сорок пятого года в боях на улицах города.

За ним, прикрывая левый фланг, шёл Красавчик – совсем молодой парень, отличный стрелок, из тех, что белке в глаз попадают со ста шагов. Этот в партизаны пришёл с отцом – старым крестьянином. Они были убеждёнными коммунистами, так что все к ним относились настороженно. Но отца у Красавчика быстро убили, а сам он оказался решительным и вместе с тем осторожным парнем. До сих пор не понимаю, как эти качества в нём уживались. Из самых страшных передраг всегда выбирался живым, рука была твёрдой, стрелял без промаха даже под бомбёжкой.

После войны он пойдёт рабочим на завод. Попробует продвинуться по профсоюзной линии, но так уж он будет носиться со своим боевым опытом, с медалью со своей, фронтовиков вокруг себя собирать, что ему просто перекроют дорогу наверх раз и навсегда. Сталин не любил фронтовиков, не разрешал праздновать День Победы и недолюбливал всех,

кто с памятью военных лет никак не мог расстаться. Красавчик начнёт пить и в пятьдесят седьмом сопьётся окончательно. Умрёт в больнице, под капельницей, нацепив на больничную пижаму свою медаль.

Правый фланг у нас прикрывал Пуля – самый лучший оружейник, какого я видел в своей жизни, а уж я их много повидал, можешь быть уверен. Самострел Пуля мог собрать из обрезка водопроводной трубы, коряги и нескольких болтиков, а уж починить мог вообще всё. В партизанах, считай, человека нужней не было.

До войны он был геологом, занимался разведкой железных месторождений. Он был из старой профессорской семьи, отца его репрессировали, мать тоже, дядю репрессировали и бабушку по отцовской линии. Его самого три раза задерживали, но, поскольку занят он был важной и очень нужной тогда стране работой, каждый раз кто-то кому-то откуда-то звонил, и его отпускали.

После войны Пуля займётся разведкой нефтяных месторождений, исколесит и исходит ногами весь Советский Союз, вдоль и поперёк. Станет лауреатом нескольких Государственных премий, о нём будут писать газеты, один раз даже появится в телевизоре. В 1959-м в экспедиции на Урале он исчезнет – и остатков экспедиции так и не найдут. Следствие решит, что они сорвались в ущелье в горах. Посмертно ему присвоят звание Героя Социалистического труда и назовут его фамилией улицу в небольшом металлургическом городишке.

Впереди шли двое сапёров – Малыш и Круглый.

Малыш был самым молодым у нас в отряде. Его родителей, евреев, убили в первый месяц оккупации, а сам он спрятался и, выбравшись, пошёл к партизанам – так что боевой опыт у него был один из самых больших во всём соединении.

После войны он окончит школу, станет комсомольцем, как участник войны сумеет поступить в Киевский финансово-экономический институт, вступит в партию и двадцать лет затем будет делать партийную карьеру. В семьдесят первом станет председателем обкома и пробудет им до семьдесят шестого года. Его зарежут дома, ночью, во сне. Милиция так и не найдёт, кто это сделал.

Круглый был нашим поваром – он обладал редким талантом из нескольких картофелин, веточки мяты и патронного пороха готовить отличное блюдо, которое не стыдно было бы подать к столу и в мирное время. После меня он был самым старшим в отряде, а может, и во всём соединении. Он был родом с хутора из-под Коломии, при поляках был зажиточным крестьянином, имел большое хозяйство, семерых детей. В тридцать девятом, после прихода Красной армии, его репрессировали как кулака, а в сорок втором отправили воевать. Его штрафную роту бросили выбивать врага из какого-то подлеска, все погибли, а он расстрелял все патроны – тогда выдавали всего несколько штук, да и то было хорошо, ведь кому-то вообще не выдавали, – и спрятался. Немцы наступали, они ушли вперёд, а он окольными дорогами в конце концов дошёл до родных краёв и подался в партизаны.

После войны его опять репрессируют, посадят, он пройдёт десять лет гулаговских лагерей, но его кулинарный талант поможет ему выжить даже в самых страшных местах. В пятьдесят шестом он выйдет и снова вернётся на свой хутор, где к тому моменту уже будет колхоз. Жена и почти все дети его погибли. Он женится снова, вступит в колхоз, будет там и за агронома, и за зоотехника, заведёт четырёх детей. Умрёт Круглый аж в девяностом году в окружении большой семьи, известным и уважаемым человеком.

Лес был незнакомым. У нас была какая-то карта, да какая от них польза в такой глуши? Шли практически наобум, по наитию, осторожно пробираясь мимо редких открытых мест и продираясь сквозь заросли. Ни одной тропинки мы так и не отыскивали, хотя следы присутствия немцев были повсюду. Если бы не эти следы, мы бы ушли уже давно назад. Но поскольку следов этих было много, мы были уверены, что где-то здесь, в этом лесу, немцы разбивали лагерь, а может, и укреплённые позиции где-то есть. А значит, нам нельзя было возвращаться, пока мы их не найдём.

Отыскав на карте участок леса, до которого мы ещё не дошли, мы повернули туда. По

очереди перескочили через какой-то ручей, прошли вдоль неглубокого оврага, обошли небольшую прогалину. Дальше осторожно продрались сквозь заросли малины и уткнулись в орешник.

Орешник был здоровенным, вправо и влево уходил так далеко, как было видно, а вверх поднимался метров на шесть, не меньше. Кажется, я никогда и не видел таких здоровенных орехов. Тут были и старые, и молодые орехи, всё росло невероятно плотно, чтоб отыскать хоть какой-то лаз среди стволов, надо было несколько минут их рассматривать.

Мы остановились в нерешительности. Орешник можно было обойти, но к чему тогда вообще были нужны наши поиски, если мы всё равно обходили трудные места, не проверяя их? Командир оглядел нас, потом махнул рукой, показывая, что будем идти через него насквозь, и сказал «с богом».

Мы начали продираться. Хотя у всех был большой опыт незаметного передвижения по лесу, треск стоял такой, что нас, наверное, слышали за несколько километров. Мы старались держать какой-то строй, но в такой чаще это было невозможно. Прогалины между кустами ореха были метр на метр, редко больше, и мы продирались и продирались, уже практически потеряв направление, стараясь ориентироваться только друг на друга.

Первым убили Красавчика. Густые заросли перед нами прорезала пуля, и мы услышали громкий хлопок одновременно с тем, как Красавчик вскинул руки и плавно осел на землю. И тут на нас посыпался целый град выстрелов. Казалось, что пули сыпались отовсюду, со всех сторон сразу.

Мы попадали и начали отстреливаться, пытаюсь сориентироваться в том, что происходит вокруг. Командир стал кричать, чтоб мы постепенно отступали, но плотность огня была очень высокой. Круглый приподнялся, чтобы дать очередь по кустам впереди, но тут же упал, метко срезанный выстрелом справа. Мы с Пулей попеременно поливали просветы впереди очередями, и, пользуясь паузой, Малыш вскочил и бросился назад, в мою сторону. Оказалось, что он сделал это вовремя. В момент, когда он оторвался от земли, перед ним взметнулся фонтан песка. Я был недалеко, он преодолел расстояние между нами в три прыжка, но зацепился за ветку и тут же получил очередь по ногам. Он грохнулся мне на руки, и я подтащил его поближе, спрятав за деревом.

Поняв, что по-другому нам не убраться, Пуля вытащил гранату, выдернул чеку и с размаха запустил её вперёд и вправо, откуда сыпались очереди. В момент, когда он выпустил гранату из рук и она по плавной дуге полетела вперёд сквозь листву, его срезала пуля слева. Он дёрнулся, но тут же оказался припечатан ещё одной, на этот раз справа, и больше уже не шевелился. Это явно были снайперы, но я никак не мог увидеть вспышку выстрела, хотя осматривал основания деревьев и кустов вокруг очень внимательно.

Граната упала, раздалась быстрые нервные фразы на немецком, затем рвануло. Мы все вжались в землю, потом приподнялись и начали стрелять. Командир встал на ноги, но тут же получил пулю в грудь, и я увидел, откуда раздался выстрел. Снайпер висел в люльке на дереве, и, судя по всему, с другой стороны был ещё один. Пока Малыш прикрывал меня, стреляя по просветам впереди, я дал длинную очередь по кроне большой пихты и через секунду увидел раскачивающуюся люльку – человек в ней был мёртв. Я аккуратно переложил автомат под другую руку, но только я попытался высунуться слева, как раздался выстрел, порвавший мне гимнастёрку и чудом не задевший плечо.

К этому моменту диспозиция уже плавно нарисовалась у меня в голове. Мы вдвоём с Малышом лежали в углублении между корнями большой сосны: я пока не был задет, но у Малыша были прострелены обе ноги; левая была вроде получше, но правая была совсем плоха, даже ковылять, опираясь на кого-то, он бы не смог. Слева, под кустом ореха, лежал командир – у него было пробито лёгкое, и он тяжело дышал, вжимаясь спиной в землю.

Наших в живых больше не осталось – а впереди, метрах всего в десяти или пятнадцати, затаились немцы. Прямо по центру было несколько автоматчиков. Слева, в люльке на дереве, висел второй снайпер. Впереди и справа у немцев был небольшой резерв, но он рано себя обнаружил. Пуля накрыл весь резерв гранатой – если там кто-то выжил, то вряд ли он

остался боеспособен.

Я несколько раз попытался высунуться, но спереди доносились короткие очереди, и, главное, меня не упускал из виду снайпер. Если бы место было чуть более открытым, можно было бы попробовать дожидаться ветра – на дереве всегда несладко в ветреную погоду. Но в этой чаще рассчитывать на помощь природы не приходилось.

Я замер. Тихо стонал Малыш, пытаясь уложить свои ноги так, чтобы они доставляли ему как можно меньше боли. Мерно дышал, истекая кровью, командир в паре метров от нас. Ты знаешь, как свистит и булькает пробитое лёгкое? Это неприятный звук, поверь мне. Это звук смерти.

Я закрыл глаза.

Подобные бои очень быстротечны – с первого выстрела прошло всего несколько десятков секунд, может быть, минута. Но когда твои вены рвёт адреналин, время растягивается и кажется, что лежишь здесь уже целую вечность. Лежишь, не зная, что делать, в ожидании неизбежной гибели.

Не помню, о чём я тогда думал. Наверное, о какой-нибудь ерунде. О трущих портянках. О том, что в лагере я отложил кусок сахара для вечернего чая, интересно, кому он теперь достанется? Что-нибудь такое, наверное. Не помню.

Помню, как я открыл глаза и посмотрел в небо над головой – испещрённое стволами орехов, сосновыми ветками и ещё чем-то, что трудно было узнать по чёрным силуэтам на фоне небесной синевы.

Я снова закрыл глаза.

Снова открыл их.

И обнаружил, что стою посреди кустов малины. Я поднял взгляд – и увидел впереди спины Малыша и Круглого! Они как раз подходили к орешнику. Не понимая, что происходит, я рефлекторно вскинул руки и закричал чуть ли не в голос, но тут же заткнулся и закрыл рот рукой. Если впереди, в орешнике, была фашистская засада, то лучше было себя не выдавать.

Ко мне подскочил командир и ошарашенно взял меня за плечо. Он спросил, всё ли со мной в порядке, а если да, то не сбрендил ли я, раз кричу на весь лес неведь что.

Я сказал, что всё в порядке. Но что в орешник впереди лучше не идти.

Сложно было что-то выдумывать, ведь правду говорить не было никакого смысла, и я сам в неё не верил. Я сказал, что краем глаза увидел впереди какое-то движение, и мне кажется, что дело тут нечисто. Ещё я сказал, что если бы я устраивал засаду, то непременно выбрал бы этот орешник. И что если впереди нас ждут фрицы, то лучше уж подойти к вопросу как следует. Так что мы разделились, осторожно зашли с двух сторон и, когда мы наконец-то сумели разглядеть впереди засаду, забросали опешившего врага гранатами.

Оказалось, что в этом лесу находился арьергард целой армии и мы напоролись на один из отрядов, призванных уничтожать вражеских разведчиков. Весь лес потом приходилось вычищать маленькими шажками, а каждый орешник сначала простреливала артиллерия, а потом уже проверяла пехота.

Я так и не рассказал ребятам, что тогда увидел, и они прожили спокойно свои жизни и умерли своими смертями, не задаваясь глупыми вопросами и не мучаясь мнимыми проблемами.

–□А что же это было такое? – спросил я. – Виде□ние?

–□Э-э, нет. У меня не бывает галлюцинаций и грёз. То, что я пережил в этом лесу, случилось на самом деле. И только одно событие могло стать причиной тому, что все мы, весь наш отряд, не остались там кормить червей.

–□Корректоры? – спросил я.

Старик улыбнулся.

–□Когда они появляются, постоянно происходит какая-то мелкая хрень, время местами растягивается или сжимается. День, когда мы попали в засаду, стал днём величайшего позора и величайшего триумфа корректоров. Знаешь, какая это была дата?

–□Какая?

–□Двадцатое июля тысяча девятьсот сорок четвёртого года. Ты ведь знаешь, что произошло в этот день?

Я откинулся на спинку лавки.

–□Хм... покушение на Гитлера? Заговор двадцатого июля. Это общеизвестный факт, это во всех учебниках написано.

–□Да, но в учебниках написано не всё. – Старик посмотрел мне в глаза. – Гитлер был мёртв. Целых двенадцать минут. А потом всё изменилось.

Место для тампакса

–□Мёртв? – переспросил я.

–□Разумеется, – ответил Старик, спокойно кивнув головой, – у меня ушло восемь лет на то, чтобы это выяснить. Когда я всё понял, то поразился, как я не догадался об этом раньше! Ты только вдумайся, насколько всё это неправдоподобно. Две бомбы, которые гарантированно убивали всех в помещении. Закрытый бункер. Портфель с бомбой прямо под ногами. А теперь – следи за руками. Из двух бомб фон Штауфенберг одну выбрасывает. Почему? Мы не знаем. Но даже одной бомбы достаточно! Далее – заседание переносят из бункера в летний домик, якобы из-за жары, чего раньше никогда не делали. Но и это всё равно не могло спасти фюрера. Затем – офицер штаба отодвигает портфель со взрывчаткой от цели. Но даже всего этого недостаточно – взрыв разнёс в клочья одежду Гитлера. А что же он сам? На нём нет ни царапины. Ты веришь во все эти безумные совпадения? Если бы такое написали в книге, я бы счёл это третьесортной выдумкой. Как сейчас говорят, «бульварное чтиво». У автора подобной белиберды было либо совсем плохо с фантазией, либо...

–□Либо что?

–□Либо хронически не хватало времени. Одиннадцать корректоров! Целых одиннадцать корректоров собрали тогда вместе, чтобы ухватить ток времени и отмотать его назад хотя бы на несколько минут. Для того чтобы состряпать нормальную, правдоподобную легенду, им пришлось бы мотать часы, а то и дни. Потому что они прозевали длительный и самый сложный процесс. Они умудрились проспять заговор! Представляешь себе?

–□Мне сложно судить об этом, но разве весь заговор происходил в каких-то местах, где у них... ну, нет покрытия? Они разве не должны видеть всё, что происходит?

–□Должны. Но не всегда способны. У них есть свои естественные ограничения, как у меня или у тебя. Тот факт, что ты *можешь* что-то увидеть, не означает ведь автоматически, что ты это *видишь*, верно? Ты хотя бы приблизительно представляешь себе, что такое война? Фантастическая каша, в которой с трудом можно уследить за судьбой целых народов, наций. А уж каждую отдельно взятую жизнь проследить становится просто невозможно.

–□И как же корректоры со всем этим справлялись?

–□Есть много разных хитростей. Они повсюду оставляли себе чёрные ходы, вся наша реальность ими испещрена, как голландский сыр дырками. И подряжали всех, кого можно, для самой разнообразной работы.

–□Кого? Людей?

–□Ну да. Почему бы и нет? Есть масса идиотов, которые, несмотря ни на что, не боятся связываться с тем, чего не понимают. Да у корректоров была целая сеть помощников!

–□А Ганс Брейгель? Какова его роль во всём этом?

–□Ха! – Старик довольно всплеснул руками. – Опять двадцать пять! Оставь ты это. Брейгель – это миф! О котором я уже устал слышать от всех встречных и поперечных.

–□Что значит «миф»? Я обладаю совершенно точной информацией, что человек с таким именем...

–□Да могло быть несколько тысяч людей с таким именем, – перебил меня Старик, – но ни один из них не являлся хранителем. Это всё глупые выдумки этих... «слуг кармы», или как их там...

–□«Хранитель»? Вы сказали «хранитель»? Я уже не в первый раз слышу это слово. А вы знаете, что он хранил?

–□Ну... якобы... у него были эти... солдатские жетоны...

–□Жетоны? – удивился я. – Во множественном числе?

–□Ну да... шесть или семь... или шесть в кармане и один на шее, я не помню. Всё это дурацкие рассказы.

–□А что это за жетоны? Зачем они нужны?

–□Ну, если надеть такой жетон на шею, то ты якобы становишься... как тебе объяснить?

–□Невидимым для корректоров? – предположил я. – Как в зоне, где нет покрытия?..

–□Да, но не только. Ты как бы... вообще выпадаешь из тока времени... исчезаешь из общего плана... понимаешь? Доплываешь до края реки и выбираешься на берег. Мир вокруг тебя продолжает жить по общим законам, а ты находишься вне его.

–□А откуда взялись эти жетоны? Кто их сделал?

–□Да сами же корректоры и сделали. Ещё одна «чёрная дыра», чтобы тасовать чужие судьбы. Так, по крайней мере, говорили, но всё это – просто байки, и не более того. Не слушай ты их.

Старик поднял кружку и сделал большой глоток, а я достал из кармана половину жетона Ганса Брейгеля и бросил её на стол. Когда Старик ставил кружку, я внимательно следил за его реакцией. Могу поставить всё, что у меня есть, что Старик увидел жетон и понял, что это такое. Но ни один мускул не дрогнул, ни одна складка или морщинка на лице не сдвинулась. Поразительное, какое-то неземное самообладание.

–□Это жетон Ганса Брейгеля, – сказал я.

–□Это половина жетона, – поправил меня Старик и аккуратно подвинул её к себе по столу пальцами.

–□Одиннадцатый номер штаба мотопехотной дивизии СС и вольфсангель вместо номера дивизии. Почему вольфсангель, кстати?..

Старик пожал плечами:

–□Волчий крюк?.. Считается, что он ловит волков. Он и вправду чем-то отпугивает этих малышей...

Старик произнес слово «малют» с искренней теплотой, и не каждый понял бы, что он имеет в виду волков.

–□Это один из тех жетонов, о которых вы говорили? – спросил я.

Старик опять пожал плечами:

–□Трудно сказать. Это ведь только половина жетона. Жетон работает, лишь когда он целый. Разломленный пополам, он бесполезен.

Он осторожно взял половину жетона пальцами и поднёс к глазам. Затем улыбнулся чему-то и положил его назад на стол передо мной.

–□Спрячь это и никому не показывай. А ещё лучше – верни туда, откуда взял. Зря ты с этим связался.

–□Делать нечего, – сказал я и одним большим глотком допил глинтвейн, остававшийся в моей кружке, – уже связался.

Я посмотрел на часы. Пора было идти, иначе я мог не успеть до вечера приехать в Олыку.

–□Послушай, что я тебе скажу, – сказал Старик, глубоко вздохнул и поставил локоть левой руки на стол. – Если... – он взмахнул в воздухе указательным пальцем, – ты найдёшь Брейгеля и если, – он сделал ещё один взмах, – ты найдёшь эти жетоны, то прислушайся к моему совету: не трогай их. Проживи свою жизнь и умри своей смертью. Не ищи встречи с тростниковыми волками.

Он вдруг стал по-лешковски растягивать слова: «о-че-ре-тя-ны-мы... вов-ка-мы...»

–□Спасибо за совет, – сказал я и встал.

–□На секунду, – сказал он и сделал приглашающий жест, – дай мне твою левую руку.

Я сделал шаг вперёд и протянул Старику ладонь. Он взял мою кисть в одну руку и указательным пальцем другой, надавливая на кожу ногтем, нарисовал мне на тыльной стороне запястья развёрнутую букву «Z». Когда он отпустил мою кисть, на ней остался отчётливый красный след его ногтя.

—□Зачем это? – спросил я.

—□Я бы не прожил так долго, если бы не умел себя защищать. Отсюда куда сложнее выйти, чем войти. Ну, не буду тебя задерживать. Тебя ждут. Тебе уже эсэмэс пришло.

Я достал мобильник, но там по-прежнему ничего не было.

—□У меня нет никаких эсэмэс, – сказал я.

—□Это потому, что ты вне зоны. Но как только ты вернёшься, сразу его получишь.

—□Прощайте, – сказал я.

—□До свидания, – поправил меня Старик.

Я открыл дверь и вышел в морозный воздух полонины.

На улице я сделал несколько больших вдохов, а затем обошёл кафе и медленно побрёл в ту сторону, откуда я пришёл сюда. Солнечный свет с трудом пробивался через тяжёлые белые тучи, и метель продолжала свои попытки сбить меня с ног. Отойдя несколько десятков метров, я поднял глаза вперёд, чтобы сориентироваться... и застыл на месте.

Впереди на тропинке, по которой я шёл, приблизительно в километре, у самой кромки леса, сидел огромный чёрный зверь и смотрел на меня. У меня засосало под ложечкой. С такого расстояния сквозь метель трудно было рассмотреть его в деталях, но даже по общим очертаниям я понимал, что таких животных не бывает. У него было тело огромной собаки или волка, только с мощными передними лапами – такими же крепкими, как задние. Его массивная морда отдалённо напоминала льва – со скидкой на то, конечно, что львы не бывают иссиня-чёрного цвета. Мне показалось, что именно это животное бросилось на мою машину, когда мы ехали в Каменец.

Несколько секунд я пытался рассматривать его, затем сделал шаг вперёд, оступился и взмахнул в воздухе обеими руками, чтобы удержать равновесие. Когда я снова поднял глаза, его уже не было. Я осторожно пошёл вперёд, разглядывая деревья впереди, но зверь больше не появился.

Без приключений я добрался до бревенчатого городка. Когда проходил мимо единственного работающего кафе, на его пороге стоял знакомый парень, тот, что рассказывал, как добраться до Старики.

—□Даже когда находишь то, что ищешь, это не всегда приносит облегчение, да? – спросил он.

—□Это точно, – кивнул я, и в этот момент у меня запищал мобильный. Сначала я получил сообщение о том, что мне звонили, а затем – СМС от Вербы.

«Perezvoni srochno!»

Я набрал её номер.

—□Привет, ты когда будешь? – сразу спросила она.

—□Ну... я сейчас выезжаю. Часа три-четыре, не меньше.

—□Досадно... – Она замолчала, как будто над чем-то раздумывая. – Ладно, ничего не поделять, приезжай, как сможешь. Не трать только времени, помни, что я тебя жду.

—□Еду, еду. Что-то случилось?

—□Да... ты лучше приезжай, я тебе покажу. Не хочу по телефону ничего говорить.

Я повесил трубку и пошёл на канатную дорогу.

Вся смена сезонов прошла в обратную сторону: я уезжал из самой настоящей зимы, но метель стихла приблизительно на середине спуска, а снег плавно перешёл в дождь. Когда я прибыл к подножию, прекратился и он. Добравшись до своей машины и заведя мотор, я с удивлением увидел, что на небе сияет солнце, а редкие облачка вокруг даже отдалённо не напоминают ту закрывшую всё небо тучу, которую я видел с вершины. Что ж, тем лучше. По хорошей погоде легче вести машину. Особенно это важно после выпитого глинтвейна. Впрочем, пьяным или даже захмелевшим после всех этих снежных переходов я себя не

чувствовал.

По колдобинам я с предельной осторожностью добрался до Воловца, затем выехал на трассу и разогнался. Дорога подсохла, и, казалось, бесконечная череда фур в обе стороны слегка поредела, так что вести было легко. Я не успел и глазом моргнуть, как показался Стрый и на выезде из города – развилка. Эти места я знал не очень хорошо, так что доверился карте: через Львов она обещала дорогу на Дубно на тридцать шесть километров короче, чем через Тернополь. Я поехал прямо по Е471, которая через полчаса превратилась в отличную прямую двухполосную автостраду – М06. По ней я доехал до Львова, обогнул его по кольцу и выехал по направлению на Дубно. Как только я свернул на Е40, дорога резко испортилась, но я уже приновился к местной езде и своеобразному виду местных колдобин.

Начинало темнеть. Горы остались позади и теперь напоминали о себе лишь тёмной полоской на фоне заката, которую было видно, если обернуться назад. Зато по обеим сторонам дороги тянулись леса или посадки, заполнявшие собой бо́льшую часть пространства между сёлами.

Я проехал Буськ и после широкой дуги с заворотом против часовой стрелки въехал в Броды. Здесь я уже когда-то был – это большой перевалочный пункт для копателей. Перед Бродами дорога стала двухполосной, затем, за городом, опять однополосной. Дальше она менялась, то расширяясь, то сужаясь, каждые несколько километров. В последний раз дорога расширилась перед населённым пунктом с интригующим названием Верба, в котором я вдруг сообразил, что, кроме глинтвейна, у меня во рту ничего не было с самого утра.

Через двадцать километров после Вербы я въехал в Дубно. Было уже почти совсем темно, только на западе ещё можно было разобрать медленно гаснущую полосу заката. Я припарковался возле какого-то гастронома, купил себе булочек, слоек и упаковку ряженки, затем разложил всё это на пассажирском сиденье и попытался, жуя, разобраться по карте, как лучше ехать. Олыка находилась на перекрёстке второстепенных дорог в треугольнике «Луцк – Ровно – Дубно». Самой прямой дорогой от Дубно до Олыки было выехать из города по Е40, свернуть на Е85, затем через пятнадцать километров свернуть направо на просёлочную дорогу, через тринадцать километров, на развилке, свернуть ещё раз направо, затем, через километр, – налево, где через мост через реку и два поворота должна быть Олыка, шестнадцать километров. К несчастью, я понятия не имел, насколько точна моя карта и насколько проезжими в это время года были местные просёлочные дороги.

Я доел и ещё раз позвонил Вербе.

– Ну что, ты уже здесь? – спросила она.

– Я в Дубно.

– Что ты так долго?..

– Ничего себе долго – да я летел просто! Мне до Олыки километров сорок осталось.

– Приезжай!

– Я звоню спросить, как тебя там искать-то? Ты сама где?..

– Да я тут в столовой какой-то... ну... давай так – через полчаса я буду ждать тебя у входа в клинику. Знаешь, где это?

– Хм... что-то мне подсказывает, что найду.

Я бросил телефон на сиденье, ещё раз внимательно просмотрел мой маршрут по карте, и поехал.

Верба стояла в темноте возле центрального входа в клинику, закутанная в свой серый плащ, и торопливо курила. Её красивые пальцы слегка дрожали и сжимали сигарету чуть сильнее, чем это делают привычные пальцы курильщика.

– Ты куришь? – спросил я.

Она вскрикнула:

– А! Тьфу, ты меня напугал. Ты как появился так незаметно? Что, пешком из Дубно пришёл?

– Я машину поставил... здесь... в общем, недалеко. По Олыке в темноте ездить

невозможно совершенно. Ну, давай рассказывай, что тут такое.

—□ Да ничего. То есть буквально — на всю Олыку, кроме этой больницы, — Верба кивнула на синюю вывеску «Волинська обласна психіатрична лікарня № 2», — ничего больше нет, это градообразующее предприятие. В советское время тут были колхозы или совхозы какие-то, я не поняла. Ещё был цех, тоже сельскохозяйственный, плодоконсервный, что ли. Сейчас в Олыке какое-то агротоварищество и ЧП по выпуску сухих смесей. Всё. Гостиниц тут никаких нет и не было никогда, ни библиотек, ни архивов, ничего, даже поесть толком тут негде.

—□ Я понял. Рассказывай про больницу.

Верба набрала воздуха в лёгкие, затем испуганно оглянулась по сторонам. Вокруг никого не было. Где-то в отдалении лаяла собака, и если бы не она, то стояла бы совершенно мёртвая тишина. Ночь накрыла Олыку, будто пуховым одеялом.

—□ У тебя фонарик есть? — тихо спросила Верба, раздавила носком туфли свой окурок и посмотрела на меня.

—□ Есть, — кивнул я, — ещё пинцет есть и сапёрная лопатка. Но всё остальное я в отеле оставил, так что если копать надо, то, боюсь, ничего не получится.

—□ Нет, — тихо сказала Верба, — копать не надо. Идём.

Я пошёл за ней.

Мы обошли большое прямоугольное здание, которое я окрестил про себя «главным корпусом», прошли через какой-то садик, затем мимо полуразрушенных домов и снова через какую-то посадку — то ли сад, то ли парк. Фонари не светили, но над головой висел неожиданно большой и яркий диск полной луны, озарявший всё голубоватым светом. В итоге мы подошли к мрачному холму, из которого торчали остатки могучих кирпичных стен. Верба ещё раз оглянулась по сторонам и, внимательно смотря себе под ноги, полезла вниз, в какую-то яму с не по-осеннему буйной растительностью. Я начал осторожно спускаться за ней. При ближайшем рассмотрении оказалось, что с двух сторон яма была ограничена кирпичными сооружениями: с одной стороны сплошной стеной, с другой — какой-то аркой. Мы воспользовались пологим спуском, обильно засыпанным мусором. Похоже, мы приближались ко входу в каземат одного из разрушенных бастионов крепости.

—□ Вот тут, — сказала Верба почти шёпотом и показала рукой в самый угол.

Я огляделся, затем прислушался: вокруг — ни единого звука и никакого движения. Я посветил фонариком и посмотрел в ту сторону, куда показывала Верба. Из залитой прошедшими дождями и присыпанной землёй мусорной кучи луч фонарика выхватил торчащую человеческую кисть.

Я выключил фонарик.

Посмотрел на Вербу.

Огляделся по сторонам и снова прислушался.

Мы были одни.

Я снова включил свет и нагнулся над кистью. Да, это человеческая рука, сомнений быть не могло. Аккуратно расчистив мусор, я обнаружил всю руку в чёрном кожаном рукаве до самого плеча, а затем увидел и голову. Верба вскрикнула.

—□ Тихо, — сдавленно прошипел я и продолжил осмотр.

Как любому копателю, мне приходилось видеть много трупов, но они были на гораздо более поздней стадии разложения. Собственно, раньше я видел одни кости, в лучшем случае — мумии. Здесь же передо мной совершенно точно был свежий труп — от него шла невыразимая вонь, ударившая мне в нос после того, как я стащил с него очередной мусорный пакет. Если присмотреться, можно было увидеть червей, — проворные маленькие дряни уже делали своё дело, явно планируя успеть уничтожить остатки мягких тканей быстрее, чем здесь появится милиция. Я осторожно проверил карманы куртки, они были пусты.

Я зашёл сбоку, достал из своего кармана носовой платок, прикрыл им нос и попытался разрыть мусорную кучу ещё глубже. Не прошло и минуты, как слева от первого трупа я нащупал что-то твёрдое, что на поверку оказалось плечом второго. Под полуразложившейся

кучерявой головой валялись очки – три или четыре диоптрии. Карманы его куртки также были пусты. Я раскопал их туловища и ноги и обратил внимание, что первый труп был явно выше второго.

Это были Дылда и Заика.

Прости, Влад.

Я уже ничем не смогу им помочь.

Я выключил фонарик, поднялся, убрал платок от лица и вдохнул ночной воздух.

–□Идём отсюда, – тихо сказал я Вербе.

Мы вылезли, огляделись, чтобы убедиться, что мы по-прежнему одни, и молча вышли в какой-то проулок под свет одинокого уличного фонаря.

–□Рассказывай, – сказал я.

–□Да нечего рассказывать. Я покрутилась тут немного и поняла, что если здесь действительно жила Русалка, то она могла остановиться только в клинике. Пошла осмотреться. Тут, в общем-то, люди все приветливые, на территорию пускают без проблем, но какие-то настороженные все. Будто знают, что ты им зла не желаешь, но всё равно гадостей ждут. С вопросами о том, где можно переночевать, сразу отсылают к кастелянше.

–□А что кастелянша?

–□А что? Если надо переночевать – пожалуйста! Но ни на какие вопросы отвечать не хочет. Никого тут не было, никого не видела, помочь ничем не может. Я ещё несколько кругов здесь намотала, осмотрела этот замок. Судя по всему, когда-то красивая была громадина. А сейчас – типичная советская больница. В общем, ничего интересного я не увидела и не услышала. А потом стала наблюдать за психами. И тут я обратила внимание, что один всё рвался выйти за территорию, чем-то его эта яма привлекала, возле бастиона. Ну я туда и полезла. И увидела эту... кисть торчащую... я сразу начала тебе трезвонить, а ты – вне зоны.

Я посмотрел на часы.

–□Кастелянша до которого работает?

Верба пожала плечами:

–□Не знаю... но, если я правильно поняла, она прямо тут и живёт, в замке. Сигарету хочешь? – Верба протянула мне распечатанную пачку.

–□Я лучше напьюсь, когда мы закончим, – сказал я. – И... Верба...

–□Что?

–□На всякий случай... если ты не поняла... то, что мы видели, – это тайна. Об этом нельзя никому рассказывать.

–□Два раза можешь не повторять, – грустно сказала Верба, – знаешь, мне как-то прислали один роман для публикации... я уже плохо помню, о чём он был, но очень хорошо запомнила название. Мне кажется, оно идеально подошло бы для нашей ситуации.

–□Что за название?

–□«Место для тампакса».

–□Да, – кивнул я, – ты права. Точнее не скажешь. Это место для тампакса.

Я громко постучал в огромную дубовую дверь. Подождал несколько секунд. Тишина по-прежнему нарушалась только лаем собак, изнутри здания не доносилось ни звука. Я постучал ещё раз, более настойчиво. Через какое-то время внутри здания что-то загромыхало, потом раздалось то ли шарканье, то ли тихая ругань, а скорее всего, и то и другое. Пришлось подождать почти минуту, пока дверь наконец распахнулась. Нас залило светом стоваттной лампочки без абажура, висевшей под потолком.

Перепуганной медсестре я сразу объявил, что не собираюсь ничего выслушивать и хочу немедленно видеть кастеляншу.

Она оставила нас в предбаннике и быстро зашаркала куда-то по коридорам. Дав ей отойти на десять метров, до ближайшего поворота коридора, я тихо пошёл за ней, время от времени оглядываясь, чтобы проверить, не отстала ли Верба. Медсестра повернула в третий раз и остановилась перед одной из дверей, однообразно окрашенных белой эмалью. Она

приблизилась к двери практически вплотную, насколько мне было видно из-за поворота коридора, и поскреблась в неё, – до этого момента я был уверен, что люди скребутся в двери только в романах Дарьи Донцовой и никогда в реальной жизни. Из-за двери раздался приглушённый шёпот, и медсестра что-то отвечала таким же шёпотом. Затем в замке двери провернулся ключ, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Я быстро, в три шага, подошёл к двери, проигнорировав перепуганный взгляд медсестры.

–□Вы – кастелянша клиники? – грозно спросил я.

Кастелянша растерянно кивнула. Это была обычная женщина сорока пяти или, может быть, пятидесяти лет с совершенно непримечательной внешностью, если не считать огромной бородавки на правой щеке. Я аккуратно, но уверенно взял её за плечо:

–□Вернитесь в комнату.

Она оступила на шаг назад, мы с Вербой зашли вслед за ней, после чего закрыли дверь прямо перед носом у медсестры. Типичная общаговская комнатуха, напомнившая мне комнаты общежития времён моего студенчества. Разве что электрочайник в углу настаивал на том, что времена с тех пор хоть немного, да изменились. Я стал нетерпеливо прохаживаться по комнате, степенно проговаривая заранее заготовленную речь:

–□Меня зовут Маркиян Алексеевич. Я представляю национальное управление охраны памятников межгосударственного наследия. – Я сунул ей в лицо какую-то очередную ксиву, уверенный, что она не бросит на неё даже беглого взгляда. – И у меня к вам очень... очень много вопросов! Вы хотя бы приблизительно представляете себе, во что вы ввязались?.. – Я продолжал говорить, стараясь не упускать из виду её лицо. Оно всё больше и больше погружалось в бездну паники. Только бородавка на ее щеке жила своей, совершенно обособленной от остального организма жизнью. Эта бородавка двигалась, когда всё остальное лицо замирало, и оставалась неподвижной, когда каждая мышца лица находилась в движении. Она была возбуждена, когда остальное лицо было спокойно, и по мере того, как я говорил и кастеляншей всё больше и больше овладевал ужас, бородавка всё более и более явственней старалась показать мне, что ей плевать на мои детсадовские угрозы и я могу идти сами-знаете-куда.

Когда я уж было решил, что вся моя затея с устрашением кастелянши провалится, кастелянша вдруг заговорила. И не просто заговорила, а затараторила со скоростью пулемёта, и, учитывая её характерный волынский говор, мне пришлось изрядно напрячься, чтобы не упустить из виду что-либо важное.

Три недели назад с ней связалась какая-то девушка, которая искала сведения о своих родственниках из Олыки, следы которых потерялись в 1939 году. Эта девушка заранее, по телефону, договорилась о том, что снимет здесь, в здании больницы, комнату на месяц и будет отсюда организовывать поиски и архивные работы. Она приехала, заперлась у себя в комнате и практически не выходила оттуда несколько дней. К ней приезжали какие-то молодые люди, потом уезжали, приезжали опять. Потом она сама уезжала и приезжала опять. А потом, в один день, она собрала все свои вещи, уехала и больше сюда не вернулась.

Из всего насыщенного текстуального потока я выудил единственную вещь, которой к этому моменту ещё не знал:

–□На месяц?

–□Что?

–□Она сняла комнату на месяц?

Кастелянша испуганно посмотрела на меня. Оказалось, что Русалка заплатила сразу за месяц – я не стал спрашивать, какую сумму. Девушка поставила жёсткое условие, чтобы в течение этого месяца, до конца которого осталось полторы недели или около того, никто не входил в отведённую ей комнату, даже когда её там нет. Особенно, когда её там нет.

–□И что, никто туда на входил?

–□Нет-нет, – испуганно замотала головой кастелянша, – спаси господи! Никто не входил. Никто, нет.

Она так усиленно меня в этом убеждала, как будто я мог подумать о ней что-то дурное, если бы выяснилось, что уборщица, скажем, вытерла пыль в комнате Русалки.

—□И после того, как она уехала, никто не входил? После того как она последний раз уехала?

—□Нет, — язвительно сказала кастелянша, и её бородавка презрительно затряслась, — как мы и договорились, до истечения месяца никто туда не входил. А месяц ещё не закончился. Да, признаться, я не знаю, как туда зайти, даже когда он закончится.

—□А что такое? Что-то не так с этой комнатой?

—□Нет, — задумчиво проговорила она, — с комнатой всё в порядке... наверное... Я ведь там не была уже почти три недели. Но... не к добру это всё. Не к добру.

—□Что не к добру?

—□Всё не к добру. Зря я согласилась тогда. Зря заключила этот договор. Подкупили меня эти рассказы про потерянных родственников...

—□...и деньги... — добавил я.

—□И деньги тоже. Ох не надо было, не надо было. — Она перекрестилась, повернувшись к иконе в углу.

—□Ну что, — сказал я, — идёмте. Покажете нам, что там, в этой комнате.

—□Нет-нет — перепуганно замотала она головой, — я не пойду, я не пойду. Месяц не закончился ещё. Я не пойду.

—□Послушайте, — я сделал грозное выражение лица, но она меня перебила:

—□И не пойду, и ни за что! Я вам ключ дам. Сами идите. А я туда не войду до конца месяца ни под каким предлогом!

И она, и её бородавка были настроены чрезвычайно решительно, так что я не стал настаивать.

Мы взяли ключ. Медсестра, которая привела нас сюда, пошла впереди, показывая дорогу. Мы поднялись на второй этаж по скрипучим деревянным ступеням, прошли ещё по одному коридору, повернули за угол. Впереди были точно такие же, как и раньше, ряды крашенных дверей по обеим сторонам. Ничего необычного.

—□Вот эта, — показала медсестра и быстро пошла назад — спустя секунду я услышал скрип ступеней лестницы.

Я посмотрел на Вербу.

—□Открывай, — сказала она, — чего тянуть? Вряд ли мы там увидим что-то такое, чего мы ещё не видели.

Я вставил ключ в замочную скважину и провернул. Раздался громкий щелчок. Я провернул ещё раз — раздался ещё один щелчок. Ключ упёрся, дальше провернуть было нельзя. Я взялся за дверную ручку, набрал в грудь побольше воздуха и открыл дверь.

Свет от лампы из коридора упал на дощатый деревянный пол и на стоявший посреди комнаты стул. Я протянул руку и пошарил по стене — выключателя не было. Я сделал шаг внутрь, обогнул дверь и тут же нашёл выключатель с другой стороны.

Включил свет.

Прищурился.

И огляделся.

Я стоял посреди небольшой стандартной комнаты, очень напоминавшей ту, где мы только что разговаривали с кастеляншей. Возле стены — кровать, возле другой — стол, между ними — тумбочка. И почему-то посередине комнаты — стул. На столе и на тумбочке находилось несколько бытовых мелочей — настольная лампа, кипятильник, рулон туалетной бумаги, но ничего такого, что можно было бы счесть чьими-то личными вещами.

Я выдохнул.

—□Ну что, — сказала Верба и медленно пошла за мной, — как я и говорила, ничего тут нет. Русалка уехала отсюда на...

Уже войдя в комнату, она вдруг зацепилась ногой за неровный порожек и с размаха, ударившись головой о стул, грохнулась на пол.

Я бросился к ней.

—□Верба! Всё в порядке?

Она, вероятно, была в сознании, потому что, когда я осторожно взял её за плечи, она оперлась о пол локтями. Затем она медленно встала на колени и, пошатываясь, поднялась на ноги. Медленно оглянулась и посмотрела на меня.

Я почувствовал, что у меня желудок подкатился к горлу: на меня смотрела не Верба.

Нет, конечно, это было то же лицо, те же волосы, тот же плащ — уж плащ-то точно не изменился. Но вот выражение этого лица, неуловимые детали в разрезе глаз, морщинах, характере дыхания были чужими. На меня смотрел совершенно незнакомый мне человек.

Верба — или, вернее, тот человек, который был теперь вместо неё, — попыталась сделать шаг и чуть не упала опять. Я подхватил её.

—□Хрм... ахрмрмх... — Казалось человек не в силах заговорить. Он долго откашливался, затем произнес глухим голосом: — Помогите мне сесть.

Я посадил её на стул, и она моментально оперлась о спинку и свесила голову набок.

Я отошёл к кровати и осторожно присел на краешек. Затем посмотрел на неё и увидел, что она всё время следит за мной краем глаза, не выпуская из поля зрения ни на мгновение. Увидев, что я это заметил, она криво усмехнулась.

—□Ты кто? — спросил я. — Где Верба?

—□Ай! — Она отмахнулась. — Было бы из-за чего переживать. Мне бы твои проблемы.

—□Русалка? — недоверчиво спросил я.

Она опять криво улыбнулась и размашисто кивнула.

—□Будем знакомы, Клёст. Жаль, выпить за знакомство нечего.

—□Где Верба? Куда она делась?

—□Ай! — Она опять отмахнулась. — Да верну я тебе твою Рамзесиху, не переживай. Верну. Никому она не нужна.

Она сделала несколько глубоких вдохов и осторожно встала. В этот раз у неё получалось явно куда лучше, чем в первый. Она медленно прошла по комнате — к двери, затем в противоположную сторону, к окну, и назад, к стулу. Она шла достаточно уверенно, но была в каждом её движении какая-то неловкость, словно она надела ботинки, которые ей жмут, и рубашку на три размера больше, в рукавах которой сейчас запуталась. Она подошла к стулу и оперлась двумя руками о спинку.

—□Должна сказать, что я под впечатлением, — сказала она, — у меня ушло пятнадцать лет на то, чтобы пройти весь этот путь от начала до конца. Пятнадцать, мать их, долгих лет. И мне невероятно завидно видеть, как ты повторил его всего за несколько дней. Мой отец, чёрт возьми, совсем не зря потратил свои деньги, сколько бы он тебе ни заплатил.

—□Послушайте, — сказал я, стараясь излучать миролюбие, хотя чувствовал, как меня трясёт, — нам надо ехать. Ваш отец заплатил мне за то, чтобы я нашёл вас, и я... — Я засунул руку в карман, чтобы достать мобильный телефон, но она меня перебила:

—□Не вздумай звонить отцу. Позвонишь ему — и всё, Рамзесиху свою не увидишь больше, понял?

—□Понял, — недоумённо сказал я.

—□Ты что, думаешь, отец обо мне заботится? Думаешь, что он так любит свою дочурку, что ах, она выбросилась из окна и он теперь места себе не находит? Так, что ли?

Я молчал.

—□Ты должен понять о моём отце одну вещь, — агрессивно проговорила она, — он никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не заботился ни о ком, кроме себя. Ни о ком. Ему никто больше не нужен и никто не интересен. Ты понял?

—□Да, — кивнул я, — я понял, не надо повышать на меня голос. Ну тогда говорите вы: что теперь? Я искал вас. Я прошёл довольно долгий путь от вашей квартиры до этой комнаты только ради одного этого момента. И вот вы здесь. Что дальше? Что будем делать?

—□Спать. — Она обошла стул и грузно плюхнулась на него.

—□Спать?

–□ Да, спать. Я добралась сюда из Одессы без тела – ты думаешь, это легко? Попробуй как-нибудь. Я устала как собака. Это не считая того, что я уже отвыкла таскать шестьдесят килограммов мяса с костями...

Она потянулась и криво зевнула.

–□ Тут всего одна кровать, – растерянно сказал я, не сообразив, что ещё я могу сказать в этой ситуации.

–□ Ничего, я не стесняюсь, – ответила мне Русалка, встала и медленно разделась, бросая одежду прямо на пол. Затем она залезла под одеяло и придвинулась к стенке.

–□ Свет выключи, – попросила она.

Я встал, подошёл к двери и выключил свет. Комната погрузилась во тьму, но, когда глаза немного привыкли, я различил свет полной луны, падавший в окно и рисовавший на полу кривой четырехугольник.

Я медленно подошёл к окну и посмотрел на луну. Дыхание Русалки стало ровным – вероятно, она спала. Я попытался собрать все свои мысли в кучу, но они расползались, как тараканы, и, когда я пробовал сжать их в кулак, просто утекали сквозь пальцы. Уже через пять минут я понял, что не способен ни о чём думать. Поток моего сознания в этот момент представлял собой набор слов, образов, визуализаций, запахов и ощущений мышечной усталости. Какая-то каша, в которую бесполезно было пытаться вклинить со своим «мне нужно понять, что делать дальше...»

Что делать, что делать... Спать.

Я снял верхнюю одежду и, не раздеваясь полностью, лёг на кровать рядом с мирно сопящей Русалкой. Довольно долго у меня в голове неслись бессистемные мысли и воспоминания. Кажется, я не мог уснуть, посреди ночи ещё вставал зачем-то, затем опять ложился, и в конце концов, уже когда раздались крики первых петухов, меня сморило.

Всю жизнь я думал, что «почувствовать на себе чужой взгляд» – это литературный штамп, не имеющий ничего общего с реальной жизнью. Но прошлым вечером я уже убедился, что живые люди тоже могут скрестись в двери, как и литературные персонажи. И моё утро началось с того, что я сквозь сон почувствовал чужой взгляд. Это была не просто отдалённая мысль – «а не открыть ли мне глаза», нет, это было словно прикосновение, как будто этот взгляд бил меня в бок, ожидая, когда я наконец проснусь.

Я открыл глаза – и увидел Русалку, сидящую на стуле и смотрящую на меня в упор.

–□ Где, ты сказал, поставил машину? – спросила она.

–□ А я не сказал, – ответил я.

–□ Ага, я так и думала. – Она кивнула. – Вот почему в памяти твоей Рамзеси об этом ничего нет. Вставай, нам надо ехать.

–□ Куда? В Одессу?

–□ Увидишь.

Спорить было бессмысленно. Я встал, ненадолго вышел умыться, затем оделся и пошёл следом за Русалкой. Двигалась она гораздо лучше, хотя спуск по лестнице и дался ей с некоторым трудом. Посредине пролёта она потеряла равновесие и еле удержалась на ногах, схватившись за поручень.

–□ Чёрт, и как она ходит с этой грудью? – воскликнула Русалка. – Это же всё равно что мешок у себя на шее таскать!

Мы вышли из здания, и она повернулась ко мне:

–□ Ну, куда теперь? Где машина?

–□ Сюда, – показал я.

Мы обошли соседнее здание, пересекли улицу, свернули в переулок, потом во двор. Подойдя к машине, я достал ключ, нажал на кнопку разблокировки дверей – и в следующую секунду свет погас.

Когда я снова пришёл в себя, день уже перевалил за середину. Солнце ещё не начало клониться к закату, но уже перекочевало с юго-восточной части неба на юго-западную.

Я сел.

Вокруг меня была мусорная куча, весьма похожая на ту, в которой я нашёл Дылду и Заику, – впрочем, все кучи похожи. Она находилась между пустырьём и двором, в котором я поставил машину, – теперь машины там не было. Я поднял руку и ощупал затылок. Что-то влажное, тёплое и липкое пропитало мои волосы. Я понюхал пальцы – это была кровь. Двумя руками я осторожно ощупал голову. Похоже, череп был цел, во всяком случае, я не обнаружил пробоины, через которую бы вытекали мои мозги. Возможно, Русалка по недосмотру решила, что уже уколошила меня, а возможно, её кто-то спугнул. Рационального объяснения того, почему я до сих пор жив, у меня не было.

Я огляделся и попробовал встать. Ноги на месте, руки тоже. Голова гудела, хотя соображал я на удивление сносно. Я медленно побрёл в сторону от посёлка, миновал пустырь и вошёл в небольшой лесок. Я глубоко дышал, пытаюсь понять, насколько срочно мне нужно искать врача. Возле небольшой речушки – или очень широкого ручья – я остановился, опустился на колени, нагнулся к воде и осторожно промыл рану на голове. Кровь, похоже, уже остановилась, хотя под густой шапкой моих волос на ощупь исследовать рану было трудно. Прощупывание раны прервал неожиданно зазвонивший телефон.

Звонил Караим.

–□Добрый день, Клёст, – сказал он, – прошла ровно неделя с момента нашего разговора, и я звоню, чтоб поинтересоваться, как ваши успехи. Вы нашли вторую половину жетона?

–□Ну... я не держу её в руках, но я уже понял, где она.

–□И где же?

–□Вторая половина жетона находится у вас, – решительно произнес я. – Она никогда не покидала вашего дома.

Ганс Брейгель

Караим ответил не сразу, и, когда он заговорил, в его голосе звучали довольные нотки:

–□Вы очень сообразительный молодой человек, Клёст, я в вас не ошибся.

–□У вас был жетон, но только один жетон, да? В вашей квартире вы могли быть спокойны, потому что она лежит вне поля зрения корректоров. Но выйти оттуда вы могли только сами, поэтому ваша дочь постоянно сидела дома, умирая от скуки и лишь иногда уговаривая вас вывозить её в ночной клуб, чтобы попасть в «анфиладу». Но она сумела вас провести. Не знаю как, но она умудрилась, сидя в четырёх стенах, понять, где находятся жетоны Ганса Брейгеля. Она сбежала, нашла эти жетоны, затем вернулась и сломала ваш. Почему вы сразу не погнались за ней, по горячим следам?..

–□Моя дочь сбежала с жетоном, Клёст, поэтому я вынужден был прятаться, пока она не вернулась, надеясь, что не попаду в поле зрения... хм... корректоров.

–□Да, конечно, она же ездила в Каменец! Но на всякий случай жила всё равно в Олыке...

–□Каменец? Она ездила в Каменец?

–□Да, Караим, Каменец-Подольский. Место гибели Ганса Брейгеля, с шеи которого вы сняли жетон. Это ведь вы убили его?

–□Не говорите ерунды, Клёст. Если бы я убил его, я бы знал, где его тело. Он сам отдал мне свой жетон. К несчастью, я тогда вообще не знал о том, что у него есть и другие. А потом все решили, что эти жетоны утрачены навсегда... Так вы говорите, они в Каменце?

–□Не в самом Каменце, конечно, но недалеко. Они где-то на границе или около неё.

–□На какой границе? Каменец далеко от границы!

–□Бросьте, Караим, напрягите память. Это Каменец сейчас в середине страны, а в сорок третьем в месте, где Збруч впадал в Днестр, была тройная граница: между Румынским королевством, Великим рейхом и Рейхскоммисариатом Украина.

–□Ну да, конечно.

–□Господи, за что же ваша дочь так вас ненавидит? Вернуться, чтобы оставить вам

обломки жетона и бездыханное тело, – что это, как не плевков в лицо?

–□ Она эмоциональна, как и все женщины. И она думала, что если она бросит своё тело, то я не смогу её найти.

–□ Но ведь рано или поздно ей понадобится бы новое тело?

–□ Совершенно верно, дорогой мой Клёст, – довольно сказал Караим.

–□ Вы всё это спланировали с самого начала, верно? – спросил я, перебирая в уме свои воспоминания. – Это ведь вы сказали Вербе, что я ищу Русалку, бармен тут ни при чём... Девушка на дискотеке, за стойкой, пристально меня разглядывала, будто ждала, что я задам свои вопросы ей, но я подошёл к бармену... Затем проститутки в холле гостиницы... зачем они были нужны?

–□ Ну, я не был уверен в ваших пристрастиях. Если бы даже никто из них не пришёлся вам по вкусу, по дороге домой с вами в одном вагоне ехала... впрочем, это не важно. Я очень кстати узнал, что эта грудастая редакторша недавно развелась с мужем, а её природное любопытство облегчило мне задачу. Согласитесь, что с ней я попал просто в самую точку.

–□ Теперь у Русалки есть тело. И её можно поймать, да?

–□ Мне не хотелось бы давить на вас, но, насколько я понял, судьба вашей редакторши вам небезразлична. Я могу её вам вернуть, но только если с момента занятия тела прошло не больше суток. Как давно моя дочь в него вошла?

–□ В тело Вербы? Ну... вчера вечером. Поздним вечером.

–□ В таком случае у вас всего несколько часов. Вы помните, что я говорил вам? В день, когда вы поймёте, где находится вторая половина жетона, вы сможете найти мою дочь. И вы ведь знаете, где она?

–□ Да, – сказал я, – знаю.

Чёртова Гадалка.

–□ В таком случае я выезжаю. Я буду в Каменце... скажем, через два часа. И я буду ОЧЕНЬ сильно ждать вашего звонка. Не опоздайте, Клёст. Иначе я уже не сумею вам помочь.

В трубке раздались короткие гудки.

Я засунул телефон в карман, сполоснул руки и ещё раз залез пальцами в волосы у себя на затылке. Чёрт, я ничего там не могу нащупать! Мне нужно в чистую комнату с зеркалом, нужно побрить голову, нормально обработать рану... или ещё проще: мне нужно в больницу!

Подведём итог. В карманах у меня мобильный телефон, половина солдатского жетона, фонарик и бумажник с деньгами, что, конечно, не так мало. Но у меня нет больше никаких вещей, у меня нет машины, у меня нет Вербы, которую можно спасти лишь в течение нескольких часов, у меня рана на голове, и, чёрт возьми, я по-прежнему не знаю, где находится труп Ганса Брейгеля, из-за жетонов которого разгорелся весь этот сыр-бор. Зато у меня есть направление поиска. Вроде бы.

А есть ли у меня направление?

Раздумывая об этом, я поднялся на ноги, посмотрел на медленно опускающееся к верхушкам деревьев солнце, затем снова на речушку перед собой.

У меня возникло чувство дереализации.

Потому что на секунду – но очень отчётливую секунду! – мне показалось, что вода в реке текла в обратную сторону.

Главному врачу Областного

психоневрологического диспансера

** * * * **

От студента пятого курса

Национальной медицинской академии

** * * * **

Докладная записка.

Довожу до вашего сведения следующее. 26 октября 2006 года, около 16.00, я находился

в третьем корпусе диспансера в рамках прохождения медицинской практики. Я собирался уже идти домой, но медицинская сестра, имени которой я не помню, попросила меня подежурить десять минут на третьем этаже, потому что ей надо было отойти. Я сел на стул на сестринском посту, достал из сумки учебник (я не помню точно какой) и начал читать, ожидая возвращения медицинской сестры.

Примерно через пять минут после этого я услышал шум. Я оторвался от чтения и посмотрел в коридор, в ту сторону, откуда он доносился. Шум стих, и я продолжил чтение.

Ещё через минуту шум возобновился. Я отложил книгу, встал и прислушался. Шум был похож на какую-то странную смесь из ударов, стонов и шелеста, он доносился из палаты дальше по коридору. Я огляделся по сторонам в поисках кого-то из медперсонала, но на этаже я был в этот момент один. Я медленно пошёл вперёд по коридору в сторону шума. Я шёл медленно не потому, что не хотел помочь больному, а потому, что надеялся, что, пока я дойду, на этаж вернётся медицинская сестра или появится кто-то, кто сможет мне объяснить, что надо делать.

Я дошёл до двери, из-за которой, судя по всему, доносился шум. Характер шума всё время менялся: когда я подошёл, я слышал размеренный скрип кровати, как будто кто-то прыгал или качался на ней, непонятное шелестение и шёпот, который я не мог разобрать. Мне показалось, что человек за дверью шептал: «Дутани», повторяя это слово. Я ещё раз огляделся, но медицинская сестра ещё не вернулась и никого рядом не было.

Характер шума опять поменялся. Теперь это был равномерный стук. Я попробовал открыть дверь, но она была заперта. Я вернулся на сестринский пост, взял ключ от этой палаты и снова подошёл к двери. Всё время я ждал, когда в коридоре появится кто-то, я даже хотел спуститься вниз, чтобы найти медработника этажом ниже, однако сестра просила меня не отлучаться с этажа. Никто не появился.

Шум не прекращался. Поэтому я открыл дверь палаты и вошёл внутрь. Я увидел посреди палаты на полу человека, стоявшего на коленях. Я не знал этого пациента, во время обходов со студентами его дверь никогда не открывали. Это был высокий темноволосый коротко стриженный мужчина с глубокими морщинами на лице. Он прижимал обе руки к животу и методично, размеренно бился головой об пол. Он что-то мычал, то более отчётливо, то совсем невнятно.

Я остановился в нерешительности.

—□Добрый день, – осторожно сказал я.

Мужчина не обращал на меня внимания.

—□Добрый день, – сказал я громче, – с вами всё в порядке? Вам нужна помощь?

Я собирался повернуться и отправиться всё-таки за кем-нибудь из медперсонала, потому что, не имея представления о заболевании пациента, я не мог должным образом ему помочь. Но в эту минуту он поднял голову и посмотрел на меня совершенно осоловевшими глазами.

—□Они идут, – сказал он, – они идут.

—□Кто идёт? С вами что-то случилось? – спросил я.

—□Они идут, – сказал он и попытался встать, но поскользнулся и упал. – Вы не понимаете. Они идут. Я чувствую их. Вы не понимаете.

—□Кто, кто идёт? – спросил я и подошёл к нему вплотную, чтобы помочь подняться, но он больше не пытался встать, он лежал на боку.

Я хотел нагнуться к нему, но в этот момент почувствовал лёгкое головокружение и сам чуть не упал. Я взмахнул в воздухе руками, чтобы удержаться на ногах, затем осторожно сел на край кровати, и тут почувствовал это.

Я не могу сформулировать словами, что это было за ощущение. Это какое-то внутреннее чувство, не имеющее ничего общего с человеческими органами чувств, какая-то мысль или, вернее, не мысль, а какой-то фон психической деятельности, словно что-то в глубине меня...

Боюсь, что я никак не смогу этого описать.

Одновременно с этим чувством появилась дрожь. Сначала мне показалось, что это моя галлюцинация, что дрожь как-то связана с этим новым чувством, возникшим у меня, но уже через десять-пятнадцать секунд я понял, что дрожит пол, кровать – вообще всё здание. Я обвёл глазами комнату и остановил взгляд на стакане с водой, стоявшем на столе. Стакан явственно дрожал – я видел круги на поверхности. Круги становились всё больше и больше, и в какой-то момент лежащий у моих ног человек вдруг выгнулся, резко распрямив спину, словно в истерической свече или от удара током. Дрожь достигла своего апогея, и внезапно всё стихло.

Чувство у меня пропало.

Человек на полу расслабился.

Здание перестало трясти.

Я внимательно смотрел на стакан, на поверхность воды, которая вдруг стала ровной, как будто и не было никакой тряски всего секунду назад.

Человек на полу развернулся и медленно встал на ноги.

–□ Они здесь, – сказал он.

Я попросил остановить машину ниже по улице, чтобы её не было видно из дома номер сорок шесть. Затем протянул водителю деньги и попросил подождать меня. Он внимательно, на свет, рассмотрел протянутые купюры, затем довольно ответил:

–□ Да я вас тут неделю ждать буду, если надо. Только стану во-о-он там, – он показал рукой, – тут парковка запрещена. Вам назад в Олыку не надо будет ехать?

–□ Нет, – сказал я, – в Олыку мне уже не надо. Но куда-то мне ещё сегодня понадобится, это точно.

Я вышел из машины и огляделся по сторонам. На улице было всего несколько прохожих, быстро семенящих по своим делам, почему-то казалось, что они идут домой. Наверное, потому, что в такое время все нормальные люди идут домой. Один я пробираюсь мимо огромной мусорной кучи – прямо преследуют меня эти кучи в последнее время, – чтобы, пригibasя к земле, как заправский конспиратор, добежать до дома Гадалки и прижаться к стене.

Было тихо. Где-то в отдалении проехал автомобиль, затем где-то залаяла собака. Дом Гадалки представлял собой мрачную тёмную громадину – ни единого луча света не появлялось из окон, ни единого звука не доносилось изнутри. Я осторожно обошёл его по периметру – в темноте я чуть не упал, споткнувшись о парапет заколоченного подъезда.

Дверь, через которую мы вошли в прошлый раз, была плотно прикрыта. Вывески о коррекции кармы не было. Я собрался с мыслями и потянул на себя ручку двери. Дверь нехотя поддалась.

Я вошёл в тёмную прихожую и достал из кармана фонарик. Осторожно прикрыл дверь за собой и включил его. Белые двери с занавеской впереди были закрыты, а справа стена зияла чудовищным чёрным провалом. Как я убедился секунду спустя, железная дверь с решёткой была распахнута. В глубине за дверью виднелась лестница, ведущая вниз, – свет фонарика не достигал конца этой лестницы. Я инстинктивно прикрыл железную дверь – петли не скрипели, видимо, её открывали часто. Выключив фонарь, я медленно открыл знакомые деревянные двери.

Темнота.

Тишина.

Я закрыл глаза и пошарил рукой по стене – я помнил, что где-то тут был выключатель. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы найти его и включить свет.

Открыв глаза, я осмотрел комнату.

Я не заметил почти никаких отличий от того, как комната выглядела в мой прошлый приход. Только в углу, возле серванта, на полу валялся колокольчик, снятый зачем-то с дверей.

–□ Тут кто-нибудь есть? – громко спросил я, но ответа не последовало.

Я подошёл к дверному проёму в противоположной стене и попытался что-нибудь

рассмотреть за длинными бусинами стекляруса. Ни единого отсвета нельзя было разглядеть во второй комнате, и, когда я задерживал дыхание, вокруг меня повисала тишина, которую вполне можно было назвать гробовой.

Не входя во вторую комнату, я просунул руку справа от стеклярусных занавесок, нащупал выключатель и включил свет. Затем прошёл внутрь.

Вторая комната была в точности такой же, как тогда, когда мы были здесь с Вербой. Даже стеклянный шар продолжал стоять на том же месте, на трюмо. В комнате никого не было.

Я выдохнул, запрокинул голову и покрутил её немного вправо-влево, чтобы размять шею. Затем медленно прошёлся по комнате, подойдя почти вплотную к гобелену с «Неизвестной». Вблизи было видно, насколько это отличная работа. Каждый стежок был на своём месте, аккуратно повторяя мазки Крамского. Я покачал головой и повернулся, чтобы уходить, но тут увидел какую-то тень у стены, под ковром. Я внимательно осмотрел угол, в котором висел ковёр, затем осторожно подошёл. Ковёр слегка колыхнулся из-за движения воздуха, вызванного мною.

Я протянул руку и резко отдернул ковер в сторону.

На меня в упор смотрела Гадалка.

Её стеклянные глаза навеки замерли с выражением недоумения, рот был чуть приоткрыт, а ниже, над линией бус, зияла широкая щель перерезанного от уха до уха горла. Гадалка сидела в большом мягком кресле с подголовником, установленным в широкой нише, скрытой ковром. Из ниши не было других выходов. Внизу, под креслом, была лужа крови, которая едва не вытекла из-под ковра и которую я, похоже, и принял за странную тень.

Я поднял руку и осторожно, стараясь не оставлять отпечатков пальцев, закрыл Гадалке глаза. Вот и доигралась ты со своей кармой и со своим предназначением. Дозэкспериментировалась.

Я решительно прошёл в первую комнату и снял со стены карту звёздного неба. Уже в дверях я сообразил, что здесь могут быть Вербины отпечатки, поставил на пол картину и прошёлся во всем поверхностям в доме носовым платком. Затем поднял картину, выключил свет и вышел. Когда я уже закрывал за собой дверь, у меня зазвонил телефон.

—□Ало, Клёст? Добрый вечер, это Ключко вас беспокоит. Послушайте, у нас тут такая чертовщина творится...

—□Да?

—□В общем... не важно. Я вам звоню, потому что мой пациент... ну вы поняли кто... попросил у вас кое-что уточнить. Дело в том, что он уверен, будто за ним придут. И придут буквально с минуты на минуту, не знаю, право слово... мне уже казалось, что он выздоравливает... Так что я тут сижу пока с ним, надеюсь дожждаться какой-то ремиссии или хотя бы пока он уснёт. Так вот, о чём я. В общем, в связи с этими ожиданиями он как бы... ну... подтягивает хвосты, возвращает долги и так далее. Так вот он просит уточнить у вас: передали ли вы деду по поводу белок? Не знаю, ей-богу, какое это имеет для него значение...

—□Да, передал, — ответил я, — дайте ему трубку, я сам ему расскажу. Он мне тоже кое-что должен...

Отель «Заблудившийся единорог» был погружён во тьму. Горели фонари перед входом, и из фойе слабо пробивался какой-то свет, но ни одно окно не светилось, как будто здание покинули все его обитатели.

—□Вы уверены, что он открыт? — спросил водитель.

—□Да, уверен, — сказал я, — ждите здесь. Я скоро вернусь.

Я прошёл в фойе гостиницы и остановился ненадолго, чтобы глаза привыкли к темноте. Единственный источник света находился внизу, под стойкой рецепции, освещая пространство за ней ровным голубоватым светом. Больше ни одна лампа не горела. Я огляделся по сторонам в поисках кого-то, у кого можно было бы взять ключ, но в фойе было пусто.

—□Здесь есть кто-нибудь? — позвал я.

Тишина.

—□ Алё-о-о! — Я подошёл к рецепции. — Кто-нибудь есть?

Прямо на стойке рецепции лежал ключ — я посмотрел на бирку и увидел, что он от моего номера. Ещё раз оглянувшись, я взял ключ со стойки и пошёл наверх.

По тёмному коридору я дошёл до своей двери, открыл её и поклацал светом — электричества не было. Я достал фонарик, прошёл к кровати, включил ноутбук и разложил рядом карту области и картину со звёздным небом. У них были различные масштабы, и мне пришлось порядком повозиться с электронной картой и накладыванием картины неба прямо на монитор компьютера, на котором я отмечал фломастером точки соприкосновения. В конце концов световые точки картины совпали с населёнными пунктами на карте. Совместив верхнюю из двух крупнейших звёзд с Каменец-Подольским, а нижнюю — с Хотинем, я получил среднюю прямо посреди леса. Аккуратно измерив положение этой точки, я перенёс её на бумажную карту области. Если я всё понял правильно, это и есть могила Брейгеля, что бы она собой ни представляла.

Я зашёл в ванную, умылся, сполоснул рану на голове и, как мог, обработал её зелёнкой. Затем переоделся, нацепив на себя пояс для инструментов и жилет, в которые я рассовал разные мелочи, выключил компьютер, взял с кровати карту и вышел.

В отеле по-прежнему не было света, не считая ровного сияния в фойе из-под стойки рецепции. Прямо посреди этого сияния стояла Марыля и смотрела на меня, не говоря ни слова. Я прошёл мимо и у самого выхода остановился, затем оглянулся. Марыля представляла собой тёмный силуэт на фоне голубоватой деревянной стены, чем-то похожий на маленькое дерево. Она медленно подняла правую руку и помахала мне. На светлом фоне было отчётливо видно, что у силуэта её руки не хватает трёх пальцев.

Мы выехали из города на запад, затем свернули налево, на узкую разбитую дорогу без обочин. Мы проехали Довжок, затем поворот на Суржу. По обеим сторонам дороги потянулись сады с серо-синими деревьями — луна перекрашивала весь мир вокруг по своему усмотрению. За поворотом на Нагоряны начался лес. Мы проехали по Княгинину — мне приходилось всё время показывать дорогу, водитель был не местным, — и через пару километров я попросил остановить. Сверился по компасу и GPS. Мы осторожно поехали

дальше, до первого же поворота направо. Здесь начиналась отвратительная грунтовка, которая скоро упёрлась в какую-то изгородь.

—□ Вот, — я показал направо, — видишь просеку?

—□ Вижу, — задумчиво ответил водитель.

—□ Нам туда, — сказал я.

Мы объехали непонятные колдобины и поехали через лес. Если верить карте и моей интуиции, это был тот самый лес. Просека пару раз несильно вильнула и один раз повернула на сорок пять градусов. С каждым метром, казалось, она становилась всё у□ же и у□ же. Даже и не знаю, зачем нужны такие узкие просеки.

Внезапно свет фар выхватил впереди автомобиль, полностью перегородивший дорогу.

—□ Вот чёрт! — воскликнул водитель и нажал на клаксон.

—□ Тихо! — прикрикнул на него я.

—□ Так чего? — удивлённо сказал водитель. — Мы ж не проедем. Нам хозяин машины нужен, по-любому.

—□ Я хозяин машины, — сказал я.

Автомобиль стоял с выключенным двигателем и светом. Внутри никого не было видно — видимо, Русалка ушла в лес. Я открыл машину запасным ключом и залез в багажник. Под двойным дном лежал холст с завернутым в него отцовским ружьём. Вербка о нём не знала, а значит, не знала и Русалка. Я аккуратно развернул холст и проверил затвор. Всё в порядке, работает.

Я огляделся. Лес вокруг представлял собой две сплошные чёрные стены, справа и слева от просеки, — глаза никак не хотели привыкать к темноте, их слепил свет фар стоявшей сзади машины.

—□ Всё, — сказал я, подходя к водительской двери, — дальше не надо.

Я просунул в открытое окно несколько купюр.

—□ Точно? — спросил он. — А назад вы как?

—□ На своей машине, — уверенно ответил я и показал на неё рукой.

—□ А, ну как знаете. — Он пересчитал деньги, улыбнулся, кивнул мне и плавно проехал задним ходом по просеке до небольшой полянки, где развернулся и стал разгоняться.

Когда его машина скрылась за поворотом, я включил фонарик и разложил холст на весь багажник. Осторожно почистив ружьё, я зарядил его и попытался прицелиться. Нормально. Я засунул в карманы ещё несколько патронов, повесил ружьё на плечо и закрыл багажник.

Затем достал мобильный телефон и набрал номер Караима.

—□ Слушаю вас, — ответил он. — Вы нашли мою дочь?

—□ Да, — сказал я, — у вас есть GPS? Записывайте координаты.

Когда глаза полностью адаптировались, пугающий монолит леса вокруг меня распался на мириады разнообразных объектов, где-то лучше, где-то хуже освещённых полной луной, занимавшей едва ли не полнеба. Я осторожно пробирался среди зарослей. Деревья, кусты, пни, бурелом и высокие травы — всё вокруг приходило в движение, провожая меня своим особым лесным взглядом.

Я старался идти тихо, через каждые сто шагов сверяясь по карте и GPS. Первый километр я прошёл достаточно ровно, но в середине второго вдруг обнаружил, что сбился с курса, — почему-то я резко принял влево. Медленно — спешить в лесу нельзя — я вернулся назад, стараясь идти по своим следам, затем развернулся в нужном направлении. Сверился с компасом. Вон то дерево прямо по курсу — как раз у меня на пути через сто метров. Я снова пошёл, тщательно выбирая, куда поставить ногу, и через сто шагов остановился. Я не дошёл до дерева, которое выбрал. Ещё раз сверился с приборами. Я снова сбился, только на этот раз принял вправо. Да что ж такое!

Я вернулся назад, наметил себе цель — то самое дерево — и пошёл вперёд, поднимая на него глаза каждые несколько секунд. И тут я вдруг понял, что не могу сделать следующего шага — словно упёрся в стену. Я поднял глаза и посмотрел вперёд. Никакое препятствие передо мной не стояло, но ощущение стены — железобетонной, непреодолимой стены — было

таким реальным, что я лишь осторожно протянул вперёд руку. Кончики пальцев похолодели. Я протянул руку дальше – и почувствовал, как она налилась кровью. Волосы на руке встали дыбом, и кожу в некоторых местах начало покалывать.

Забавляться времени не было.

Решительно шагнув прямо в стену, я почувствовал глухой удар где-то глубоко в мозгу. Я сел и обхватил руками голову. Через несколько секунд туман в голове рассеялся, и я опять обрёл способность соображать. Я встал и сделал ещё пару шагов – идти стало гораздо легче. Я опять сверился с GPS и картой. Да, я был там, где надо, теперь я был уверен. Я уже находился в зоне погрешности изображения, то есть смотреть дальше на карту не имело смысла. Я положил всё лишнее на землю и огляделся. Вокруг меня был лес – сейчас уже действительно настоящий дремучий лес, где, может быть, не ступала нога человека. «Впрочем, – подумал я с содроганием, вспомнив свой проход через невидимую стену, – может быть, тут и лапа животного не ступала». Кроны деревьев наверху были плотно переплетены, и лишь местами сквозь них пробивался мрачный лунный свет, создававший иллюзию того, что я нахожусь под водой. Я прислушался. Где-то вдалеке был ровный белый шум, без акцентов и намёков на что-то конкретное.

И тут я отчётливо услышал чей-то вздох.

Вздох донёсся из-за группы деревьев, стоящих передо мной в нескольких метрах. Я затаил дыхание и продолжал слушать. Через какое-то время я так же отчётливо услышал треск ломающейся ветки.

Медленно и осторожно я пошёл вперёд, стараясь соблюдать полную тишину. Через минуту я дошёл до деревьев впереди и осторожно выглянул из-за широкого ствола березы.

Я увидел не очень большой, но довольно глубокий овраг, над которым почти полностью сомкнулись ветви обрамляющих его деревьев. Внизу, на самом дне, сидела Русалка. Налетевший неведь откуда ветер зашелестел листьями кустов и дал мне возможность почти бесшумно спуститься. Русалка слышала меня, когда нас разделяло не больше метра. Она вскочила на ноги и выбросила вперёд правую руку, но я решительно врезал ей прикладом в челюсть. Она картинно всплеснула руками и упала.

Я достал из кармана верёвку и крепко связал ей руки хорошим морским узлом, пока она, находясь в полубессознательном состоянии, вяло отбрыкивалась. Только после этого я спокойно осмотрел овраг. В лунном свете это было удивительное зрелище.

Овраг представлял собой двухметровую щель между двумя холмами, поросшими кустарником. С одной стороны оврага был тупик – здесь холмы соединялись друг с другом. С противоположной стороны земляные стены справа и слева плавно опускались вниз и создавали естественный выход из расселины, сразу за которым рос высокий густой кустарник. Обрывы справа и слева были довольно крутые, лишь в нескольких местах можно было спуститься по ним вниз – и то с трудом. Высота стен расселины достигала трёх-четырёх метров. Таким образом, место, где я стоял, было защищено от постороннего взгляда со всех сторон.

Весь овраг протянулся метров на двадцать. Его дно было почти лишено растительности – здесь не росли ни деревья, ни кустарник и только кое-где пробивалась трава. Зато под ногами в изобилии валялись сухие ветки, и передвигаться тихо было почти невозможно.

Я отошел от связанной Русалки, сделал несколько шагов в глубь оврага и остановился. Передо мной на голой земле без единой травинки, лицом вверх, с откинутой в сторону правой рукой и подвёрнутой по себя левой, лежал труп Ганса Брейгеля.

Лес

Тело отлично сохранилось. Если бы я не знал, что оно лежит здесь больше шестидесяти лет, я ни за что бы в это не поверил. Кожа высохла, глаза ввалились, но труп не был похож на старые мумии, которые иногда мне попадались. Труп был одет в немецкую униформу – разглядеть детали было трудно, хотя и материя сохранилась тоже на удивление хорошо. На

голове даже была надета фуражка – изрядно помятая, но относительно целая. Никакого оружия или других вещей рядом видно не было.

Преодолев соблазн немедленно залезть в карманы Брейгеля и поискать там жетоны, я повернулся и посмотрел на Русалку. Она уже умудрилась сесть и теперь исследовала языком поверхность губы возле того места, куда я её ударил.

–□ Скажи спасибо, что не проломил тебе череп, – сказал я, – только потому, что ты в теле человека, череп которого мне дорог. Ты вернёшь мне Вербу?

Она улыбнулась:

–□ Ну, если ты сейчас меня развяжешь...

–□ Всё, хватит! – перебил я её. – Не хочу слышать этот бред. Не вернёшь сама, я заставлю тебя её вернуть.

–□ Ты позвонил отцу, да?.. Дурачок. Ты думаешь, он тебе поможет? Даже если бы он мог тебе помочь, он всё равно не пошевелил бы и пальцем. Отец не вернёт твою Рамзесиху, она ему не нужна. И ты ему не нужен.

–□ Я знаю, – сказал я, повесил ружьё на плечо и облокотился о стену расселины. – Кто вы такие?

–□ Кто мы?

–□ Да, кто вы такие? Вы ведь не люди, да?

–□ Мы... – Она задумалась. – Ты должен понять, что ваш язык...

–□ Только не надо мне пороть сейчас эту чушь про «нет слов» и «не могу объяснить», я этого наслушался уже!

–□ Да люди вообще никогда ничего не слушают. Вы предпочитаете не понимать, а сразу разводить костры...

–□ Вы вечны?

–□ Ну что ты! Тех, кто соберётся жить вечно, очень быстро убьют, чтобы они своим довольным видом не портили настроения окружающим.

–□ Я серьёзно.

–□ Я тоже. В этом мире никто не вечен. Боги умирают. Но *мы* живём значительно дольше, чем люди, если ты об этом спрашиваешь.

–□ Караим действительно твой отец?

–□ Да, – она грустно кивнула, – он действительно мой отец во всех смыслах этого слова. К несчастью. Ты не представляешь себе, что мне приходилось терпеть. Мой отец... за то, что он прятал меня от корректоров... он заставлял меня делать неприятные вещи... страшные вещи...

Её глаза, направленные куда-то мимо меня, выражали ужас, и я понял, что не хочу знать, какие именно вещи ей приходилось делать.

–□ А почему вы скрываетесь? Я имею в виду, от корректоров?..

–□ Всем лучше держаться подальше от корректоров. А мы... да одного того, что мой отец взял жетон, уже достаточно, чтобы упаковать нас и забрать в места, где тростниковые волки будут казаться добродушными хомячками. Всё познаётся в сравнении...

–□ А как ты узнала про жетоны Брейгеля? Я имею в виду, о том, что они... что они не утрачены.

Она улыбнулась:

–□ Так же, как многое происходит в этом мире. Случайно. Ты ведь уже знаешь, что эта дура устроила в девяносто первом?..

–□ Ну... не до конца.

–□ А до конца я тебе и не объясню. Она... ну, в общем, провела один древний ритуал... и проделала дыру...

–□ Между мирами?

–□ Нет, другую дыру... между этим миром и абсолютным ничто – если тебе так понятнее. Всё, конечно, затянулось, слава богу, но без потерь тогда не обошлось. И когда произошёл этот разрыв... я смотрела прямо перед собой... и я вдруг...

–□ Увидела ток времени? – спросил я по наитию.

–□ Да, – сразу согласилась со мной Русалка, – да. Очень точно сказано. Я увидела ток времени. Я вышла на балкон нашей квартиры, прямо под этот чудовищный ливень, посмотрела на гигантскую тучу, растущую прямо на глазах, во все стороны, и я поняла, что жетоны здесь. Что они в этом мире. Вместе с трупом Ганса Брейгеля.

–□ И ты решила найти их? С помощью Гадалки?..

–□ Ха!.. Гадалка. Какая от неё помощь? Кому она могла помочь? Она сама себе помочь не в силах. Конечно, она хотела бы достать эти жетоны. Она хотела бы куда-нибудь сбежать. Она хотела бы предложить мне своё тело...

–□ Но тебе оно уже не нужно, верно?

–□ Разумеется. Зачем мне её отвратительная морщинистая шея, если у меня есть сиськи пятого размера. – Русалка подмигнула мне.

–□ А ты не боишься, что после того, как ты её убила, здесь могут появиться корректоры?

–□ Мне плевать. С жетонами они меня не найдут. И тебя не найдут.

–□ Что?

–□ Послушай, – доверительно сказала она, – здесь шесть жетонов. Мы можем разделить их пополам – по три для тебя и для меня. Одного жетона у тебя на шее достаточно для того, чтобы прятаться от всех – от всех! – столько времени, сколько ты захочешь, хоть до конца человеческой истории. А ещё два можно продать. Ты хотя бы приблизительно представляешь себе, сколько ты сможешь заработать, продав жетон тому, кому он нужен? Ты сможешь купить себе небольшую страну. А если поторговаться – то, может быть, и большую страну.

–□ Из тебя плохой змей-искуситель.

–□ Послушай, нам не нужно ждать моего отца. Поверь мне, когда он появится здесь, не случится ничего хорошего. Я...

–□ Всё, хватит, я же сказал уже. Я не желаю слушать этот бред.

Русалка замолчала.

Я глубоко вздохнул и осмотрелся по сторонам. Ночь была на удивление тихой – если учитывать то, что мы были посреди леса. До нас сейчас не доносилось практически ни единого звука, словно нас накрыли каким-то звуконепроницаемым колпаком.

Верба вдруг испуганно дёрнулась, огляделась по сторонам и посмотрела на меня.

–□ Дурак, – сказала она тихо, – ты не понимаешь...

–□ Мне все твердят одно и то же, – сказал я, снял с плеча ружьё и прислушался. Затем поднял глаза. На холме на противоположной стороне оврага стоял Караим.

–□ Беседуете? – спросил он.

Я поднял ружьё и направил ствол ему в грудь.

–□ Не подходите, – сказал я, – стойте там, где вы стоите сейчас.

–□ А то что? – спросил он недоумённо и, осторожно ступая, стал спускаться. Я держал его на прицеле, пока он не дошёл до самого дна оврага и не подошёл к своей дочери.

–□ Девочка моя, – сказал он ласково и погладил её по голове. Несмотря на добродушное выражение лица, в его голосе прозвучали еле заметные металлические нотки. Русалка сидела понурившись и не сопротивлялась.

–□ Ну что, – сказал он мне, – похоже, это последняя остановка?

Вблизи было видно, что у него сейчас яркие жёлтые глаза, даже в лунном свете это нельзя было не заметить. Также, когда он ухмылялся, становилось видно, насколько сильно из общего ряда зубов у него выделялись клыки – странно, что я не замечал этого раньше.

–□ Верните мне Вербу. – Я попытался начать переговоры, хотя уже знал, что он ответит.

–□ Во-первых, мне кажется, сутки уже миновали. А во-вторых, я всё равно не мог бы этого сделать, вы же догадались об этом, да, Клёст?

Я хмуро кивнул, не опуская ружья.

–□Ну хватит, хватит дуться. Посуди сам – что нам остаётся? Только смириться. Смириться с неизбежным и принять судьбу – ту, которая нам уготована.

–□Мы не знаем своей судьбы, – сказал я.

–□Но мы можем проверить, – сказал он и сделал шаг в мою сторону.

Я поднял дуло в небо и спустил курок.

Прогремел выстрел.

Ружьё чуть не вырвало отдачей у меня из рук. Эхо выстрела разлетелось вокруг, ударяясь в стены оврага и едва не сотрясая землю у нас под ногами, но уже спустя секунду оказалось проглочено листвой окружающих нас деревьев. Караим остановился.

–□Ну вот, – сказал он, – распугал птиц.

–□Тут нет птиц, – ответил я.

–□Ты прав. Тут никого нет. Это место оставалось закрытым для всех очень долгое время. Сюда никто не мог попасть.

–□А никому и не надо было приходить сюда.

–□Надо – не надо... Какая теперь разница? Мы уже здесь, так? Я, ты, моя дочь и жетоны Ганса Брейгеля.

–□А Вербя?

–□Да забудь ты о ней. Ты уже не сможешь её вернуть, когда же ты с этим смиришься наконец?

–□Ну... возможно. Но попробовать-то стоило.

Караим изменился в лице.

–□Что... что попробовать? Что ты сделал? Ты что – позвал корректоров? Ты понимаешь вообще...

Он замолчал и обернулся.

В следующую секунду с ним произошла дивная метаморфоза.

Он слегка приподнялся, оторвавшись от земли, и дальше каждая часть, каждая клеточка его тела вдруг зажила какой-то своей жизнью, устремившись куда-то по одной ей ведомой траектории. Руки и ноги его стали заплетаться в совершенно фантастические косы, его голова пригнулась к туловищу и с силой вдавилась в него. Всё, что раньше было частями тела Караима, теперь стало подниматься вверх и с размаха врезалось в какую-то невидимую плоскую преграду. Затем такая же преграда появилась справа, слева, спереди и сзади, и через несколько секунд стало очевидно, что тело Караима, теперь уже полностью потерявшее сходство с человеческим телом, плотно заполняет собой невидимый куб, висящий на высоте трёх метров над землёй.

Одновременно с тем, как Караим поднялся в воздух, Русалка упала на землю и начала биться в конвульсиях. Обе эти картины – заливающийся снизу вверх в куб Караим и дрожащая крупной дрожью с летающими во все стороны руками и ногами Русалка – были у меня перед глазами, справа сверху и слева внизу, словно элементы какой-то диковинной композиции забытого художника-сюрреалиста.

Куб, который раньше был Караимом, через несколько секунд принял полностью правильную форму, а затем вспыхнул ярким светом, ослепив меня и заставив отвернуться. Когда свет погас, куба уже не было.

И в следующую секунду я увидел корректоров.

Тот, что стоял ближе всех, был суховатым седым мужчиной с оспинами по всему лицу, одетый в тёмный костюм и тёмную рубашку, – разглядеть цвет при таком освещении было сложно. Галстука на нём не было.

Справа, метрах в шести позади первого, стоял ещё один. Это был крупный мужчина с копной тёмных волос, в джинсах и совершенно белоснежной рубашке, насколько позволял разглядеть лунный свет, с синей или зелёной вышивкой.

Наконец, слева я увидел третьего корректора. Это была женщина – простоволосая, в лёгком летнем платье с каким-то растительным орнаментом. Она казалось одетой не по сезону легко, но было видно, что ей совсем не холодно.

Я сделал два шага вперёд, по направлению к ним, и вскинул ружьё.

—□ Не подходите, – крикнул я, – я буду стрелять!

—□ Неужели ты думаешь, что сможешь причинить мне вред, прострелив *это* тело? – спросил первый корректор.

—□ Нет, – сказал я, – но я заставлю вас потерять время. Разве это – не то, чем вы больше всего дорожите?

Первый корректор оглянулся на второго и снова посмотрел на меня.

—□ Что ты хочешь? – спросил он. – Мы не можем оставить её здесь, она – преступница, которая должна отправиться с нами.

—□ Я знаю, – сказал я, – но вы ведь можете забрать только её саму, без тела. И вернуть в это тело человека... который был тут раньше.

Корректоры снова переглянулись.

—□ Это не вопрос возможностей, – сказал первый, – а вопрос полномочий. Лично мне всё равно, в каком виде доставлять конвоированных. Но после одного... инцидента... мы должны перемещать их вместе с телами, так безопаснее.

—□ Что значит «должны»?

—□ Тебе нужно понять, что у нас, так же как у всех, есть своё руководство. Кто-то... кто ставит нам задачи и следит за их выполнением.

—□ Если вы не можете вести переговоры, – решительно сказал я, – тогда позовите сюда того, кто может.

—□ Это смешно, – ответил корректор, – их время ещё дороже, чем наше. Но и они не могут вести переговоры там, где речь идёт о правилах. У них есть своё руководство.

Я судорожно сжал цевьё, понимая, насколько глупо, должно быть, сейчас выгляжу, пытаюсь спорить с тем, кто продолжал со мной разговор больше из вежливости и явно начинал терять терпение.

—□ Верните мне Вербу, – сказал я, – если вы можете это сделать, то просто сделайте это.

Корректор как будто хотел сделать шаг вперёд, но замер в нерешительности.

—□ Могу, – сказал он, – но что я должен буду ответить на вопрос о том, почему я так поступил? Дай мне причину. Назови мне какую-нибудь причину.

В жизни человека на самом деле бывает не так уж много моментов, которые по-настоящему врезаются ему в память, отпечатываются там, словно след ноги в мокром песке, и застывают навсегда. И следующие несколько секунд после этих слов корректора стали для меня именно таким моментом.

Потому что вдруг – совершенно неожиданно для себя – я понял его. Я понял его логику, понял ход его мыслей, я понял, что для него ничего не стоит сделать так или сделать по-другому, что он может вернуть мне Вербу и даже готов её вернуть, но что он никогда не поступит каким-то определённым образом, не имея на то ясной и веской причины.

Мои мозги отчаянно, на пределе своих возможностей, работали, стараясь создать эту причину, стараясь выловить из всего потока информации, обрушившейся на меня за последнюю неделю, то единственное, что могло сейчас изменить неизбежный ход событий. Я чуть ли не слышал, как внутри моей головы крутятся какие-то шестерёнки, и казалось, ещё немного – и из ушей у меня повалит дым. Потому что от того, смогу ли я сейчас уловить спасительную мысль, найти хотя бы одно соображение, которое бы послужило причиной для корректоров, зависело всё – победа или поражение.

—□ Ребёнок, – сказал я.

—□ Что? – спросил корректор.

—□ Ребёнок. Вы пришли сюда из-за смерти Гадалки. У неё было предназначение – она должна была родить ребёнка, но не сделала этого. Пусть этого ребёнка родит Верба. Он ведь нужен вам, верно? Ведь вы не появились бы здесь из-за какой-то ерунды.

Первый корректор пристально посмотрел на меня, затем обернулся и переглянулся со вторым. Снова посмотрел на меня и медленно кивнул. После этого он повернулся и пошёл в обратную сторону, к кустам. За ним медленно пошёл второй корректор.

Третий или, вернее, третья подошла к бьющейся в конвульсиях Русалке и спокойно сказала:

–□Пойдем.

Тело у моих ног притихло.

Корректор повернулась и отправилась вслед за первыми двумя.

Я почувствовал, как земля у меня под ногами задрожала, и через несколько мгновений сзади, за моей спиной, ярко вспыхнул свет. Я обернулся – тела Ганса Брейгеля не было. Когда я снова посмотрел вслед корректорам, не было и их.

Мы остались одни – я, женское тело, принадлежащее неизвестно кому, и луна на небе, молчаливая и безразличная.

–□Верба, – осторожно позвал я.

Она медленно села и подняла голову. Её лицо было закрыто волосами.

–□Верба, это ты?

–□Ты ударил меня прикладом в челюсть! Чёрт, ты знаешь, как это больно? – злобно сказала она и откинула волосы с лица резким движением головы.

Да, это была она. Её голос, её взгляд, её интонации, её... всё её.

Я шумно выдохнул и опустил ружьё. Я чувствовал, как моё лицо против воли расплывается в улыбке, хотя ничего смешного вокруг не было.

–□Я сделал это ради тебя, – сказал я примирительно.

–□Может, ты б ещё и ноги мне переломал ради меня?.. Ты, кстати, меня развяжешь или связанную будешь из лесу тащить?

Я положил ружьё на землю, сел рядом с ней и развязал ей руки, пока она что-то ворчала насчёт того, что если мне захочется все кости ей переломать, то пусть я не стесняюсь, потому что она понимает, что я всё делаю ради неё.

–□А ты почему мне не сказала, что тебе про меня рассказал Караим? – спросил я.

–□Ну... я не подумала, что это важно. А что, надо было?

–□Да, – сказал я, – надо было. Я бы тогда раньше два и два сложил, и всё вышло бы совсем по-другому. Что ещё ты мне забыла рассказать? Давай, колись.

–□Ну-у... у меня на правой ноге два сросшихся пальца – мизинец и безымянный или как они называются, которые на ногах? Я, когда сексом занимаюсь, интуитивно эту ступню прячу, вот ты и не заметил.

–□Хм... что ещё?

–□Да... всё вроде. Больше я от тебя ничего не скрываю. Веришь?..

–□Верю, – сказал я и помог её встать. – Меня, кстати, Димой зовут.

–□Я знаю, – ответила она.

–□А тебя?

–□Меня зовут Варвара.

–□Вот это имя! А сокращённо как?

–□Верба, – уверенно сказала она. – Назовёшь хоть раз Варей – убью!

Эпилог

С тех пор прошло уже больше трёх лет. За это время я трижды назвал Вербу Варей – все три раза в контексте каких-то дурацких шуток. Первые два раза я получил от Вербы по лбу тем, что у неё было в этот момент в руках – китайскими палочками для еды и тушью для ресниц соответственно. В третий раз у неё в руках оказался ноутбук, и, трезво оценив ущерб от поломки ноутбука о мою голову, я начал убегать от неё по всему дому, спрятавшись в итоге за нашего сына. Тот раскинул руки в стороны и грозно сказал:

–□Мама! Если ты убьёшь папу, я на тебя *расстроюсь!*

Угроза показалась такой реальной, что Вербе пришлось сменить гнев на милость. После этого, правда, она всем рассказывала, что, когда я дерусь с женщинами, я бью их в челюсть тяжёлыми тупыми предметами, а если подобные предметы оказываются у них в

руках, то я убегаю и прячусь за широкими спинами отважных младенцев – пусть и развитых не по годам.

Я по-прежнему занимаюсь колоколами – дела идут то лучше, то хуже, в общем, как обычно. Одесситы, кстати, отлили себе колокол – прошлым летом его привезли и с большой pompой повесили на колокольне. Я приезжал в сентябре к первому звону. Звук гораздо лучше, чем я опасался. Но, конечно, хуже, чем мог бы быть, если бы они послушались всех моих рекомендаций. Ну и бог с ним. Не кастрюля – и то ладно.

Влад поначалу обижался на меня – он не поверил в рассказанную ему историю, даже сильно упрощённую. Главным образом потому, что тела Дылды и Заики загадочным образом исчезли из мусорной кучи, – не знаю, работа ли это корректоров или каких-то других конспираторов попроще. Но через пару месяцев он вдруг постучался в аську, извинился и сказал, что получил только что сведения, подтверждающие мой рассказ. «Мы живём в очень загадочном мире, Клёст, – написал он мне, – и исчезновение из библиотеки книги Аксёнова – далеко не самое странное, что может в нём произойти».

Кстати, 6 июля 2009 года умер Аксёнов. Такие дела.

Хаим написал мне отчёт, получил свои деньги и собрался приехать в гости, когда летом 2007-го всё-таки загремел в тюрьму. Ненадолго, в связи с какими-то подделками, но сам факт был удивителен. За восемь месяцев заключения он написал довольно объёмную работу на стыке криминалистики и истории – по идентификации солдат и офицеров по остаткам одежды и знаков отличия. Работа была опубликована сначала по частям в профильном журнале, а потом отдельной книжкой, получила приз какого-то общества историков, и Хаиму предложили место преподавателя в небольшом университете в Баварии. Они с Мартой приезжали на пиво в это году. Я спросил, примет ли он место – он ответил, что ещё думает над этим. Впрочем, в любом случае он не перестанет заниматься тем, что делал, слишком уж Хаим любит свою жизнь.

Чего тоже с годами не меняется – он продолжает копать, причём копает по-прежнему всё, что лежит в земле, от доисторических артефактов до кладов, спрятанных на чердаках и в подвалах старых домов. Он всё так же равнодушен в футболе и всё так же любит хорошую музыку. Кстати, сборная Греции в этом году высадил Украину из отбора на ЧМ-2010. А «Мётли Крю» летом 2008-го выпустили новый альбом – самый лучший из всех, что они когда-либо записывали. Пара песен оттуда до сих пор у меня в плеере. Век живи – век работай над собой, что тут ещё добавить?

Доктор Ключко совсем сдал. После того как у него на глазах корректоры упаковали и забрали с собой его пациента, он уволился из больницы и целыми днями сидел дома с выключенным светом и задёрнутыми шторами. Я написал ему полноценный отчёт, как и обещал, но, кажется, это не пошло на пользу его самочувствию. Через полгода он появился у меня, разбудив посреди ночи настойчивым звоном в дверь, и спросил, где ещё есть места, в которых корректоры не могут его увидеть, – родная больница его уже не устраивала. Я написал ему список всех, что знал, и он исчез. Кажется, я что-то слышал о том, что он снял квартиру в доме, где раньше жил Караим, но не уверен.

Ну что ещё?

Ах да, совсем забыл. В сентябре 2008 года в ходе раскопок в районе Айн-Шамс на востоке Каира археологи нашли руины забытого храма фараона Рамзеса Второго. Там ещё и куски гигантской статуи Рамзеса Второго обнаружили. К этой новости живейший интерес проявила Верб. Что у неё было с этим Рамзесом, я так и не понял. Детская любовь, что ли?

Этой зимой мы решили в кои-то веки выбраться куда-то покататься на лыжах и научить кататься сына (хоть нам все и говорили, что мы ненормальные – тащим маленького ребёнка на верную смерть). Мы поселились в небольшом отеле в Славском и каждый день ходили на «Грабовец». Больше у нас было, конечно, пеших прогулок, чем катания на лыжах.

На второй неделе нашего отдыха погода испортилась, и Верб изъявила желание прокатиться с какой-нибудь экскурсионной группой в Мукачево, посмотреть замок. Я в этом замке уже был раньше и подержать парня за палец ещё раз мне не захотелось. Утром я

посадил Вербу с малышом на автобус, а сам, махнув на всё рукой, сел на машину и отправился в Пилипец.

В этот раз подъём уже не представлял собой смены сезонов. Была зима, и каждый метр карпатской земли мне это демонстрировал. В Пилипце была метель, у подножия горы была метель, и на вершине горы – та же самая метель.

Здесь былолюдно – и тропинка на «дикий спуск», несмотря на погоду, была отлично видна и хорошо утоптана.

На самой полонине не было видно ни зги, и всё же туда-сюда сновали какие-то люди, и кто-то, судя по всему, в такую пургу даже катался. Я еле дошёл до кафе и с удивлением обнаружил, что здесь тоже полно народу. Все столики были заняты, и почти за каждым сидела какая-то шумная компания. Мангал горел вовсю, и в помещении было довольно жарко.

Старик сидел за другим столиком, не за тем, что в прошлый раз, а в самом дальнем углу, возле последнего окна, спиной к залу. Он был один. Я медленно прошёлся к стойке, заказал себе глинтвейна и подошёл к нему.

–□ Многие хотели бы, чтобы для них всё было кончено, – сказал Старик и обернулся. Затем сделал широкий жест рукой, приглашая меня сесть. – Но часто с удивлением обнаруживают, что для них всё только начинается.

–□ Вы обо мне и Вербе? – Я сел напротив.

–□ Нет, – сказал он и взял со стола кружку, – я о вашем сыне. Может быть, тебе показалось, что ты очень удачно выкрутился из всей этой истории, сохранив свою женщину в обмен на предназначение Гадалки. Но, поверь мне, если ты думал после этого отрастить себе пивное брюшко и привыкнуть к тихой жизни рядового домоседа, то ты просчитался.

–□ Я не ищу лёгких путей, – ответил я.

–□ Это я заметил, – довольно сказал Старик.

Какое-то время мы молчали, отпивая каждый из своей кружки и глядя в окно на метель. Пурга была завораживающим зрелищем.

–□ Я хотел спросить у вас, – сказал я и посмотрел Старику в глаза, – зачем вы убили Ганса Брейгеля?

Старик усмехнулся. Затем сделал ещё один глоток.

–□ Зачем?.. Сейчас это так трудно объяснить... Можно сказать, что я был молодым и глупым. Я многого не знал тогда. И не понимал, на что я могу повлиять, а на что не могу. Дело в том, что война всегда особенным образом преломляется в сознании того, кто через неё проходит. Короче говоря... я думал, что делаю правильное дело. – Старик задумчиво посмотрел в кружку, затем в окно на метель и продолжил: – У меня есть оправдание – куда более серьёзные умы, чем я, не могли понять своего места в мироздании. Мы в прошлый раз говорили о Гитлере... Он понял, что его судьба – быть примером, понял, что ничто и никто, кроме него самого, не в силах его убить... но он всё трактовал неверно. Гордость, примитивные людские инстинкты, умственная лень... слишком поздно фюрер сообразил, каким именно примером ему суждено стать.

–□ А вы?

–□ Что я?

–□ Вы поняли?..

Старик как-то уклончиво махнул рукой:

–□ Не надо было корректорам делать этих жетонов. В этом я и сейчас уверен. И, знаешь, это чуть ли не единственное, в чём я по-настоящему уверен.

–□ А зачем вы нарисовали эти картины? Ну те, со звёздами?

–□ Ммм... это объяснить ещё сложнее. Когда ты пытаешься спрятаться и сделать так, чтобы о тебе забыли, убедись, что в мире не осталось сведений, которые известны тебе одному. Поделись всем, что есть в твоей голове, выбрось это в эфир – и бесконечная возня вокруг бесконечных мнимых проблем продолжится без тебя. Ты уже не будешь никому нужен.

Я посмотрел на часы:

–□ Мне пора.

–□ Ты не допьёшь глинтвейн?

–□ В другой раз.

–□ Что ж, будет повод проведать старика.

Я сделал последний глоток, встал, надел шапку и протянул ему руку:

–□ До встречи?..

–□ До встречи, – сказал Старик и ответил на мой жест крепким рукопожатием.

Я надел перчатки, вышел из кафе, глубоко вдохнул морозный воздух и медленно побрёл сквозь сугробы в сторону леса.

От автора

Список людей, которых хочется поблагодарить за помощь в работе над текстом, куда больше самого текста, так что приходится ограничиваться теми, кого просто нельзя не поблагодарить.

Спасибо Эдуарду Аркушину за стержень, вокруг которого закрутился сюжет, без него этот роман не был бы ЭТИМ романом.

Спасибо Нине Чернинской, Алексею Юдченко, Евгению Савочкину, Ольге Савочкиной и отделу IT за идеи.

Огромное спасибо Елене Данилюк, Сергею Процюку, Ирине и Елене Ковбыч за их работу с моим скверным немецким и Ольге Флюнт – за помощь с моим скверным украинским.

Спасибо скромному доценту кафедры.

Спасибо авторам бесед и реплик в интернет-чатах, которые так или иначе превратились в реальность моего романа. Забавно, кстати, но, когда я вчера полез на один сайт кое-что посмотреть о второй дивизии СС «Дас Райх», я с удивлением обнаружил, что должность начальника шестого отдела дивизии вместо Ганса Брейгеля занимает некий Альберт Штальманн. Лично я склонен видеть в этом дело рук корректоров.

Спасибо им за то, что эта книга всё-таки вышла в свет.